

DAMIEN LEWIS

JUDY

A DOG IN A MILLION

A NOVEL

ДЭМИЕН ЛЬЮИС

ДЖУДИ

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ГЕРОЙ

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
СЕМЕЙНОГО
2015 **ДОСУГА**

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ
Л91

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Издание опубликовано при содействии
The Peters, Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:
Lewis D. Judy : A dog in a million : A Novel / Damien Lewis. —
London : Quercus Editions, 2014. — 384 p.

Перевод с английского *Юрия Сапрыкина*

- © Damien Lewis, 2014
- © KS Agency, обложка, 2014
- © TopFoto.co.uk&Brian Harris / Rex, фотографии, 2014
- © Nemiroltd, издание на русском языке, 2015
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

ISBN 978-966-14-8827-3 (PDF)

Minitus acuminae¹

*Девиз команды «Москита»,
судна Королевского военно-морского
флота Великобритании,
патрулирующего реку Янцзы*

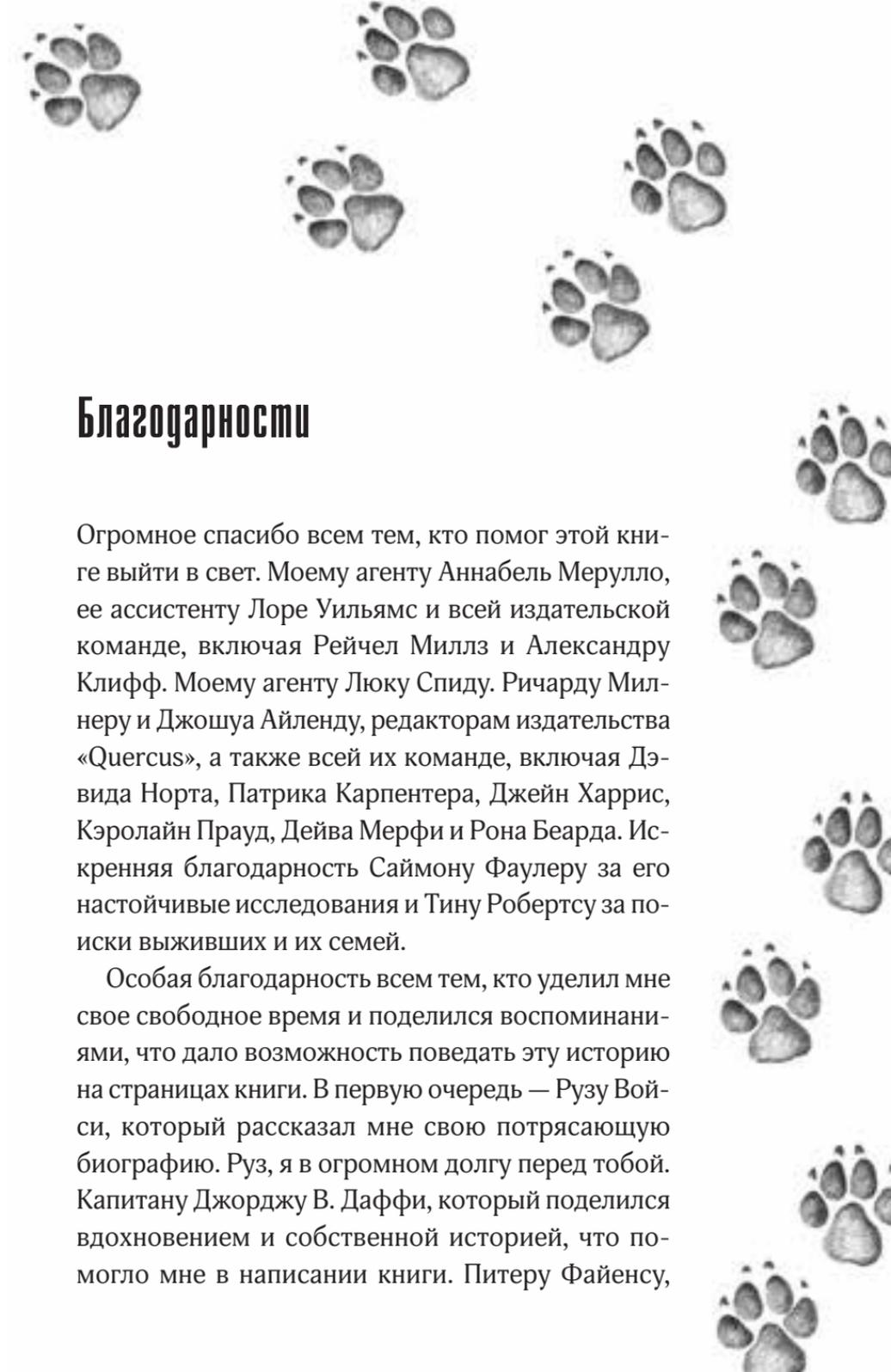

¹ Защищен жалом (лат.)

...Даже москиты погибали, попробовав
их кровь

*Элис Реншоу,
ученица школы для девочек «Пенсби»,
из доклада о японских лагерях
для военнопленных*

Благодарности

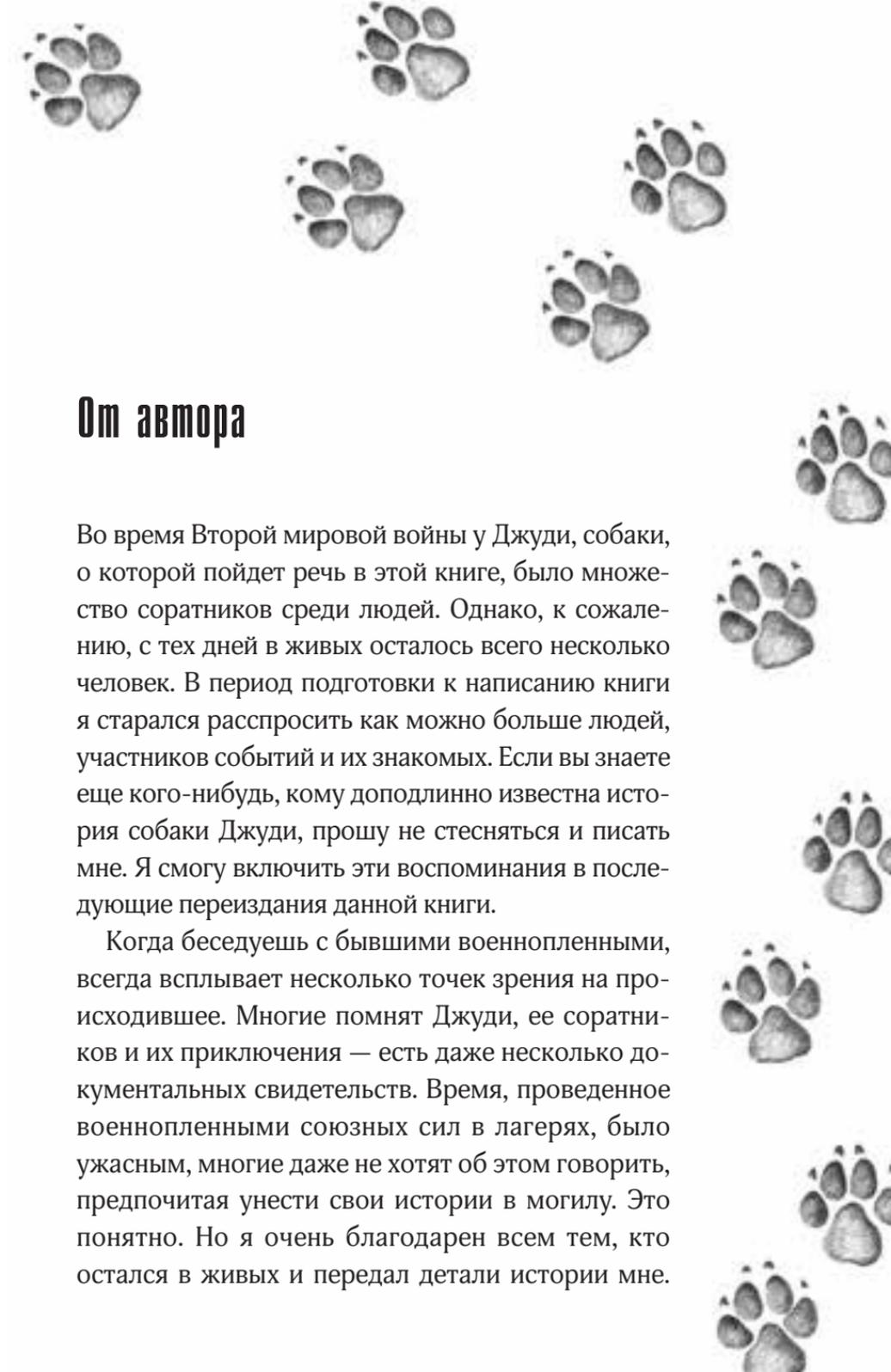
Огромное спасибо всем тем, кто помог этой книге выйти в свет. Моему агенту Аннабель Мерулло, ее ассистенту Лоре Уильямс и всей издательской команде, включая Рейчел Миллз и Александру Клифф. Моему агенту Люку Спиду. Ричарду Милнеру и Джошуа Айленду, редакторам издательства «Quercus», а также всей их команде, включая Дэвида Норта, Патрика Карпентера, Джейн Харрис, Кэрлайн Прауд, Дейва Мерфи и Рона Беарда. Искренняя благодарность Саймону Фаулеру за его настойчивые исследования и Тину Робертсу за поиски выживших и их семей.

Особая благодарность всем тем, кто уделил мне свое свободное время и поделился воспоминаниями, что дало возможность поведать эту историю на страницах книги. В первую очередь — Рузу Войси, который рассказал мне свою потрясающую биографию. Руз, я в огромном долгу перед тобой. Капитану Джорджу В. Даффи, который поделился вдохновением и собственной историей, что помогло мне в написании книги. Питеру Файенсу,

Фергюсу Анкхорну, автору и герою книги «Волшебник Кваи», в которой говорится о том, как Фергюс выжил в плену у японцев во время войны. Спасибо за твоё время, воспоминания и помощь. Я был и остаюсь под огромным впечатлением от этой истории. Лиззи Оливер — за её вдохновение и воспоминания, а также её дедушке за его наброски. Мэг Паркс — за её беспримерный опыт и дневники отца, а также за помощь в написании финала книги. Филиппу Уирну — за помощь в поисках интересных людей, имеющих бесценный опыт. Эдриен Ховел, организатору литературного фестиваля, за знакомство с людьми, которые оказались очень полезными в процессе написания книги. Дэвиду Тетту — за предоставленные открытки и корреспонденцию военнопленных. Хенку Ховинге — за настойчивость и советы. Лесу Парсонсу — за то, что поделился историями своего дяди, побывавшего в плену у японцев. Имоджен Холмс — за несколько рассказов о своём отце с таким же прошлым. Тони Сперо — за воспоминания отца и Тайсону Милну — за истории его бабушки. Аманде Фарелл и Джонатану Моффату — за участие в поисках необходимых людей.

Свою благодарность я хочу выразить и всем тем, кто помогал мне, но предпочёл остаться неназванным.

Особая благодарность моей жене Еве, а также Дэвиду, Дэмиену-младшему и Сианне-Саре (за то, что провела несколько часов в закрытой комнате со своим сердитым отцом).

От автора

Во время Второй мировой войны у Джуди, собаки, о которой пойдет речь в этой книге, было множество соратников среди людей. Однако, к сожалению, с тех дней в живых осталось всего несколько человек. В период подготовки к написанию книги я старался расспросить как можно больше людей, участников событий и их знакомых. Если вы знаете еще кого-нибудь, кому доподлинно известна история собаки Джуди, прошу не стесняться и писать мне. Я смогу включить эти воспоминания в последующие переиздания данной книги.

Когда беседеешь с бывшими военнопленными, всегда всплывает несколько точек зрения на происшедшее. Многие помнят Джуди, ее соратников и их приключения — есть даже несколько документальных свидетельств. Время, проведенное военнопленными союзных сил в лагерях, было ужасным, многие даже не хотят об этом говорить, предпочитая унести свои истории в могилу. Это понятно. Но я очень благодарен всем тем, кто остался в живых и передал детали истории мне.

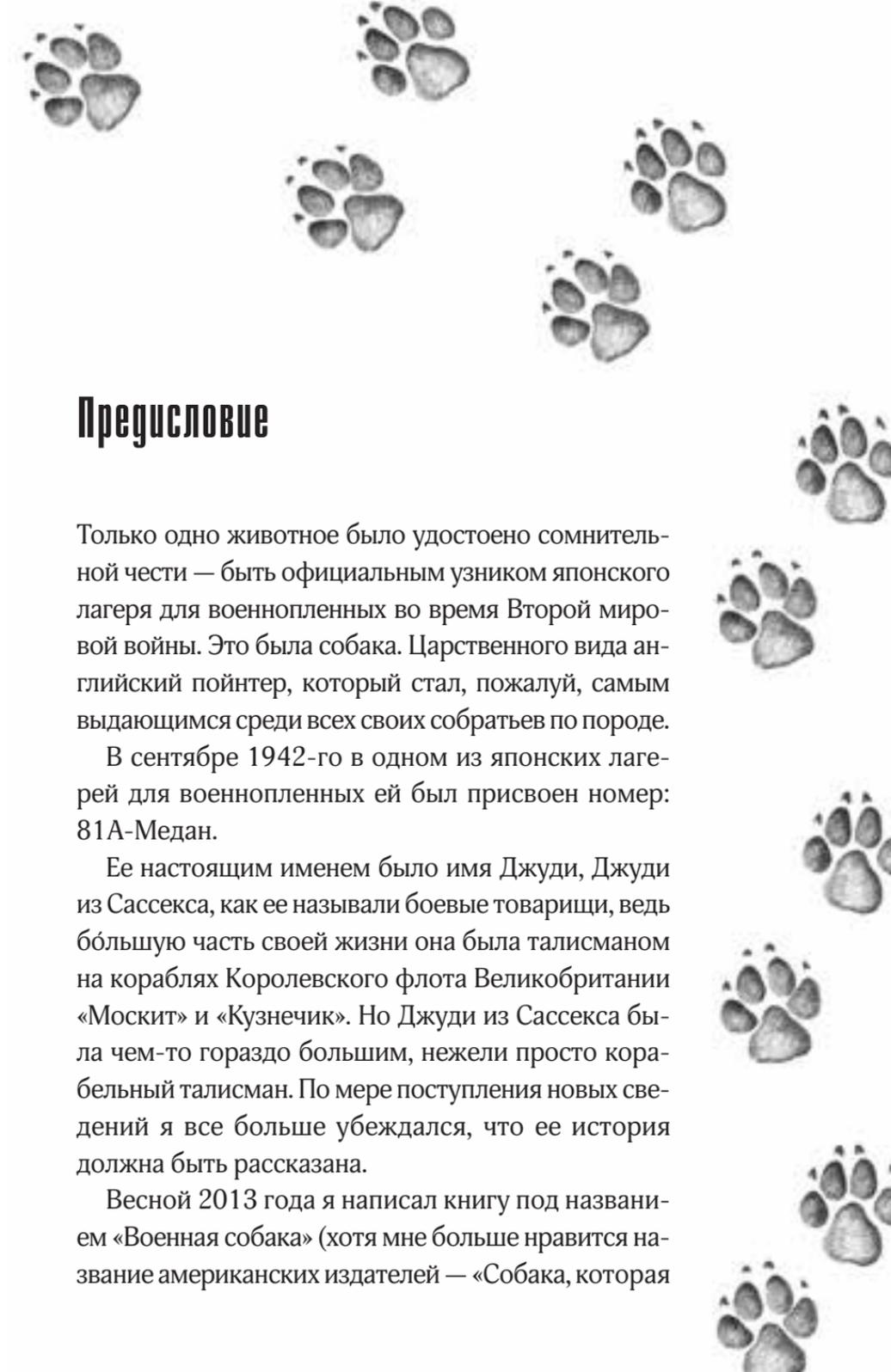
Впрочем, воспоминания очень разные и, естественно, зависят от того, где находился в то время повествователь. Так, например, узники лагерей на Дальнем Востоке испытали на себе всю тяжесть дней, похожих один на другой как две капли воды. Для этих людей время оставило в памяти только основные события — вехи, на которые они ориентировались.

За прошедшие десятилетия память участников событий, увы, не улучшилась. Несколько письменных свидетельств сильно разнились между собой. В них не было точно указано время и место события. Поэтому я поставил перед собой важную задачу — составить как можно более полную хронологию событий, привязав историю к местности, где она произошла. Побывав в лагерях для военнопленных, я методично восстанавливал события по крупицам, воссоздавая наиболее вероятную картину происшедшего. Если несколько свидетельств совпадали, то к такому факту я относился как к достоверному. Я воссоздал несколько диалогов, которые будут интересны читателям.

Несмотря на все это, некоторые ошибки все-таки могли закрасться в работу, поэтому буду очень благодарен, если вы внесете в книгу свои коррективы. Так же нелегко было найти людей, у которых сохранились фотографии, запечатлевшие те события, или же дневники, наброски. Опять-таки, я буду счастлив, если вы поучаствуете в исправлении моих недоработок в будущих переизданиях книги.

Всем обитателям Саннингхилла,
маленького рая на земле

Дэвиду, Дэмиену-младшему и Сианне
с надеждой, что они станут теми, кем могут стать

Предисловие

Только одно животное было удостоено сомнительной чести — быть официальным узником японского лагеря для военнопленных во время Второй мировой войны. Это была собака. Царственного вида английский пойнтер, который стал, пожалуй, самым выдающимся среди всех своих собратьев по породе.

В сентябре 1942-го в одном из японских лагерей для военнопленных ей был присвоен номер: 81А-Медан.

Ее настоящим именем было имя Джуди, Джуди из Сассекса, как ее называли боевые товарищи, ведь большую часть своей жизни она была талисманом на кораблях Королевского флота Великобритании «Москит» и «Кузнечик». Но Джуди из Сассекса была чем-то гораздо большим, нежели просто корабельный талисман. По мере поступления новых сведений я все больше убеждался, что ее история должна быть рассказана.

Весной 2013 года я написал книгу под названием «Военная собака» (хотя мне больше нравится название американских издателей — «Собака, которая

умела летать»). В ней описана история Энта, щенка немецкой овчарки, найденного на пустыре. Собака участвовала в немалом количестве вылетов во время Второй мировой войны. В награду за свои подвиги Энт, или Энтис, как его еще называли, был удостоен медали Марии Дикин — высшей награды для животных.

Хозяином Энта был чешский летчик Роберт Боздех (позже он проживал в Британии). С ним Энт участвовал в воздушных боях в составе эскадрильи бомбардировщиков. Летчика и собаку не раз сбивали, они получали ранения и часто смотрели смерти в лицо. Среди фотографий с церемоний награждения медалью Дикин я нашел одну, на которой Энтис изображен в компании двух других собак. Справа от него на фото был английский пойнтер бело-коричневого окраса, с умным взглядом.

Что-то завораживающее было в этом изображении: чувствовалось в этой собаке нечто такое, что могло бы прославить ее на десятилетия. Когда я познакомился с семьей Боздехов — детьми Роберта Боздеха, — я показал им это фото и спросил, что это за собака. Мы были в Девоне, в имении, принадлежащем старшей дочери Роберта Пип, и собирались отпраздновать выход в свет книги о ее отце и Энтисе.

Пип посмотрела на фото.

— Я думаю, что это, скорее всего, Джуди. Да, похоже, что это она. Не правда ли, она прекрасна? Она тоже получила медаль Дикин, и ее история еще более удивительна...

Пип рассказала мне то небольшое, что знала о собаке. И действительно, история Джуди оказалась потрясающей. Мое любопытство было раззадорено. Я пообещал себе узнать как можно больше об этой собаке, но в то время я работал над другой книгой, поэтому мысли о Джуди тог-

да были не совсем к месту. Пока не представился еще один шанс.

Несколько месяцев спустя я побывал на литературном фестивале в Сомерсете. После обсуждений мне захотелось увидеть организатора фестиваля — потрясающую Эдриен Ховел. Интерес мой вызывало животное, бывшее узником японского лагеря. Эдриен бросила на меня такой пронизательный взгляд, будто я интересовался ее отношением ко мне.

— Вы знаете, у фестиваля «Мер» долгая история, которая так или иначе ассоциируется с историей японских военнопленных на Дальнем Востоке, — заметила она. Эдриен сделала паузу, а затем продолжила: — Фактически мой дядя был одним из них... Но есть множество других таких же семей. Человек, с которым вам стоит поговорить, — это Филипп Уирн. Его отец, Ривенд Уирн, находился в плену вместе с моим дядей. Он похоронил его и принес в наш дом весть о его смерти.

Эдриен была так добра, что похлопотала о моей встрече с Филиппом Уирном, который, как она сказала, был очень деятельным членом сообщества бывших военнопленных на Востоке.

— Конечно, — добавила она. — Мы все слышали о Джуди. Она была потрясающей собакой. Бесспорно, те вещи, на которые она была способна... Наверное, с ней никто не может сравниться.

Два похожих разговора. Оба собеседника говорили мне одно и то же — *это была совершенно удивительная собака*. Мой исследовательский аппетит все разгорался. Как и предсказывала Эдриен, Филипп Уирн смог мне помочь. Он посоветовал мне поговорить с Лиззи Оливер. Ее дед, Стенли Рассел, находился в одном лагере с Джуди и был одним из множества ее друзей. В это невозможно поверить, но он, несмотря на все

обыски, умудрялся вести тюремный дневник. Если бы дневник был найден, это, конечно же, могло стоить ему жизни.

Я встретился с Лиззи в Лондоне, на собрании людей, которые писали о той войне. В изысканном спокойном интерьере деревянного здания фронтового клуба Лиззи рассказала мне, что она близка к завершению диссертации, посвященной дальневосточным лагерям. В ней она опиралась на дневники своего дедушки.

Она сказала:

— Если вы спросите о суматранской железной дороге или лагере, любой вам скажет: *«Вы ведь хотите знать о той собаке, Джудди, не так ли?»* Это потрясающе: каждый, кого бы вы ни спросили, помнит о ней и до сих пор находится под впечатлением. — Она засмеялась. — Люди страдали не меньше, чем она, но именно Джудди стала знаменитой, а не железная дорога или лагерь. Вот какое впечатление она производила на людей, знавших ее.

Лиззи рассказала, что за годы службы на корабле в районе реки Янцзы Джудди пережила несколько бомбардировок и кораблекрушение, до того как попала в плен в северной части острова Суматра. Она содержалась там вместе с другими узниками лагеря, которые должны были строить на Суматре так называемую адскую железную дорогу — прокладывать колею в непроходимых джунглях, вручную прорубать ходы в горах, где остановилось время.

Речь не о той железной дороге, соединяющей Таиланд и Бирму, о которой сейчас хорошо знают. Та дорога была увековечена в 1957 году в фильме «Мост через реку Квай», а позже — в фильме «Возмездие» с Колином Фертом в главной роли. Это была другая, но столь же невыносимая стройка: было проложено две тысячи километров колеи, в строи-

тельстве участвовали пленные и многочисленные местные. В этой истории все еще достаточно темных пятен. В наше время далеко не каждый слышал об адской стройке на Суматре и обо всем ужасе, который там происходил. Но о пленной собаке, Джуди из Сассекса, люди узнать должны!

Поколебавшись, Лиззи вынула из сумки огромную книгу в твердом переплете — дневник ее бабушки.

— Есть кое-что, что я должна вам показать. — Она открыла дневник на странице, где была закладка. — Вот! — Она гордо указала пальцем на рисунок. — Узнаете? Как вы думаете, кто это? Это, несомненно, Джуди. Ее невозможно спутать с другой собакой.

На рисунке, занимавшем почти полстраницы, был изображен британский пойнтер бело-коричневого окраса. Он притаился в тропических зарослях, словно выискивая среди бамбука крысу. Ведь пленные вынуждены были жить в постоянном голоде и жуткой тесноте, словно сардины в банке.

— Это то, о чем никогда не будет написано, — пояснила Лиззи. — Хотя много было сказано об ужасах лагерей, жестокости и многом другом, о чем сложно говорить. Все это связано со страданиями. У людей, конечно, не было выбора. Непостижимо как, но они выжили. И этим они отчасти обязаны животным, которые помогали им сохранять бодрость духа. Это что-то вроде ниточки, которая должна была вернуть их к нормальной жизни. Было что-то сверхчеловеческое в том, чтобы выжить на протяжении долгих лет адского труда, а потом вернуться и жить обычной жизнью до конца своих дней. И относительно плавностью перехода к спокойной семейной жизни люди были обязаны в том числе и своим питомцам.

Лиззи сказала, что я непременно должен найти Руза Войси — ветерана девяноста двух лет, бывшего узника японских

лагерей. Она узнала, что тот является единственным ныне живым британцем, строившим железную дорогу на Суматре. Руз, как никто другой, мог добавить красок, сообщить неизвестные факты о строительстве железной дороги и необыкновенной собаке. Но до того как встретиться с ним, мне следовало повидаться с Мэг Паркс. Ее отец тоже был военнопленным, у него, по словам дочери, сохранились дневники, где в деталях описывается тот период.

Следует доверять подобным источникам: в них — точные сведения о лагерях. Очень часто их записывали ночью на обрывках бумаги, хранили в жестяных банках, а потом закапывали на кладбище лагеря. Существовало два события, которых больше всего боялись охранники: это помешательство и смерть узников. Они не хотели иметь дело с пленными, которые потеряли рассудок, а также избегали всего, что было связано со смертью. Это была их фобия — смерть и мертвые тела. И именно это делало кладбище идеальным местом для того, чтобы что-то спрятать.

Я встретился с Мэг, и она была так добра, что дала мне копии отцовских дневников. Он писал, что вместе с другими животными с ними жила кошка. Мэг была согласна с Лиззи в том, что животные помогали пленным пережить нелегкие испытания, о чем в подробностях никогда не будет написано. В некоторых лагерях заключенные учили голубей переносить почту, чтобы передавать весточки о себе и о том, что происходит в лагере.

Просто невероятно!

Мэг была вовлечена в специальный проект, в котором участвовали ученики высшей школы для девочек «Пенсби» в Йоркшире. В проекте также принял участие Том Боардмен, девяностодвухлетний выживший узник военного лагеря, —

он приходил в школу рассказать о себе. Одиннадцати-двенадцатилетние дети должны были написать сочинение от лица животного — любого животного, жившего в лагере для военнопленных. Мэг передала мне буклет с выдержками из этих сочинений. Среди них были удивительно трогательные.

«И кот сказал... Пленники гладят меня и постоянно думают о доме. Мне это нравится. А когда в их глазах светится голод, я их боюсь». (Элен Дэвис)

«Собака будто спрашивала: почему мы здесь? И почему некоторые из вас исчезают?» (Софи Бернс)

«Голубь проворковал: “Позабочусь об их сообщениях. Я их семья, а они — моя”». (Элис Реншоу)

— Но я хочу сказать, что эти истории не о «конкурентах» Джуди, — добавила Мэг. — Она была одной на миллион.

Мэг, как и Лиззи, посоветовала мне встретиться с Рузом Войси. Я отправился в провинциальный Норфолк, чтобы познакомиться с бывшим узником. Мой навигатор привел меня к прекрасному деревянному бунгалу с аккуратной крышей, где, по-видимому, и жил человек, который был мне нужен.

Руз явно ждал. Он одарил меня приветственным жестом, выходя из сада. Для своих девяноста двух лет он выглядел довольно бодрым и проникательным. Мы пожали друг другу руки. Он внимательно осмотрел меня, словно пытаясь увидеть во мне человека, который сможет проделать очень длинный путь ради воссоздания картины событий, происшедших несколько десятилетий тому назад.

Он оглядел и свои владения, которые казались мрачноватыми при свете зимнего полуденного солнца.

— Вы знаете, иногда щебет птиц здесь такой громкий, что я не могу расслышать голоса соседей, идущих вдоль забора. — Он улыбнулся. — Однако мне все здесь нравится, и я рад вас

приветствовать. — Он указал рукой на приоткрытые двери: — Пожалуйста, проходите.

Руз был примечательным человеком. Он выжил в адских условиях на строительстве той железной дороги и прошел через самое, по его мнению, страшное — рабский труд в плену у японцев. Он числился в группе военнопленных, которые должны были расчистить коралловый остров Харуку от непроходимых джунглей и проделать тоннели в скалах, чтобы способствовать осуществлению планов имперской Японии по ее вторжению в Австралию (чему не суждено было сбыться). Харуку — это один из Молуккских остров, которые также называют Островами пряностей. Под палящим солнцем, в сухом климате, в пыли, Руз легко мог умереть, что и произошло со многими его соратниками.

И это еще не все. Он служил на японском «адском судне» — ржавой посудине, которая использовалась для перевозки пленных с одного места работы на другое. Каждый из таких маршрутов Руз считал последним. Он даже вспомнил о затонувшей британской субмарине «Junyo Maru». Это было самое крупное по количеству жертв кораблекрушение того времени: пять тысяч шестьсот военнопленных, а также множество местных жителей пошли ко дну.

Каким-то образом Рузу удалось выжить и в тот раз. После он присоединился к сотням военнопленных на Суматре. Именно тогда он впервые услышал о Джуди, которая была талисманом строителей местных железных дорог. Как и многие, с кем удалось пообщаться до него, Руз не мог вспоминать о ней без улыбки. Он посмотрел на фото своей умершей собаки, висевшее на стене.

— Это моя Шона. Трехцветный сеттер. Она была потрясающим питомцем — о лучшем не стоило и мечтать. Я даже

брал ее с собой на работу, где она спала весь день под моим столом. У нее был очень покладистый характер. Однажды я случайно поставил ножку кресла ей на ухо. Она даже не залаяла, просто подняла на меня глаза и заскулила, словно хотела сказать: «Эй, это ведь на самом деле больно». После Шоны других собак у меня не было. Так вот, Джуди имела такой же характер. Другой такой просто не существует.

Руз продолжал рассказывать мне истории военного времени — некоторыми из них он до сих пор ни с кем не делился, даже с недавно умершей женой. Свой монолог он закончил так:

— Я был поражен тем, как собаки могли выживать в таких условиях. То, что Джуди выстояла там, потрясающе. Корейские надзиратели в лагерях собак не кормили, они их ели. И, несмотря на это, у животных хватало сил. Удивительно, как вообще можно было это пережить. Это чудо — часть ее истории.

Я покинул маленькое бунгало Руза с коробкой, набитой пожелтевшими бумагами: статьями из журналов, книгами о собаках, фотографиями и мемуарами выживших в лагерях — всю эту «библиотеку» Руз собирал годами.

— Да-да, возьмите, — сказал старик, когда я поинтересовался, готов ли он отдать мне все это на время. — Вряд ли в мои годы я смогу как следует воспользоваться этим. Но если у вас будет потребность вновь прийти и задать какие-нибудь вопросы — всегда пожалуйста. Я здесь один и практически ничем не занимаюсь — только пересматриваю содержимое этой коробки. Главное, чтобы те дни никогда не повторились!

Я положил коробку на заднее сиденье машины и хотел было попрощаться с Рузом, но он задержал меня.

— Знаете, есть один вопрос, который мне всегда пытаются задать: после всего, что произошло, вы ненавидите японцев? Мне кажется, вы бы тоже хотели знать.

Руз потряс головой — перед его взором, по-видимому, вновь пронеслись события тех дней.

— Нет, я не могу сказать, что ненавижу японцев. Как можно ненавидеть целую нацию? Я ненавижу надзирателей, которые позволяли себе такое, о чем неудобно даже говорить. Я думаю, что ненависть не красит человека, она его пожирает. — Он засмеялся: — Вот поэтому, наверное, я, ха-ха, все еще здесь!

После этого визита я виделся еще с несколькими узниками лагерей, их семьями и детьми, узнавал новые факты об истории, которая все больше меня захватывала. Фергюс Анкхор, девяноста пяти лет, который выжил в лагере благодаря чуду и сейчас являлся самым старым из списка, рассказал мне о том, как пленные уживались в лагере с собакой, обезьяной и даже хамелеоном! Последний лежал у Фергюса на груди, когда тот спал, и поедал москитов, высовывая язык. Отличная замена противомоскитной сетке!

— Понимаете, эти животные помогали нам оставаться в здравом уме. Они были будто тоненькой ниточкой, связывающей нас с родным домом. Каким-то образом мы понимали, что нужно остаться в живых, пережить это рабство хотя бы ради того, чтобы присматривать потом за этим животным, будь то собака, обезьяна или кто угодно! Мы должны были оставаться в живых ради них.

Фергюс рассказывал о том, как люди ценили этих животных, убеждая себя лишний раз, что должны выжить. Люди делились своим скудным рационом, чтобы не дать животным умереть от голода. Фергюс очень любил собак, хотя и кошки ему нравились не меньше.

— Однажды я заметил в кустах маленькую, похожую на воробья птичку, — начал он, и в его озорных и добрых гла-

зах мелькнуло что-то мрачное. — Я на коленях подобрался поближе к птице. С другой стороны куста я увидел отощавшего кота. Это было похоже на соревнование между нами. Я увидел, как кот прыгнул, птица взлетела, и тут я — цап! Лишь перья медленно опускались на землю. Я съел эту птицу в тот же вечер. Но когда потом смотрел на обглоданные кости, то чувствовал вину, оттого что не поделился с котом. Я не могу этого забыть и простить себе.

Как и Руз, Фергюс считал, что те, кто с тех пор навеки невзлюбили японцев, движимы слепой ненавистью. Те же, кто их простили, прожили остаток жизни счастливо.

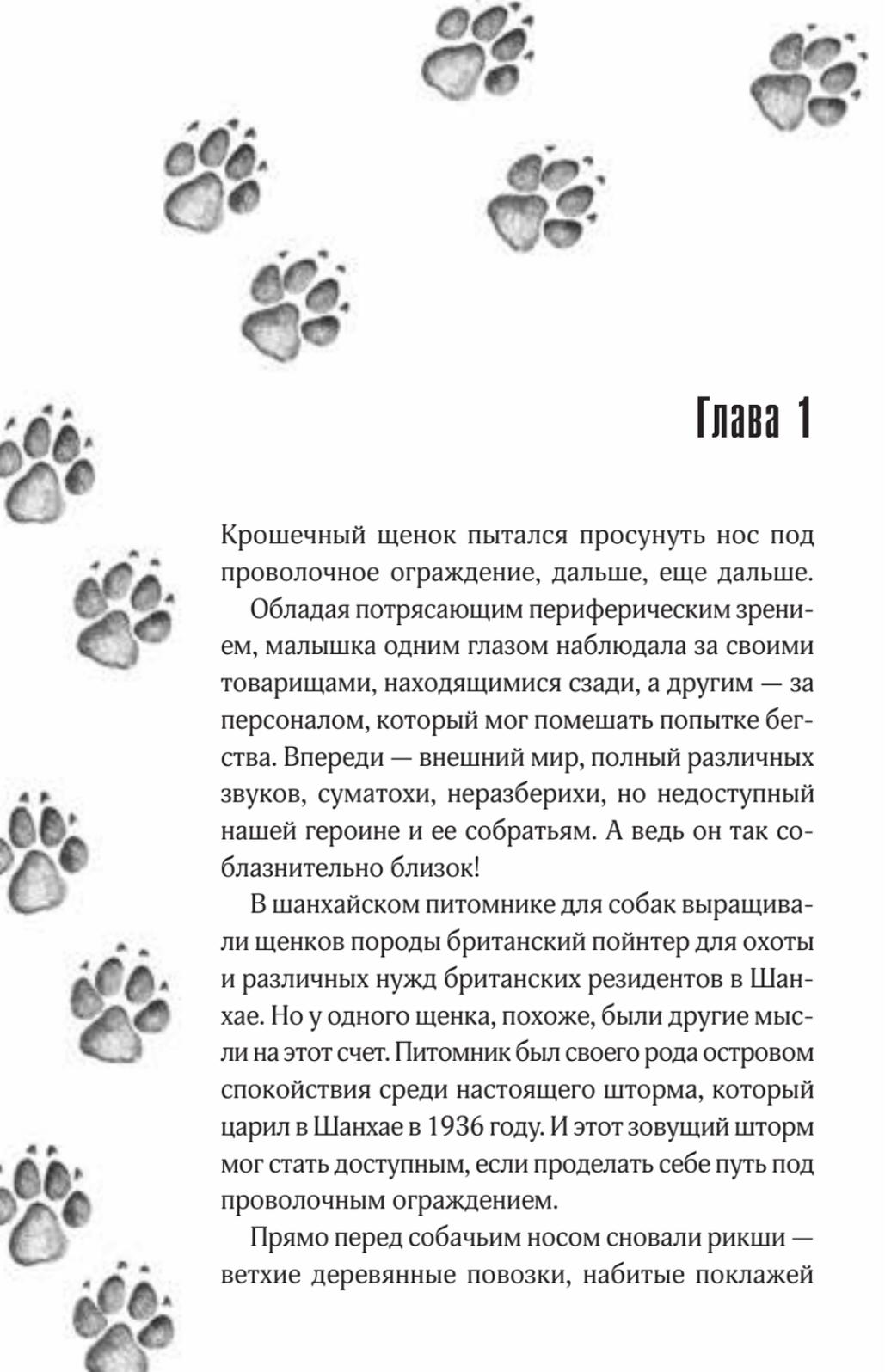
Итак, Фергюс был одним из многих, кто говорил мне, что наравне с людьми животные показали себя настоящими героями.

Обратимся к истории о Джуди. Она началась в Шанхае, за несколько лет до начала войны, в те времена, когда британские суда еще ходили по могучей реке Янцзы, защищая национальные интересы почти в самом сердце Китая. Она началась с побега нашей героини из питомника и ее поступления на службу на корабль «Москит». Мы, не пропуская ни одного значимого факта, проследуем за Джуди и ее друзьями в их злоключениях, начиная от событий на реке Янцзы и заканчивая строительством железных дорог на Суматре.

Люди говорят, что правда часто бывает более странной, чем вымысел. Несомненно, история Джуди из Сассекса для некоторых станет своего рода вызовом.

Это именно то, о чем я обязан был написать.

Дэмиен Льюис, Корк, Ирландия, декабрь 2013

Глава 1

Крошечный щенок пытался просунуть нос под проволочное ограждение, дальше, еще дальше.

Обладая потрясающим периферическим зрением, малышка одним глазом наблюдала за своими товарищами, находящимися сзади, а другим — за персоналом, который мог помешать попытке бегства. Впереди — внешний мир, полный различных звуков, суматохи, неразберихи, но недоступный нашей героине и ее собратьям. А ведь он так соблазнительно близок!

В шанхайском питомнике для собак выращивали щенков породы британский пойнтер для охоты и различных нужд британских резидентов в Шанхае. Но у одного щенка, похоже, были другие мысли на этот счет. Питомник был своего рода островом спокойствия среди настоящего шторма, который царил в Шанхае в 1936 году. И этот зовущий шторм мог стать доступным, если проделать себе путь под проволочным ограждением.

Прямо перед собачьим носом сновали рикши — ветхие деревянные повозки, набитые поклажей

в человеческом обличе. Они носились туда-сюда по пыльным улицам, обслуживая местных жителей, одетых подчеркнуто официально: в высокие цилиндры и пальто. Эти хрупкие повозки боролись за место под солнцем с трамваями и автобусами, тоже набитыми доверху и ползущими по обочине вдоль киосков с жареными и острыми деликатесами. Куда ни глянь, везде фасады магазинов украшали яркие красные вывески; реклама на них пестрила экзотическими иероглифами.

Почему именно этой собаке, одной из многочисленных ее собратьев, так хотелось увидеть, понюхать, попробовать весь этот мир (то есть бежать из питомника) — она и сама не знала. Но с самого рождения любопытство распирало ее, тогда еще безымянного щенка. И вот сейчас она просовывала блестящий нос под проволоку и ловила все эти новые завораживающие запахи, доносившиеся с заднего двора питомника. Осталось всего несколько движений, совсем немного усилий, чтобы протиснуться, — и ты свободна.

Довольно отчетливо внутренний голос в ее голове повторял: *«Не делай этого!»*, но в то же время другой голос громко требовал: *«Вперед, ты же можешь!»* И в этот момент сомнения, когда голова щенка уже находилась под проволочным ограждением, за спиной раздался взволнованный крик: *«Что я вижу!»* Это был голос Ли Минг, местной молоденькой китаянки, чья мать работала в питомнике. Ли Минг была очень шустрой и проворной — она могла в два счета оказаться возле собаки еще до того, как той удалось бы выбраться наружу.

Маленькие передние лапы отчаянно рыли землю в попытке проделать ход под проволокой. Щенок бился в отчаянной попытке протиснуться в щель вместе со всеми своими

складками и со стороны напоминал большую рыбу, попавшую в сеть рыбака. Лысый обрубок хвоста, словно несгибаемый палец, дергался из стороны в сторону, будто помогая туловищу выбраться наружу.

Ли Минг остановилась рядом и протянула руки, чтобы схватить непокорного щенка. Но в это мгновение малышка сделала энергичный рывок — и оказалась по ту сторону. Она стремглав помчалась прочь, и очень скоро ее маленькое тельце было поглощено шумом и пылью беспокойного Шанхая.

Ли Минг на секунду совершенно растерялась, тупо смотря вслед убегающей собаке. Щенка на улицах города подстерегало столько опасностей, что девушка затруднилась бы перечислить и половину из них. Ей было понятно лишь то, что малыш совершил очень дерзкий побег. Она подумала о том, что стоит догнать беглеца, воспользовавшись рикшей. Ли Минг представила, как легко тот может упасть в один из множества открытых канализационных люков, но еще хуже было то, что этому пухлому ухоженному щенку придется кормиться типичной для местного населения пищей, непригодной для собак.

В 1936 году в Шанхае мясо было на вес золота — нечто вроде деликатеса. Молодой холеный щенок, оказавшийся без присмотра, мог стать чьей-то легкой добычей. Ли Минг вернулась в дом, построенный в колониальном стиле, стоящий в центре питомника. Она хотела сообщить плохие новости и привлечь на поиски сбежавшей собаки еще кого-нибудь. Но на сердце девушки было как-то уж слишком тяжело: ее охватило мрачное предчувствие.

Она опасалась, что больше никогда не увидит своего питомца.

Шанхай был не тем местом, где двухнедельный щенок может чувствовать себя в безопасности. Уже на тот момент в городе проживало до трех миллионов человек; это был порт в самом центре береговой линии Китая, огромный шумный мегаполис. Он находился в дельте могучей реки Янцзы, самой длинной в Азии, своего рода трубы, по которой переправлялись различные товары после торговых операций. Основными партнерами, развивающими экономику Шанхая, были Британия, Америка и Франция.

Десятилетиями Шанхай называли «Парижем Востока», но в описываемое время он стал скорее городом проблем. Отсутствие официального лидера и постоянная борьба в правительстве привели к процветанию преступности. Главари бесчисленных банд взяли под контроль многие сферы экономики. Британия, Америка и Франция поспешили отправить свои корабли, чтобы усмирить зарвавшихся преступников и вернуть в привычное русло торговлю шелком, хлопком, чаем и другими ценностями.

Вскоре проблем прибавилось: воспрянул духом давний китайский враг — Япония. Последовало несколько кровавых стычек с японским флотом, который бомбардировал Шанхай. Китай подписал договор с Японией, согласовав его с Британией и другими сильными державами. Согласно договору японцам позволялось постоянное присутствие в порту Шанхая. Императорская Япония, разумеется, не афишировала свое желание завоевать и подчинить себе всю китайскую нацию, но Шанхай мог стать воротами вглубь страны, а потом и в ее новую столицу, Нанкин.

Таков был Шанхай, город, в котором скрылась беглянка из питомника. Там очень велика была вероятность оказаться в эпицентре преступных разборок, а на улицах было полно

солдат Японской Империи, которые с презрением смотрели на местных. Но поначалу, после драматического побега, это место могло показаться щенку чудесным.

Шло время. Собачья красота довольно быстро поблекла: под бело-коричневой шерстью уже просвечивались ребра. Нос собаки стал сухим и потрескался — явное свидетельство плохого состояния. Только ее ясные глаза все еще выражали стойкость характера и ту храбрость, которая отличала собаку с рождения и стала одной из причин ее дальнейших злоключений. Тем не менее все еще было впереди. После побега в ее жизни было то, чего не было у других собак, — свобода, хотя она же заставила малышку страдать. Сейчас было что-то особенное во взгляде щенка — неопределенность и уязвимость. Они появились после того, как стало ясно, что далеко не каждый человек может называться другом.

Как глупа она была, ей стало понятно только сейчас, по эту сторону проволочного забора. Она променяла комфорт и роскошь питомника на разваливающуюся картонную коробку, лежавшую в маленьком переулке, полном мух. Она сменила компанию похожих на нее игривых братьев и сестер на одиночество улиц. Вместо того чтобы пожинать плоды любви и чувствовать защищенность, щенок столкнулся с жестоким «человеческим зоопарком» на вечно переполненных улицах города.

Казалось, весь мир был против нее, кроме Су. По случайной случайности Су, китайский торговец, оказался большим любителем собак. С тыльной стороны магазина Су стояла коробка, приспособленная для щенка, и каждый раз после рабочего дня торговец приносил ему лакомые кусочки. Конечно, в питомнике малышка привыкла к другому рациону, но забота Су позволяла ей выжить.

Как и у большинства китайцев, в семье Су не было традиции держать в доме собаку или другое животное. До 1936 года собак в Китае могли содержать только для выполнения работ или... разнообразия меню. У китайцев традиция употреблять в пищу мясо собак уходит корнями вглубь веков. Считалось, что собачье мясо очень полезно с точки зрения медицины. Некоторые породы собак даже специально выводились и содержались для употребления в пищу во время неурожая.

К счастью, Су не был одним из тех, в чьих заведениях в меню можно было найти собачье мясо, и поэтому беглянка из питомника могла чувствовать себя спокойно.

Это дало ей шанс выжить.

Кроме того, у собаки было настолько развито шестое чувство, что впоследствии это стало ее спасительной особенностью — чувствовать опасность задолго до ее появления.

Очередной японский военный корабль причалил в порту Шанхая, моряки Его Императорского Величества покинули его и шумной компанией отправились на прогулку по городу. Естественно, целью было найти алкоголь или выплеснуть на кого-либо свою агрессию. Был поздний вечер, но Су, всегда много работавший, был по-прежнему на месте, и его лавочка была открыта.

Команда моряков, конечно же, не могла пройти мимо.

Сначала они стали оскорблять Су, затем потянулись к его товарам; хозяин, естественно, протестовал. Шума становилось все больше, но моряки продолжали грабеж. За считанные минуты магазин Су был разграблен — деревянные полки опустели и были разбиты в щепки. Су убивался, внутри у него все кипело от ярости.

Поняв, что его единственный защитник подвергся жестокому нападению, щенок вышел из своего укрытия посмотреть, что можно сделать для спасения Су. Передвигаясь ползком на животе, кроха скулила от страха, но пыталась сделать свое рычание более грозным, взрослым. Вот она увидела, как несколько человек в мешковатых брюках и начищенных сапогах пинают и бьют ее хозяина.

Один из нападавших заметил крадущегося щенка. Он тут же отступил от Су и сделал несколько шагов к собаке. Еще мгновение — и бедняга получила сокрушительный удар сапогом в живот. Удар был такой силы, что поднял собаку в воздух и отбросил в кучу мусора на другой стороне улицы. Она лежала на мостовой, скулила от боли, надеясь, что обидчик в странной униформе исчезнет.

Компания ушла. Су был настолько избит, что не мог самостоятельно передвигаться. Только сейчас щенок увидел, в каком жалком состоянии находится хозяин. Торговец лежал в темном углу у дверного проема. Собака подползла к нему, ее тело страшно болело, живот свело еще и от голода. Все внутри онемело от побоев и холода, пронизывающего насквозь.

Этой ночью малышка поняла, что побег из питомника обернулся кошмаром. Но, как известно, самое темное время суток всегда наступает перед рассветом.

Кроха все еще лежала на улице, когда солнце осветило город и какую-то знакомую фигуру. Одинокая собака дрожала, скулила. Она так настрадалась, что даже не услышала звука шагов. Человек остановился совсем рядом. Но щенок будто не слышал слов, сказанных в его адрес.

— Шуди? Шуди? О, Шуди! Что случилось? Где ты была?

Хвост пойнтера был уже не белым, а скорее серым от грязи. Он отказывался вилять в знак приветствия. Однако собака все-таки узнала знакомый тембр голоса. У девочки из питомника было гладкое смуглое лицо и темные волосы, спадающие на плечи. Да, это была Ли Минг. Она рассматривала большое яркое пятно на боку псины. Несомненно, перед ней лежала ее собака.

В разросшемся городе с населением в три миллиона человек девушка из питомника именно в это утро проходила по той самой улице, где лежала ее травмированная подопечная. Ли Минг нагнулась и взяла щенка на руки, засунула его под куртку. Затем она быстро пошла по улицам города напрямиком к английской леди, хозяйке питомника, чтобы сообщить о находке.

К тому времени, как она прибыла в большой дом, щенок у нее за пазухой уже крепко спал.

— Посмотрите! Посмотрите! Я нашла Шуди! — тараторила девушка.

Англичанка бросила на нее недоверчивый взгляд через стол, за которым сидела. Посмотрев на щенка, она подошла к девушке и взяла малыша на руки. Хозяйка крепко держала собаку, гладила и ласкала, рассматривала, словно сравнивала принесенную малышку с беглянкой. Щенок лениво приоткрыл один глаз, оценил обстановку, затем как бы улыбнулся и вновь погрузился в сон.

Это вызвало у англичанки улыбку.

— Это она. Это именно та собака, которая сбежала! — Она посмотрела на Ли Минг — та светилась от счастья. — Итак, мне кажется, самое время тебе ее искупать и хорошенько накормить.

Ли Минг с энтузиазмом кивнула. Больше всего на свете она любила ухаживать за щенками. Собака снова оказалась в ее руках, и теперь девушка могла о ней как следует позаботиться.

Англичанка спросила:

— А почему ты назвала ее Шуди?

Ли Минг засунула теплую, сонную кроху, свернувшуюся в комок, себе под куртку.

— Я всегда называю собак Шуди, — ответила она. — Шуди значит «мирный». Именно так она сейчас выглядит, правда?

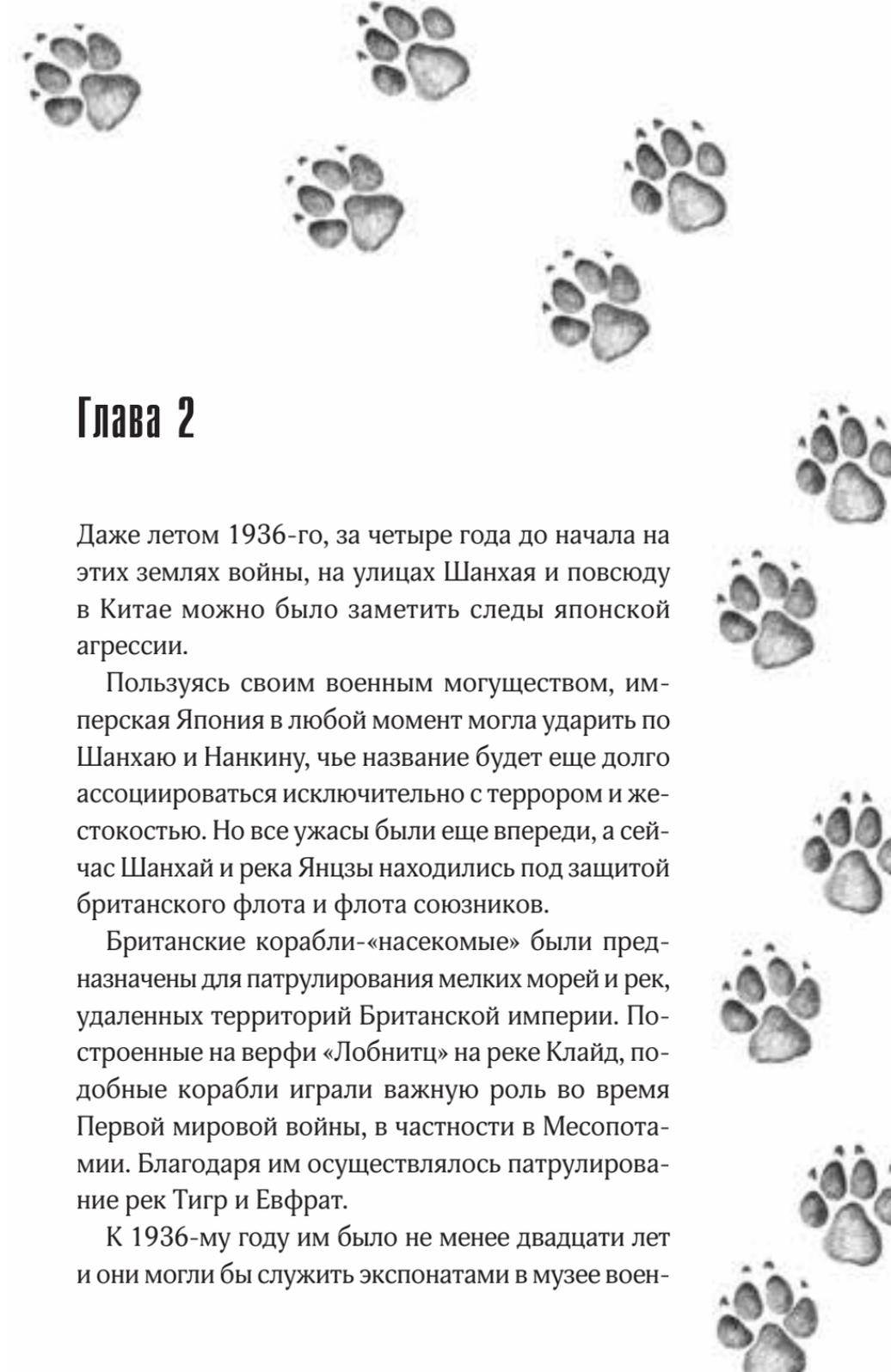
Женщина посмотрела на Ли Минг и сказала:

— Так и есть. Да, так и есть, Ли Минг. Пусть с этого момента она будет зваться Джуди.

Так щенок, который сбежал и теперь вернулся, получил новое, подходящее ему имя: китайское слово «мирный», измененное на английский манер, должно было отныне приносить собаке только удачу.

Ли Минг немного поиграла с Джуди и только тогда осознала, какой опасности та подверглась.

Ли Минг и представить себе не могла, какой знаменитой станет ее питомица впоследствии, во время Второй мировой войны.

Глава 2

Даже летом 1936-го, за четыре года до начала на этих землях войны, на улицах Шанхая и повсюду в Китае можно было заметить следы японской агрессии.

Пользуясь своим военным могуществом, имперская Япония в любой момент могла ударить по Шанхаю и Нанкину, чье название будет еще долго ассоциироваться исключительно с террором и жестокостью. Но все ужасы были еще впереди, а сейчас Шанхай и река Янцзы находились под защитой британского флота и флота союзников.

Британские корабли-«насекомые» были предназначены для патрулирования мелких морей и рек, удаленных территорий Британской империи. Построенные на верфи «Лобнитц» на реке Клайд, подобные корабли играли важную роль во время Первой мировой войны, в частности в Месопотамии. Благодаря им осуществлялось патрулирование рек Тигр и Евфрат.

К 1936-му году им было не менее двадцати лет и они могли бы служить экспонатами в музее воен-

ной техники. Но они по-прежнему были довольно быстрыми и хорошо вооруженными. Благодаря плоскому дну и небольшому водоизмещению «насекомые» идеально подходили для навигации на такой реке, как Янцзы. Их называли «большими китайскими лодками». Они были оснащены двумя котлами и двигателями. Каждый двигатель имел собственный винт, вал которого был соединен с корпусом, для того чтобы минимизировать шансы сесть на мель.

Когда Шуди, то есть Джуди, вновь поселилась в питомнике, один из таких кораблей как раз проходил ежегодный осмотр в доках Шанхая. Его готовили к дальнейшей службе, к поиску пиратов и других преступных формирований на самых мелких участках Янцзы. Такое судно способно было преодолевать расстояния в тысячи миль.

Корабль Ее Величества «Москит» нельзя было назвать особо удачливым, и сейчас его команда больше всего была обеспокоена двумя проблемами. Первая — это запас пива. «Китайские» корабли Королевского флота имели особенность: брали с собой на задание определенный запас пива, из которого потом каждый член команды получал авансы. Капитан судна, лейтенант Уолдгрейв, отметил в судовом журнале, что таких запасов хватит всего на несколько недель даже при самом умеренном потреблении.

Вместе с «Москитом» в доках проходило осмотр и американское судно. Офицеры и команда раз в неделю, в субботу (чтобы запасы не иссякали слишком быстро), приглашались на британский корабль для дегустации пива. Взамен американцы приглашали британских моряков на свой корабль для просмотра американских фильмов в собственном кинотеатре.

Второй проблемой для «Москита» являлось отсутствие талисмана, что было для флотилии на Янцзы нетипично. Еще

более нетипично, нежели скудость запасов пива на корабле. На других кораблях, таких как «Сверчок», «Цикада», «Божья коровка» и флагман «Пчела», талисманы имелись. Это были кошки, собаки или даже обезьяны. Но у команды «Москита» не было ни пушистого, ни четвероногого, ни пернатого друга, поэтому капитан поручил своим подчиненным все же найти талисман.

Офицеры в очередной раз собрались в столовой корабля, чтобы обсудить, будет ли это птица, млекопитающее или рептилия. Предложений поступало очень много, но большинство из них — китайская черепаха, огромная панда и аллигатор — были отвергнуты или даже подняты на смех по причине непрактичности и неуместности.

Совет постановил, что талисман должен обладать тремя особенностями. Так как в составе команды корабля отсутствовали женщины, талисман должен был быть самкой — это во-первых, приятной на вид — это во-вторых, полезной в несении службы — это в-третьих. В один из ноябрьских дней около полудня команда офицеров покинула корабль и отправилась в питомник.

Как и большинство охотничьих собак, британские пойнтеры обладали неиссякаемой энергией. Они росли сильными, внимательными, никогда не знали усталости независимо от того, в какой местности им предстояло работать. Именно такие качества требовались от собаки, чьей обязанностью должен был стать поиск чего-либо или преследование преступника.

Джуди доказала свою боевую готовность, когда совершила побег из питомника. Всем пойнтерам присуща живость, но Джуди продемонстрировала, что ее запасы энергии больше, чем у ее собратьев. На первый взгляд кажется, что это

не самое главное качество для талисмана судна — трудно собаке куда-либо расходовать энергию на борту корабля размером двести тридцать семь футов от носа до кормы и тридцать шесть¹ — поперек. Но как только старшие офицеры привезли Джуди на судно, сразу стало понятно, что она станет частью команды.

На тот момент ей было шесть месяцев и она уже полностью восстановилась после недолгого периода уличной жизни. У Джуди был ясный взгляд и правильная стойка, что сразу делало ее ярким представителем своей породы. Шея ее была изящна, темные, словно уголь, глаза глубоко посажены, морда вытянута. С высоко поднятой головой она смотрела на странных мужчин в униформе, которые пришли взглянуть на нее. Видно было, что природа щедро наградила ее.

Ко времени своего поселения на борту «Москита» Джуди превратилась в настоящую леди, отраду для глаз. Кроме того, будучи охотничьей собакой, она могла искать и охранять дичь для камбуза. Хотя это и не первейшая задача для пойнтеров, их легко можно обучить приносить убитую добычу.

Но вернемся на наш корабль. Все было подготовлено к скорому отплытию: запасы хлеба, мяса, топлива (бензина и керосина), а также уголь. Пара мазков краски избавила корабль от следов ржавчины в нескольких местах на его обшивке. Китайские юнги, занятые на камбузе, также были полностью готовы к работе на борту.

¹ Примерно 72 и 11 метров соответственно. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Кучка моряков толпилась на носу палубы, собираясь переодеться в белую парадную форму для последнего выхода на сушу. Это было уже после того, как открылся люк и показалась голова Коксвейна, офицера, выполнявшего обязанности рулевого и старшего в команде. Он объявил:

— Всем быть на палубе через десять минут!

Облачившись в форму, моряки задумались, чем можно заняться в городе. Разумеется, вряд ли что-то могло изменить их планы спуститься на берег. Шанхай, несомненно, был городом развлечений, диких и экзотических. Здесь тяжело было держаться вдали от баров, где пиво льется рекой... в отличие от корабля, где его запасы иссякают.

Мужчины собрались в носовой части и построились согласно рангу под тентом, тянувшимся практически во всю длину корабля. Тент придавал судну странный вид, издали делая его похожим на трамвай на воде. Тем не менее тент доказал свою полезность за время патрулирования Янцзы: он создавал тень и защищал от солнца или дождя, которые так часто мешали службе моряков на великой реке.

— Смир-р-рно! — рявкнул Коксвейн, когда вся команда была в сборе.

— Команда корабля в сборе, сэр! — доложили ему.

Старший лейтенант Уолдгрейв сделал шаг вперед и поставил на пол пустой деревянный ящик из-под боеприпасов — пулеметов «Максим» 303 калибра. Они являлись символом могущества колониальной Британии и размещались по три с каждой стороны судна, создавая впечатление того, что корабль вооружен до зубов. Но сейчас, как показалось старшему лейтенанту, ящик меньше всего напоминал

о войне. Отдав команду «Вольно!», он обратился к мужчинам, слегка улыбаясь, хотя на его лице редко присутствовали какие-либо эмоции.

— Вернемся к нашему совещанию в столовой. Мы пришли к выводу, что на корабле нужен питомец. — Он сделал паузу, изучил исписанный лист бумаги в своих руках, и его улыбка стала более широкой. Затем лейтенант продолжил: — Напомню вам, что одним из условий являлось то, что животное должно быть женского пола. В общем, нам нужна красотка, достойная того, чтобы служить с нами. Я выслушал множество ваших пожеланий, большинство из которых, к сожалению, отверг.

Старший лейтенант посмотрел на товарищей, стоявших перед ним.

— На «Пчеле» живут две кошки, — продолжал он. — На «Цикаде» — и вовсе обезьяна, да поможет им бог! — Длинная пауза. — Что касается нашего корабля, то с этого момента мы не будем возвращаться сюда с охоты, подстрелив двадцать перепелов, а найдя только одного.

Он повернул голову и громко крикнул:

— Старшина!

В дверном проеме появился силуэт, затем на уровне колен старшины в проеме показалась собачья голова. Собака начала с любопытством озираться по сторонам. Тогда старшина поманил животное, и на свет божий вышел белый английский пойнтер. Красоту собаки дополняли коричневые пятна по всему телу и на голове.

Все глаза были устремлены на нее. Она еще была щенком со странной, довольно ленивой походкой. Собака медленно прошла по палубе, ее лапы казались неестественно большими для ее роста. Старшина торжественно сопроводил ее

к шеренге. Джуди продолжала перемещаться вразвалку. Она тяжело дышала, язык выпал наружу, отчего казалось, что она глупо улыбается.

Все выглядело таким комичным, что каждому из них трудно было сдержать улыбку.

Старший лейтенант театрально воздел руку кверху и плавно опустил — собака присела перед ним.

— Вот она, джентльмены! Встречайте нашу первую даму на корабле, Джуди!

Присутствующие щедро поприветствовали «даму» аплодисментами. Они дополнили ее кличку, чтобы подчеркнуть аристократическое происхождение красавицы, — Джуди из Сассекса. Сассекс был выбран по понятной причине. От Шанхая до него было очень далеко, но некоторые члены команды были родом из этой части Англии.

На должность опекуна собаки был выбран матрос Ян Танки Купер. Танки отвечал за пополнение продовольственных запасов, а также выполнял обязанности мясника, а это значило, что в его закромах всегда можно было найти лакомые косточки.

Танки, как и предполагалось, отвел собаке место в коробке из-под боеприпасов, рядом с капитанским мостиком; жилище было снабжено одеялом. Проходили недели и месяцы. Джуди часто спала, уютно свернувшись калачиком возле кого-либо из членов команды.

Ей даже был присвоен официальный номер в судовом журнале. У всех служащих были собственные номера, например JX125001. Номер определял принадлежность к одному из пяти классов: матросы и связисты; кочегары; офицеры; повара и стюарды; все остальные. Номер Джуди был с приставкой «МХ». Это означало, что она принадлежала

к категории «все остальные». Еще это говорило о том, что она начала службу после 1925 года, потому как до этого была другая система нумерации.

Номер Джуди не предоставлял ей особого статуса, так как она еще не была зарегистрирована в Адмиралтействе. Но, как решил офицерский состав «Москита», они могли уплыть и без этих формальностей, так как все понимали, что эта система несовершенна, и не принимали ее всерьез. У многих моряков были одинаковые номера, отличалась лишь приставка.

В любом случае Джуди не нужно было платить жалованье.

Жизнь собаки на корабле можно, наверное, оценить как близкую к собачьему раю. По крайней мере, в первые месяцы службы на борту «Москита» она действительно была такой. На корабле Джуди из Сассекса могла позволить себе все, что ни пожелала бы, включая достаточное количество пищи, тепло и общение в хорошей компании.

Как и предполагалось изначально, Джуди держалась поближе к офицерскому составу, базировавшемуся в передней части корабля. Но поскольку именно капитан судна лейтенант Уолдгрейв и старшина Чарльз Джеффри «скинулись», чтобы приобрести «это чудо», они считали, что имеют больше прав проводить с ней время. Обычно они тратили его на то, чтобы потренировать любимицу. Джуди предстояло стать «офицерской охотничьей собакой».

Уже в названии породы «пойнтер» заложено ее главное свойство — указывать на добычу. Обычно пойнтер принимает жесткую стойку, как только учует добычу. Хотя каждая собака может действовать по-своему, классический британский пойнтер становится в стойку так: голова опу-

щена, хвост торчит горизонтально, одна лапа приподнята и согнута на конце. Этой лапой собака указывает охотнику направление добычи.

Охотничьи попытки Джуди не сразу увенчались успехом. Как минимум первые сорок восемь часов на борту корабля ее способности работали в другом направлении: ее нюх воспринимал только аромат обеда. Она могла безошибочно найти лишь камбуз, откуда доносились такие манящие запахи!

Офицеры долго спорили между собой, как развивать ее навыки в нужном направлении. Решено было начать тренировки: утки, перепела, антилопы и газели — вдоль берегов Янцзы встречается немало дичи. Казалось, невозможно было сдерживать ее неумную энергию. Любопытный нос приводил ее к каждой щели, включая каюты персонала и опять-таки кухню, где она, увы, не могла рассчитывать на восторженное приветствие.

С самого начала службы Джуди стала офицерской любимицей. Как единственная собака на корабле, она для каждого была компаньонкой. У нее не было конкретного хозяина, и в то же время ее владельцем был каждый, а это могло стать препятствием для успешных тренировок. К тому же все попытки Танки Купера упорядочить ее питание приводили к разочарованию. У него за спиной исчезал не только шоколад, но порой даже бокал с пивом: все это отправлялось Джуди на десерт. Каждый хотел ее побаловать.

К тому времени, когда «Москит» готов был отправиться из Шанхая, во вторую неделю ноября 1936 года, капитан и старшина — те, кому команда была обязана появлением питомицы, — давно уже смирились с ее недостатками. Она была первой и единственной их корабельной собакой

и пользовалась большим успехом. Не было на борту человека, который бы относился к ней холодно, а ее присутствие всегда поднимало команду боевой дух.

Джуди выжила на жестоких улицах Шанхая, теперь ей предстояла длинная и счастливая карьера на судне «Москит». Но и здесь она повстречалась с опасностью очень скоро, почти сразу же после запуска корабельного двигателя.

И снова к смерти чуть не привело ее любопытство.

Глава 3

Десятилетиями научное изучение собак и теория дрессировки опирались на особенности повадок их древнего предка — волка. Большинство ученых сходятся во мнении, что все собаки, от пекинеса до дога, — потомки одного вида — *canis lupus*, или серого волка. Собаки взяли 99,96 % от его ДНК.

Более тридцати тысяч лет ушло на формирование собачьих пород и, что еще важнее, одомашнивание. Человек и собака начали свое партнерство и дружбу много веков назад. Собака стала первым прирученным животным, и эта связь сохранилась до сих пор.

Сомнения по поводу того, что без определенной работы с ними собаки будут показывать свой волчий нрав, долгое время определяли тактику общения двуногих с четвероногими. Исследователи предполагают, что волки ранее жили в больших стаях с двумя доминантными особями — взрослыми самцом и самкой — и могли быть очень жестокими по отношению к тому, кто был рангом ниже. Люди слишком часто стремились подчинить собак,

объясняя это тем, что собака очень близкий родственник волку, а значит, надо четко дать ей понять, кто тут доминирует.

Более поздние исследования заставили человека изменить мнение. Наблюдения показали, что в природе стая волков обычно ограничивается одной взрослой парой и ее подростками, которые помогают родителям в воспитании малюток. Стая может проявлять жестокость, но только по отношению к другой стае, в случае, если те посягают на их территорию. По природе волки очень общительные и семейные животные. Внутри своей семьи — или стаи — они проявляют сотрудничество, доброту и заботу друг о друге.

Так же и большинство собак любит быть частью семьи и участвовать в семейной жизни наряду с другими ее членами, причем уже неважно, состоит она из людей или собак. Исходя из этого дрессировка и обучение собак правильному поведению развивается по тому же сценарию, что и воспитание ребенка. Больше всего собаки откликаются на любовь, поощрение и игру, но, что самое важное, животное должно быть полноценным членом семьи. К счастью для Джуди, она попала в самую большую, добродушную и готовую к играм семью, которую только мог пожелать себе пес.

Атмосфера на борту корабля была дружелюбной и родственной. Команда, насчитывавшая более пятидесяти человек, включая юнг и поваров, представляла собой подобие волчьей стаи, поскольку также делилась на группы. Могли иметь место конфликты, но, как правило, все разрешалось очень легко. Главным правилом здесь было сотрудничество, а не принуждение.

Первые пару дней на борту Джуди одинаково общалась со всеми членами команды. С ними она чувствовала себя до-

ма. К тому моменту, когда «Москит» был готов к плаванию, Джуди из Сассекса успела полностью привыкнуть к корабельному быту. Она прекрасно освоилась и была готова к длительному путешествию вглубь страны.

Ровно в восемь часов утра 10 ноября 1936 года команда корабля закончила приготовления к отплытию. В девять один из членов команды уже был готов отдать швартовы. Как все собаки, Джуди сверхъестественным чутьем умела расшифровывать язык тела человека и понимать его действия. Она возбужденно забегала по кораблю.

Десять минут спустя корабль поднял якорь, заработали оба двигателя, задрожала палуба. Еще двадцать минут спустя судно вновь пристало к берегу и пришвартовалось на верфи азиатской топливной компании, чтобы залить около шестидесяти восьми тонн топлива. Для Джуди это был первый выход в море, и вся команда была потрясена ее спокойным поведением. Но надо отметить, что все это происходило в сравнительно тихих водах шанхайского порта.

С таким запасом топлива судно должно было двигаться тысячу двести двадцать часов до следующей верфи, где планировалось пополнить запасы оружия. Кроме шести пулеметов «Максим», вмонтированных на корме корабля, «Москит» теперь мог похвастать 12-фунтовым противовоздушным орудием и парой 6-дюймовых орудий «Марк VII», способных метать снаряды весом в сорок пять килограммов на расстояние более десяти километров.

Жизнь на кораблях, патрулирующих Янцзы, была красочной, но иногда таила в себе опасность. И часто та исходила от вражеских кораблей, курсирующих здесь же. Кроме того, Янцзы — дикая и непредсказуемая река, в любой момент можно было удариться о ее каменистые берега. Постоянное

напряжение и опасность вынуждали молодых моряков искать возможности расслабиться и снять стресс. Шанхай с его шумными барами и подземными клубами давал им такую возможность.

Частенько загулявшие моряки с большой неохотой отрывались от береговых радостей. В последние несколько дней капитан Уолдгрейв вынужден был отправить двух членов команды на тридцатидневное наказание в соответствии с военным трибуналом. Причиной послужило то, что они добрались до запасов корабельного пива и не прошли мимо известной категории девушек, дежурящих неподалеку. В то же время капитан решил наградить других членов команды. В целом они прекрасно уживались между собой, и Уолдгрейв старался поддерживать определенные традиции на борту, чтобы еще больше сплотить коллектив.

Что касается Джуди, то оказалось, что она может доставлять команде не только радость, но и определенные проблемы.

Это случилось утром 14 ноября, когда «Москит» уже приближался к морю. Сейчас он будто устремлялся в бурлящую пасть, образованную огромным потоком речной воды в устье. Корабль по команде «Полный вперед!» двинулся на своей максимальной скорости, лавируя в узких местах реки. Судно изо всех сил боролось с течением скоростью в десять узлов¹, которое гнало этот огромный объем воды к морю.

Здесь, где могучая Янцзы впадала в Восточно-Китайское море, дельта имела ширину более двадцати миль, то есть такую же, как Ла-Манш в своем самом узком месте. И человеку, и собаке нужно было пристально взглядеться в серую но-

¹ ≈18,5 км/час.

ябрьскую воду, чтобы лишний раз убедиться, что это река, а не океан. Дикие вихри течения бушевали под ровной поверхностью корпуса корабля; мощные волны омывали его борта. Холодная, мутная, серо-желтого цвета вода была очень тяжелой из-за ила. Постоянно то тут, то там образовывались водовороты, всасывающие в себя мусор.

Порт давно скрылся за горизонтом, земля едва виднелась. Теперь вместо шума и гама шанхайской гавани уши моряков наполнили другие звуки. Это было ожесточенное сражение судна с потоками воды. Корабль пробирался вдоль песчаных берегов и мусора, который несло к выходу в море. Судно то и дело издавало оглушительный рев, когда проплывало в мелких местах, практически садясь на мель, а затем вновь оказывалось в просторах глубиной около ста футов.

За то время, пока Джуди жила на улицах Шанхая, она привыкла к городскому шуму: звукам двигателей, голосов, производства... Но тут было совершенно другое. Этот рев, вой третьей по длине реки в мире, непосредственная близость стихии... Эта мощь, эта сила природы не давали Джуди покоя... как мотыльку пресловутое пламя.

Старшина Джеффри был первым, кто осознал опасность. Он пересекал корму, когда увидел у перил собаку — Джуди приняховалась. Он крикнул ей что-то, предупреждая об опасности, но тут же увидел, что она поскользнулась и не смогла удержать равновесие. Ее тело оказалось по ту сторону перил у самого края палубы. Джуди смотрела на плещущуюся внизу воду. Собака услышала крик Джеффри, но не обратила на него никакого внимания, как и на вопль Ли Минг в питомнике шесть месяцев назад.

Она переминалась с лапы на лапу, возбужденно лая на громогласного серого монстра, который отвечал ей шумом

водоворотов где-то внизу. Мгновение спустя Джуди окончательно потеряла равновесие и с отчаянным лаем скрылась из виду. Те, кто говорят, что любопытство убивает кошек, наверное, ничего не знают о корабельных собаках!

Джеффри побледнел и с воплем взбежал на мостик, стараясь кричать как можно громче, чтобы его услышали:

— Собака за бортом! Собака за бортом! СОБАКА ЗА БОРТОМ!

Крик «Человек за бортом!» — это последнее, что хочется услышать любому моряку, а особенно, если корабль плывет по Янцзы. Корабль шел со скоростью крейсера — четырнадцать узлов (около двадцати шести километров в час), а это значит, что Джуди уже осталась далеко позади. Крик Джеффри не на шутку взбудоражил всех, кто его слышал, ведь каждый из присутствующих на борту души не чаял в питомце.

К счастью, капитан был одним из тех, кто услышал крик. Он немедленно начал действовать:

— Стоп, полный назад!

Капитан Уолдгрейв точно знал, что может случиться, если его корабль не сменит курс. Еще оставался шанс развернуть судно и прийти на помощь вовремя. Климат Восточно-центральных районов Китая близок к европейскому континентальному: он умеренный, с теплыми веснами, жарким летом, холодной осенью и еще более холодной зимой. Янцзы в ноябре могла даже промерзнуть. В этих условиях организм, в том числе и собачий, очень быстро перестает бороться. К тому времени, как капитан повернул корабль, Джуди уже сильно отнесло течением и она скрылась из виду.

Собака упала с высоты чуть большей, чем дюжина футов. Надо отметить, что речная вода в отличие от морской име-

ет меньшую выталкивающую способность, а стало быть, у Джуди было меньше шансов выбраться на поверхность. Капитан все же надеялся, что собака — умелый пловец, что в ее крови силен инстинкт выживания, как у других охотничьих собак, и что его хватит до тех пор, пока они до нее доплывут. Тем не менее даже он не оценивал ее шансы высоко. Если они не доберутся до нее в следующие несколько минут, холодная вода Янцзы станет для Джуди могилой.

К тому моменту, когда капитан приказал остановить корабль, старший матрос Вик Оливер был готов к выполнению команды. Он «воевал» с румпелем, а его коллеге, китайскому юнге по имени Вуг, было поручено выхватить собаку из воды. Что-то крошечное показалось за бортом, фигурка качалась на волнах, но в следующий миг Оливер неожиданно потерял ее из виду.

Последнее, что он видел, — маленькое пятнышко, уплывающее вниз по реке. Он попробовал запомнить местонахождение собаки. Все, что ему оставалось, — это направить корабль нужным курсом. Разобравшись, где они сейчас находятся, он запустил двигатель на максимум. Корабль мчался по реке со скоростью пробки, вылетающей из бутылки шампанского.

Судно бросало и трясло — теперь оно стояло поперек течения, которое напоминало вязкий апельсиновый суп, когда тот разогревают и на нем образуется пена. Оливер понял, что Джуди находится примерно в полумиле позади корабля. Учитывая скорость их движения, капитан подсчитал, что с собакой их разделяет расстояние, на преодоление которого потребуется примерно две минуты.

Он прекрасно осознавал, что если его расчеты окажутся неверными, то второго шанса не будет. Многие находили

свою смерть в водах Янцзы, а падение в реку вдалеке от берега практически всегда означало гибель. У взрослой собаки шансы выжить были чуть более высоки.

Время тянулось чудовищно медленно. Создавалось впечатление, что судно уже очень долго борется со стихией. Затем вдруг накатила новая волна, в которой можно было разглядеть темное пятнышко. Человек на мостике успел заметить пару белых лап, которые лихорадочно бились в воде. Собачьи глаза были полны страха. Джуди из последних сил старалась держать голову на поверхности и вообще держаться на плаву.

Прокричав что-то ободряющее, Оливер круто развернул судно. В этот раз они подошли к ней вплотную. «Москит» теперь значительно замедлил ход, чтобы иметь возможность бороться с течением, и Оливер решил, что сейчас самое время для вызволения Джуди. Но как только они максимально замедлили ход, чтобы подобрать собаку, и Вуг вновь перегнулся через поручни, чтобы схватить ее за холку, на судно налетела волна и спасатель тоже оказался за бортом.

Теперь в воде находились человек и собака, и все внимание было приковано к ним. Оливер вновь запустил двигатель, поставив переключатель на вторую передачу. Наконец пара тел вынырнула на поверхность. Оливер решил использовать крюк, чтобы подтащить их ближе. Все протягивали к ним руки, и вот — о чудо! — вымокший китайский матрос и еле живая собака были успешно подняты на борт.

На палубе раздавались подбадривающие крики, похлопывания по плечу — кажется, вся команда наблюдала за этой драмой. Оливер вновь направил испробованный на прочность корабль по правильному курсу. Словно шоумен, он зажал штурвал между коленями, а сам, размахивая флажка-

ми, изобразил короткое сообщение морской сигнальной азбукой: «С БОЕВЫМ КРЕЩЕНИЕМ!»

Джуди и Вуг выглядели потрепанными, на них все еще были комья речного ила, и, кстати, они стали первыми в истории команды, кого пришлось тащить из воды. Вуг был отправлен вниз для принятия горячей ванны. Чистить же Джуди принялся сам старшина Джеффри. Вода в ванне содержала средство для дезинфекции — это было в порядке вещей, так как Янцзы была полна не только ила — в нее впадало еще множество рек, несших в себе сточные воды городов.

Джеффри насухо вытер Джуди собственным полотенцем, потом решил прогуляться с ней по судну, указывая на всевозможные опасности. Это было как учиться ездить верхом: если ты упал с лошади (читай «за борт»), то должен во что бы то ни стало вернуться обратно. Джуди почувствовала боязнь вновь оказаться за бортом. Она дрожала от испуга и старалась даже не приближаться к перилам. Корабль двигался вперед, а Джуди с опаской поглядывала на бушующую вокруг воду.

Джеффри довольно улыбнулся. Он подумал о том, что собака надолго запомнит этот урок.

Капитан Уолдгрейв описал их приключения в корабельном журнале следующим образом: «*Один из нас оказался за бортом, но был спасен командой корабля*». Тот факт, что случай с Джуди был официально вписан в бортовой журнал, где она значилась как «*один из нас*», весьма красноречив. Однако при всей любви к питомице многие уже задавались вопросом относительно третьего пункта требований к ней: может ли она быть им полезна?

В ночь после инцидента дрожащая Джуди спала в кают-компании офицеров на кровати Джеффри. В обычной жизни

человек выбирает себе собаку. В этом случае произошло наоборот. После приключения на Янцзы Джуди стала остро нуждаться в защите. Но она по-прежнему оставалась собакой, которая сама хотела выбрать себе хозяина или компаньона, с которым ей было бы интересно проводить время. На эту «должность», по ее мнению, существовало два претендента: капитан, Джеффри и Танки Купер. Она была всеерьез озадачена этим вопросом.

Эта ночь прошла для «Москита» сравнительно спокойно: ни тебе грохота воды, ни звука работающих лопастей под палубой. Как и другие корабли британской флотилии на Янцзы, «Москит» передвигался только в дневное время, когда члены команды могли четко видеть все опасности. Ночью же они бросали якорь или приставали к одной из верфей, расположенных вдоль реки.

Янцзы всегда была очень загруженной рекой: помимо патрульных судов, туда-сюда постоянно сновали сампаны и джонки, традиционные для здешних мест деревянные лодки и парусники; они плавали по реке как днем, так и ночью. И мало кто из них имел сигнальные огни. Следовательно постоянно существовала угроза столкновения.

Имелись в ночных водах и большие опасности, именно из-за них капитаны судов предпочитали пристать к доку засветло. Но даже в этом случае риск оставался. Вооруженные бандиты орудовали на плодородных землях в дельте Янцзы. Огромные лабиринты водных путей, болота, рисовые плантации, дальние острова и равнины, луга и озера, покрытые горами и густыми лесами, — вся эта территория была изучена главарями банд и находилась под их контролем.

Даже пришвартовавшись на ночь, команда «Москита» всегда должна была быть начеку. Китайская Национальная

народная партия (Гоминьдан) во главе с Чан Кайши была занята борьбой с противником — коммунистическим революционным движением, поддерживаемым Советским Союзом. Отдельные территории страны уже были охвачены гражданской войной, поэтому подобные банды процветали.

Коммунисты-повстанцы были возмущены присутствием «империалистических» сил в лице кораблей, бороздивших воды Янцзы. Они хотели быть той силой, с которой все считаются.

Пронзительный звук корабельного гудка означал внезапную опасность. Из арсенала вынимались все карабины, к бою готовили «Максимы», команда выстраивалась вдоль борта с той стороны, откуда была угроза. Однако первая линия защиты состояла из пожарных рукавов: с их помощью команда поливала агрессоров очень горячей водой.

Как и на всех кораблях английского флота, на «Моските» капитан старался минимизировать людские потери. Китай будто находился на пороховой бочке. Стычки с местными запросто могли «поджечь фитиль». Если случались инциденты (а это происходило на Янцзы сплошь и рядом), старший лейтенант Уолдгрейв по возможности старался избегать хотя бы летальных исходов, в то время как Ее Королевское имущество, вне всякого сомнения, находилось под угрозой.

К счастью, ночь боевого крещения Джуди прошла относительно спокойно, ведь собака все еще нуждалась в помощи и восстановлении. На рассвете корабельный сигнальщик, как и положено, разбудил всю команду. Было шесть часов утра — самое время для начала подготовки судна к следующему дню плавания.

В каютах офицеров тоже слышали сигнал. Сонный старшина Джеффри заглянул в камбуз, где взбодриться ему

помог предложенный юнгой чай. Сделав глоток горячего сладкого и ароматного напитка, Джеффри задумался над тем, что же принесет этот день. Он надеялся, что приключений, подобных вчерашнему, на корабле больше не будет.

Как только он открыл дверцы каюты, Джуди выскочила и стремглав понеслась по палубе, опустив голову и пригнувшись, — по-видимому, почуяв ароматы пищи с камбуза. *«Ах, эти идеально сваренные яйца! Я обожаю такие!»*

Она пробежала мимо кур в клетках, на миг остановившись, чтобы и тут пригнуться. Джеффри надеялся, что ее интерес к птице, живущей на корабле (ее взяли в Шанхае, чтобы в путешествии иметь свежее мясо), вызван лишь природным инстинктом охотничьей собаки.

Танки Купер, официальный попечитель Джуди, должен был, кроме всего прочего, готовить ей утром завтрак. Как и Джеффри, Танки увлекался охотой, поэтому, когда Джуди была уже сыта, он решил проверить кое-что. Танки наклонился к ней и начал терпеливо рассказывать ей о манерах поведения, которыми должен обладать английский пойнтер на охоте.

Глядя в ее глаза, которые сейчас, на рассвете, будто светились огнем, он почувствовал, что она понимает каждое его слово. Ее длинные обвисшие уши частично закрывали морду, что придавало ей угрюмой серьезности. В какой-то момент собака приподняла верхнюю губу, отчего ее морда, казалось, стала изображать презрение, потом высунула розовый язык и тяжело задышала.

Как уже говорилось, она была еще недостаточно взрослой, и Танки небезосновательно считал, что у нее есть все шансы развить навыки охотничьей собаки. Решив дать ей

практический урок, он указал на цыплят в клетках, на которых вполне можно было поохотиться.

Джуди довольно долго смотрела на них, затем, недоумевая, склонила голову. Она прекрасно знала язык тела Танки и догадывалась, что он клонит к чему-то важному, но пока не могла представить к чему. Он замер, а Джуди замотала головой, зафыркала и устремила свой нос к запахам с камбуза. Теперь было очевидно, что *она ничего не поняла*.

Неугомонный Танки решил повторять занятия каждое утро после завтрака, пока Джуди не усвоит урок. Но в глубине души все-таки были сомнения: вдруг Джуди просто гораздо хитрее и смеется над ним, когда он, имитируя поведение собаки, показывает, как следует себя вести английскому пойнтеру.

Когда все шло нормально, корабль нигде не причаливал и плавно шел по течению реки. Работа двигателей все ускорялась, пока они не входили в свой обычный рабочий ритм. Убедившись, что надежно защищена перилами, Джуди стояла на носу корабля, нюхая воздух. Они проплыли всего несколько миль, а талисман корабля уже учуял, что впереди их ждут неприятности.

Сразу после полудня (в 12.03, если быть точным) навстречу «Москиту» и мимо проследовало японское судно. Еще через час, тоже направляясь в Шанхай, мимо них проплыл французский корабль «Francis Garnier». Вскоре третий иностранный корабль, тоже французский, «Balnu» миновал их, но он направлялся уже вглубь страны. Не было сомнений в том, что Янцзы быстро наполнялась конкурирующими судами, целью которых было взять под контроль богатые рисовые плантации вдоль реки. Но прямо сейчас «Москиту» грозило другое. Джуди со своей позиции первой доложила

об опасности. Она подняла голову, протяжно заскулила и начала лаять на объект вдалеке. Это было судно, лениво направлявшееся вниз по реке. Серая двухмачтовая джонка, на мостике — матросы. Кораблик выглядел жалкой древней развалюхой.

На таких судах до этого команде «Москита» встречались так называемые *ку́ли*, местные батраки. При помощи дюжины веревок, брошенных с берега, мужчины с оголенными торсами пытались стащить парусник с мели, шаг за шагом, затрачивая нечеловеческие усилия. Ими руководил старший, по-видимому, нанявший этих людей. Команда «Москита» уже видела подобное раньше, но эти люди в лодке выглядели угрожающе.

Старая лодка сидела глубоко в воде, а это значило, что она была тяжело нагружена. Вся команда пребывала в нерешительности, но Джуди так яростно лаяла и возбужденно прыгала на мостике, что было понятно: ничего хорошего в этом нет. Собака никогда до этого так себя не вела, даже когда упала в бушующие воды Янцзы. Что-то ей не нравилось в том судне.

Посмотрев на лодку, капитан Уолдгрейв повернулся к старшине. На его лице можно было прочесть презрение по отношению к людям на джонке. Джеффри взял в руки бинокль, чтобы получше рассмотреть, что там происходит. При восьмикратном приближении парусник можно было увидеть гораздо лучше, и Джеффри был на девяносто процентов уверен в том, что узнал содержимое груза.

Перед «Москитом» был один из парусников, собиравших отходы, и Джуди почувствовала недоброе задолго до того, как это заподозрили члены команды. Капитан изменил курс, приказал задраить все люки и иллюминаторы, после чего все

члены команды должны были собраться внизу насколько возможно быстро.

Подобные корабли по сбору отходов распространяли характерный запах гнили, они плыли вниз по Янцзы и там сбрасывали весь этот «скарб», привезенный из разных городов. Часто отходы использовались для удобрений рисовых плантаций, которые располагались на обоих берегах реки. «Москит» подходил к городу Чжаньцзян, и не было сомнений в том, что лодка была полна тамошних нечистот.

Благодаря лаю Джуди к тому моменту, когда вонь стала нестерпимой, все члены команды уже успели спрятаться внутри — все, включая саму собаку, которая на этот раз доказала, что тоже может быть полезной. Такие вот «мусорные» корабли часто представляли опасность в нижней части Янцзы. Если не спрятаться, запах оседал на волосах, одежде и обшивке на многие дни. Джуди же выступила в роли системы оповещения.

Конечно, это произошло благодаря ее сверхчувствительному нюху. У собак, в отличие от людей, практически все определяется по запаху. Эта их способность просто феноменальна — весь мир они узнают по различным оттенкам ароматов.

Любая собака различает миллионы запахов, в то время как мы — лишь тысячи, да и то не так качественно.

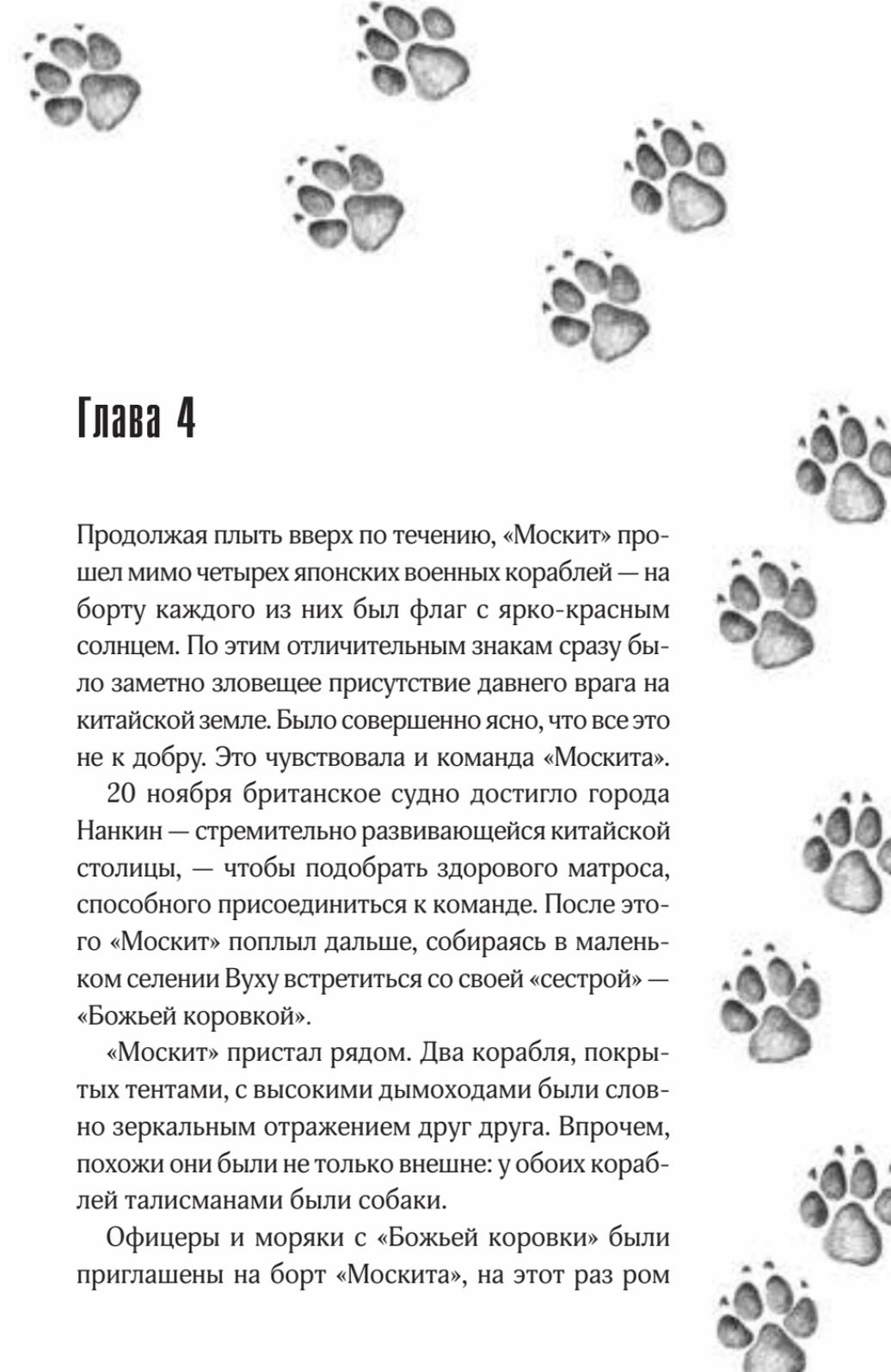
Своим влажным носом собака улавливает запахи, приносимые ветром, и может точно определить, откуда они доносятся. Влажность носа тоже играет важную роль: молекулы пахучих веществ растворяются, и рецепторы могут идентифицировать запах.

У Джуди обоняние было особенно хорошим. Люди получают информацию в основном благодаря зрению, а затем ее

обрабатывает мозг. У собак же основным фактором распознавания является обоняние, развитое в сорок раз лучше, чем человеческое. В этом собакам также помогают усы, которые собирают запахи и передают информацию в мозг. Кроме того, у собак есть уникальный орган — определитель тепла, который располагается в верхней части пасти, но механизм его работы пока до конца не изучен.

Для Джуди запахи были ее Вселенной, благодаря им она понимала мир вокруг себя. Здесь, на Янцзы, ее нос получал все новые и новые запахи, фильтровал их и характеризовал. В их числе были и весьма экзотические, а иногда даже опасные. Учуть такой вот мусоровоз на расстоянии мили не составило проблемы для собаки. На этот раз нюх Джуди спас команду от тошнотворного и удушливого запаха.

Но уже совсем скоро наступит то время, когда благодаря своим качествам Джуди будет спасать жизни своих товарищей.

Глава 4

Продолжая плыть вверх по течению, «Москит» прошел мимо четырех японских военных кораблей — на борту каждого из них был флаг с ярко-красным солнцем. По этим отличительным знакам сразу было заметно зловещее присутствие давнего врага на китайской земле. Было совершенно ясно, что все это не к добру. Это чувствовала и команда «Москита».

20 ноября британское судно достигло города Нанкин — стремительно развивающейся китайской столицы, — чтобы подобрать здорового матроса, способного присоединиться к команде. После этого «Москит» поплыл дальше, собираясь в маленьком селении Вуху встретиться со своей «сестрой» — «Божьей коровкой».

«Москит» пристал рядом. Два корабля, покрытых тентами, с высокими дымоходами были словно зеркальным отражением друг друга. Впрочем, похожи они были не только внешне: у обоих кораблей талисманами были собаки.

Офицеры и моряки с «Божьей коровки» были приглашены на борт «Москита», на этот раз ром

полился рекой, начался обмен сведениями. Это была идеальная возможность для капитана «Москита» собрать информацию об опасностях, которые могут их ждать впереди, так как «Божья коровка» уже прошла этот путь и теперь после долгого плавания направлялась в Шанхай.

Одного из членов команды «Божьей коровки» было решено не приглашать на пирушку. Бонзо, корабельный пес, начал вести себя как-то странно, с того момента как «Москит» показался на горизонте. Большой боксер метался по палубе взад-вперед, словно сорвался с цепи. Он почувствовал присутствие на том борту красивой молодой собаки и почувствовал зов природы.

Капитан Уолдгрейв знал об этом и приказал Танки держать собаку под замком. Меньше всего он хотел иметь на корабле выводок щенков от боксера. Джуди из Сассекса, естественно, не была в восторге от таких ограничений. Она уже привыкла к свободе на корабле, что было неотъемлемой частью ее жизни. Сейчас же Джуди должна была оставаться запертой, пока «Божья коровка» не двинется вниз по реке, увозя боксера подальше от нее.

После отплытия Бонзо Джуди получила возможность отправиться с командой в экспедицию на берег. Здесь, в портовых доках, было множество кабачков, где пиво лилось рекой. По счастливой случайности в одном из них имелись неистощимые запасы того, к чему Джуди была равнодушна, — мороженого. Как только команда прибыла туда, Джуди приняла свою горделивую позу, уставившись на сундук со льдом, где хранилось ее любимое лакомство. Но почему-то ей забыли предложить ее обычную порцию. Окончательно потеряв терпение, она прокралась к бару, зубами вцепилась в ручку сундука и вытянула его в центр комнаты. Затем

она повернулась к ошеломленным любителям выпить и залаяла, потребовав, чтобы ей дали мороженого.

Выше Вуху Янцзы значительно сужалась, и взору открывались потрясающие долины. Три таких сужения — Кслинг, Ву и Кутанг — создавали ущелья, через которые мчалась вода, окруженная острыми утесами, возвышающимися на сотни футов с каждой стороны реки. Такая местность была очень удобна для пиратов, которыми всегда славилась Янцзы, но команда «Божьей коровки» их, вроде, не предупредила о грозящей опасности.

Через два дня после остановки в Вуху «Москит» обошел поросшие редкой растительностью крутые склоны Кслинга, с которых вода шумно стекала вниз. На закате капитан приказал бросить якорь и устроить ночевку. Тонкий дымок из трубы растянулся по долинам, «Москит» маневрировал, пока не нашел достаточно мелкое место, чтобы бросить якорь.

Когда корабль причалил, капитан Уолдгрейв объявил:

— Мы в безопасности, можно пить чай.

Было самое время освежить себя чудным напитком после долгого дня.

Однако, находясь близ обширной и мало населенной территории, команда инстинктивно чувствовала тревогу. Когда небо стало багровым от заходящего солнца, показалось, что там, в темнеющей реке, им что-то угрожает. Все было спокойно до трех часов ночи, но вдруг Джуди приподнялась на своем месте для сна, на мостике. Она вылезла из-под одеяла и наострила уши. Через мгновение собака уже стояла на четырех лапах и беспокойно скулила.

На секунду замолчав, чтобы определить, откуда исходит угроза, она залаяла в направлении того места во тьме.

Вахтенный поначалу решил, что Джуди разбудило еще одно мусорное судно, но скоро стало ясно, что сейчас собака ведет себя по-другому. В ее лае чувствовалась незнакомая агрессия.

Вахтенный отреагировал немедленно. Он взял стоящую неподалеку лампу. Ее мощный свет обычно использовался для того, чтобы подавать сигнальные огни другим кораблям. Офицер включил лампу и стал светить в ту сторону, куда был направлен лай Джуди. Сразу стала понятна причина ее беспокойства: две большие джонки дрейфовали впереди. Им не удалось подойти незамеченными благодаря собаке.

Не колеблясь ни секунды, офицер зарядил пистолет и сделал предупредительный выстрел в черное небо. Глухой звук раздался в тишине и заставил проснуться членов команды. Со всех сторон начали появляться люди в пижамах, они толпились в дверных проемах, едва не падая, искали свои винтовки и пистолеты, занимали позиции, чтобы отразить возможную атаку.

Вахтенный тем временем скомандовал Джуди успокоиться. Благодаря ей они уже знали об опасности.

Обычно пираты атаквали классически: две джонки тихо дрейфовали, а между ними качался бамбуковый трос. Натяжение троса служило сигналом, и пираты могли взять на бордаж спящее судно и получить трофеи. Но благодаря предупредительному лаю Джуди команду ее корабля врасплох застать не удалось.

Напряжение на борту «Москита» в считанные секунды достигло пика. Затем последовало слабое, едва слышное прикосновение кормы судна к вражескому тросу. До этого момента капитан Уолдгрейв отдавал приказы со своего мостика. Как только джонки повернули к кораблю — вода под ними вспенилась, — он отдал приказ готовиться к бою. Кто-то из

команды успел надеть только верхнюю часть алой пижамы, но при этом уже держал в руках пожарный топор, готовясь отразить попытку захвата.

Еще до приближения первого судна к «Москиту» капитан приказал приготовиться стрелять из двух «Максимов». Последовали десятисекундные очереди — куски деревянной обшивки посыпались в реку. Орудия были расположены по три с обеих сторон судна. Они предназначались главным образом для отражения воздушной атаки, но прекрасно подходили и в сложившейся ситуации.

Теперь пираты поняли, какую опасность представляет собой судно, но ничего поделать уже не могли, так как были связаны тросом. На борту одной из лодок была повреждена обшивка, люди на ней зашевелились и попытались залезть на борт «Москита». Они были встречены огнем из пистолетов, сверху, размахивая топором, что-то орал кочегар... Все сопровождалось яростным лаем Джуди.

Завязалась настоящая битва.

Двое людей пытались перерубить трос. Как только это было сделано, две джонки отсоединились друг от друга и начали постепенно исчезать во тьме. Последний из пиратов спрыгнул с корабля в бездну и теперь отчаянно пытался догнать своих уплывавших дружков.

Ему потребовалось не меньше усилий, чтобы справиться с бурлящим потоком воды в ущелье Кслинг, нежели до этого Джуди. Когда пиратские джонки полностью скрылись в темноте, на палубе раздался победоносный залп. На корабле все пришли к единодушному выводу: благодаря сигналу их бесстрашной собаки они смогли победить врага так быстро.

Если раньше у кого-то еще могли возникнуть сомнения относительно пользы от пребывания собаки на корабле, то

теперь она их окончательно развеяла и доказала, что является спасателем человеческих жизней.

До начала процесса одомашнивания предки собаки использовали свой острый нюх и отличный слух для того, чтобы находить добычу и получать информацию об опасности — о присутствии более крупных хищников. Собаки в состоянии распознавать значительно более широкий спектр звуковых волн, чем человек, поэтому могут услышать что-либо на дальнем расстоянии и максимально точно определить направление цели, что и продемонстрировала Джуди. Фактически слух у собак в десять раз лучше, чем у человека: мы можем слышать звук определенной силы на расстоянии двадцати метров, в то время как собака — на расстоянии двухсот. Если бы на судне появилась мышь, Джуди могла бы услышать ее, находясь на другом конце корабля.

Большие подвижные собачьи уши определяют источник звука за шесть сотых секунды. Скорость реакции собаки помогла спасти жизнь членам команды «Москита» и отстоять корабль. В день, а точнее в ночь, той битвы в ущелье Кслинг Джуди стала настоящим героем.

За неделю крохотное британское судно (такие военные корабли были самыми маленькими во всем Британском флоте) прошло ущелья Ву и Кутанг, продвинувшись к многочисленным в этих местах озерам и заболоченным притокам реки в провинции Хунань. Еще до первой длительной остановки и, возможно, точки начала обратного плавания — шумного порта Ханкоу (ныне Ухань) — «Москит» встретился с кораблем «Пчела», флагманом Британской флотилии.

На корабле было достаточно просторно, ведь судно потеряло часть своего вооружения. Однако «Пчела» успела прославиться своими приключениями во время патрулирования

реки Янцзы вплоть до Ишанга на западе и Шангша на юге — то есть более полутора тысяч километров от Шанхая и моря. Это были поистине путешествия в дикое и неизведанное.

Корабли, патрулирующие Янцзы, курсировали по реке сами по себе и нередко принимали бой в одиночку, что было нетипично для Королевского флота. Отсутствие власти сверху, с одной стороны, приводило к установлению дружественной и почти семейной атмосферы на борту, а с другой — к известной степени свободы действий, что в Королевском флоте опять-таки было редкостью.

Однако, если не заставлять команду поддерживать дисциплину на корабле на протяжении долгих недель изоляции, в безделье, да еще и с учетом специфики тех мест, где они плавали, могут возникнуть беспорядки. У капитана Уолдгрейва, как и у других командиров, был строгий устав по поддержанию дисциплины. Следовало каждый день протирать ручки, мыть палубу, полировать латунные части, заботиться о механизмах и обслуживать орудия «Максим».

Капитан «Москита» хорошо знал, что инспекция из Адмиралтейства может нагрянуть на каждое судно в любой момент. Адмирал Рейнальд Холт, старший офицер британской флотилии Янцзы, пребывал на борту «Пчелы» в то время, когда «Москит» стал рядом. Адмирал должен был посетить один из новоприбывших кораблей. Разумеется, официальной инспекции удостоился именно тот корабль, на борту которого находилась Джуди из Сассекса.

Адмирал с помощником взошел на борт «Москита», как только занялся рассвет, чтобы своим появлением преподнести сюрприз. Офицеры и члены команды быстро сообразили, что будет происходить дальше. Адмирал будет рыскать по всему кораблю в поисках малейших нарушений корабельного

устава. Он стащит буквально каждого с его рабочего места, чтобы убедиться, что все нормально и команда готова к любому военному сражению.

Танки Купер, опекавший Джуди, считал, что адмирал поднимается на борт, просто чтобы жизнь малиной не казалась.

Поначалу инспектировали команду. Мужчины выстроились на главной палубе, как положено на построении. Адмирал проверил экипировку и постельные принадлежности, которые лежали аккуратно сложенными в стороне (каждый комплект был подписан). Далее он подошел к новому члену команды — Джуди. Она сидела между Танки Купером и своей коробкой для сна, ее одеяло так же аккуратно было сложено перед ней.

Адмирал опустил взгляд на собаку и прищурился. Она смотрела на него, высунув язык, словно глупо улыбаясь. Ее лапы украшали два жетона из свинца, а на ошейнике было выбито имя — Джуди. Придаться было не к чему, поэтому, не сказав ни слова, адмирал со своим помощником невозмутимо последовал дальше.

Инспекция проходила по всему судну. На палубе, в кладовых, в машинном отделении, на камбузе — везде должен быть порядок. В конечном итоге адмирал был удовлетворен и вместе со своим помощником вернулся к месту начала инспекции — к мостику. Отсюда он подзывал людей, благодаря которым «Москит» был хорошо известен, и тех, кого он еще не знал.

Рядовому наблюдателю могло показаться, что здесь царит хаос, но капитан Уолдгрейв строго за всем следил. Каждый человек четко знал свое место и обязанности: как только застонали блоки и снасти, зажужжали шкивы, корабль тут же «оделся»: от носа до кормы поднялись разноцветные флаги, опустилась стенга, зазвучал корабельный генератор и т. д.

После этого адмирал отдал приказ:

— Высадиться на землю!

Тут же на воду была спущена моторная лодка с людьми. Она мгновенно завелась и уплыла прочь. Потом адмирал объявил: «Человек за бортом!», что поставило команду в тупик, так как лодка уже уплыла по направлению к мнимому противнику на берегу.

— Ему бы самому поплавать, пока не вернется эта чертова лодка, — пробормотал вспотевший моряк, приступая к заданию.

Затем быстро одна за другой последовали команды: «Занять позиции!», «Огонь из всех орудий!», а потом ожидаемое «Скинуть верп!» (верп — это вспомогательный якорь, служащий, например, для снятия с мели). Команда моряков возмущалась все больше, но тут Джуди решила, что теперь ее выход. Впоследствии эта собака много раз докажет, что когда у членов ее «семьи» трудности, она всегда придет им на помощь.

Она внезапно задрала голову и начала надрываться: «Ав-ав-ав!» Ее лай становился все более настойчивым, и команда сразу догадалась об опасности. В дневное время пираты вряд ли стали бы атаковать два британских судна, поэтому опасность, скорее всего, была там, куда смотрела Джуди, — в небе.

Собачий лай был столь яростным, что заглушал команды адмирала. Лицо его заметно потемнело от злости. Как только он потерял терпение и собрался выместить злость на Джуди, причина лая стала очевидной. Японский военный самолет внезапно показался в пустом небе и вынырнул прямо перед судном. Он пролетел низко над «Москитом», затем над «Пчелой», практически на высоте пика мачты, потом резко набрал высоту и исчез.

До этого британские или другие иностранные корабли не интересовали японскую авиацию, но это жужжание было

знакомо всем. При желании японский самолет мог разорвать судно в клочья, хотя, видимо, не собирался этого делать.

Джуди перестала лаять только тогда, когда самолет скрылся за горизонтом. Затем она повела себя как-то странно. Она начала кружить на одном месте, так, как если бы гналась за своим хвостом, и в конечном итоге свернулась клубком у ног адмирала.

Тот смотрел на нее несколько секунд. Она чувствовала себя вполне комфортно у его сверкающих ботинок и, казалось, даже заснула, устав лаять и кружиться. Адмирал посмотрел на строгое лицо капитана Уолдгрейва, приподнял бровь и сказал:

— Замечательная у вас собака. Хорошо чувствует звуковые вибрации... Хм, у нее получилось... — Затем, после паузы, добавил: — Время не стоит на месте, и скоро, мне кажется, мы все будем нуждаться в такой собаке.

Адмирал должен был признать, что в его практике еще не было подобных случаев, и крепко задумался. Офицеры и команда «Москита», включая «замечательную» собаку, которую вновь не подвел ее собачий «радар», успешно прошли проверку.

У собаки есть восемнадцать различных мышц, которые позволяют ее ушам подниматься, опускаться и поворачиваться, что в свою очередь дает возможность точно определить, где находится источник шума. В случае с японским самолетом Джуди продемонстрировала это. Ее способность предупреждать о таких угрозах была почти за гранью обычных физических возможностей.

Каким-то образом Джуди поняла, что этот громоподобный шум с небес представляет собой реальную опасность, и с тех пор отслеживала любые атаки с неба, хотя не каждая из них таила в себе угрозу. Как и в случае с пиратскими кораблями,

она понимала, что подобная опасность должна быть ликвидирована. Именно это так поразило в ней адмирала.

Спустя несколько дней после инспекции «Москит» прибыл в Ханкоу; на этом отрезке пути им не встречались ни пираты, ни военные японские самолеты, ни даже суденышки-мусоровозы. Здесь судно присоединилось ко множеству других кораблей из Британии, Франции, США и Японии, которые были уже пришвартованы. Было еще два странных корабля, немецкий и итальянский, которые тоже патрулировали здешние воды.

В Ханкоу приказы капитана были просты. Нужно было обнаружить свое присутствие, вывесив флаги, и при этом выглядеть воинственно, чтобы показать потенциальную эффективность в решении любых проблем в этом стратегически важном городе. На протяжении почти восьмидесяти лет патрулирования Янцзы иностранными силами Ханкоу рос и сейчас стал фактически одним из главных речных портов, который мог предложить нашим героям гораздо больше роскоши, чем их собственный корабль.

Впрочем, офицерское отделение на кораблях-«насекомых» было неплохо оборудовано в соответствии с их размерами. На «Моските» была даже кают-компания. Она находилась в передней части корабля, втиснутая между капитанским отделением и хранилищем топлива. Кают-компания представляла собой миниатюрный вариант британского клуба для джентльменов, она была снабжена комфортными креслами с безупречной обшивкой, столы были декорированы пожелтевшими копиями «Times», одетые в белое китайские официанты всегда по требованию готовы были долить в бокалы джина.

Вместо корабельного уюта Ханкоу мог предложить членам команды отлично провести время на берегу. Ханкоу напоминал классические европейские города того времени —

с колониальной архитектурой и собственной атмосферой. Модные клубы предлагали потрясающие закуски и напитки; можно было посетить кабаре, сыграть партию в бридж или теннис и даже поохотиться в окрестностях. Ханкоу славился также ипподромом, где все напоминало известные скачки «Royal Ascot», хотя он находился в китайской глубинке.

Плотина Ханкоу окружала порт и была построена, как в дорогих европейских городах — с возможностью прогулок наверху. Она возвышалась над городской часовней и потрясающей белой колоннадой банков. На нижнем этаже одного из них были круглосуточно открыты бар и клуб с биллиардными столами, где работали китайские юноши, умевшие говорить по-английски.

Раз в две недели в заведении выступала «опера» военно-морского флота. Петь приглашались некоторые члены команд кораблей, чьи глотки уже были основательно освежены местным пивом «EWO Pilsner». Сваренное в Шанхае, оно сильно отдавало луком, но при этом было очень крепким.

Клуб скоро переименовали в «Клуб сильных духом» в честь пива с луковым ароматом, которое здесь разливали. Попасты в клуб можно было только после прохождения ритуала посвящения. Новички должны были выстроиться по трое для питейного соревнования «Кардинал Пафф» в его местной версии.

Держа бокал с пивом в левой руке, человек провозглашал тост «За кардинала Паффа!», а потом, ударив по столу правой рукой и топнув обеими ногами, должен был опустошить бокал и поставить его на стол. Затем процедура повторялась, изменялся лишь тост — «За кардинала Пафф Паффа!». Затем еще раз. После третьей процедуры новичок мог быть принят в клуб. Любая ошибка в произношении или после-

довательности действий — и попытка не засчитывалась. Более того, неудачник нещадно освистывался толпой и должен был пройти все испытание заново.

За время своего путешествия вверх по реке Джуди «доросла» и до собственного пива. Сейчас она была полноценным членом команды, так как прошла необходимое крещение на Янцзы, поэтому ее присутствие на подобных вечерах было обязательным. У Танки Купера была для нее собственная версия прохождения ритуала в «Клубе сильных духом». Джуди должна была пролаять раз, потом дважды, затем трижды. После каждого раза собака лакала пиво из чье-либо бокала.

Джуди из Сассекса справилась с задачей, и была принята. Она свободно передвигалась от одного знакомого к другому, и каждый награждал ее то жменей орехов, то глотком лукового пива. Часто вечера заканчивались бурным исполнением гимна Янцзы, в чем, трясая головой в такт и по-своему солируя, участвовала и Джуди.

Сильные духом мы,
Корабли и крейсера,
По течению бурной Янцзы
Гуляем до зари.

«Клуб сильных духом» посещали в основном мужчины — Джуди была одной из немногих леди, кому был открыт доступ туда. И собака будто бы понимала, что именно ей разрешено посещать клуб, а также то, что она единственная леди на корабле. Она проделала большой путь от одиночества на улицах Шанхая до своего нынешнего положения, когда чувствовала себя в сугубо мужской компании как дома.

Старшина Джеффри, ее близкий компаньон, верил, что у собаки развивается «человеческое мышление» или, по

крайней мере, она начинает видеть жизнь на корабле глазами моряков. Она понимала каждое слово, каждый жест в свой адрес, было похоже, что она адаптировалась ко всем нюансам жизни на борту так же легко, как и матросы.

Однажды ранним утром Джефффри взял Джуди на променада к отелю «Ханкоу» — любимому месту прогулок европейцев. Они прошли около мили в одиночестве по широкой дороге; слева были густые заросли. Неожиданно Джуди рванула в кусты. Джефффри предположил, что она почуяла жертву, по всей видимости оленя — этих животных моряк уже видел сегодня утром.

Через мгновение он услышал тревожный лай из кустов. Зная наверняка, что это Джуди, он позвал ее, и вскоре она вынырнула из зарослей. Собака явно была взволнована, так как тряслась всем телом. Джефффри еще не видел ее в таком состоянии, даже когда она была близка к смерти в водах Янцзы. Он подозвал собаку к себе, но она рванула вперед по направлению к отелю, призывая его за собой.

Он отправился следом, но шестое чувство заставило его обернуться. Там, у кустов, стоял огромный леопард. Мысль мгновенно промелькнула в голове: *«Так вот о чем хотела предупредить Джуди!»* Добравшись до безопасного места, Джефффри вдруг подумал, что Джуди, почуяв запах дикой кошки, ринулась в кусты, чтобы отвлечь на себя ее внимание, ведь леопард запросто мог напасть на человека!

Джефффри так никогда и не узнал мотивов поведения Джуди. Но одно было ясно: какой бы запах она ни уловила, распознав в нем опасность для близких, она всегда была готова на риск во имя их защиты.

Успокоившись после встречи с леопардом, старшина Джефффри решил использовать время долгой стоянки на всю

катушку и научить Джуди охотиться. Сейчас ей было уже восемь месяцев, она превращалась в настоящую красавицу с мускулистым изящным телом и блестящей шерстью, в красавицу, всегда готовую бежать вперед.

Пребывание в Ханкоу давало прекрасную возможность отточить ее физическую форму. Здесь моряки часто играли в футбол, регби и хоккей. Футбольный и регбийный мячи были велики для Джуди, но у нее были все шансы стать первоклассной хоккеисткой. Она брала шайбу в зубы и стремглав неслась к воротам, мало заботясь о том, на чьей стороне играет. Она была самым непредсказуемым игроком, и предугадать счет было невозможно.

Однажды Джеффри организовал утреннюю охотничью экспедицию. После раннего завтрака на борту они выдвинулись в путь: Джеффри, Танки Купер и еще четверо желающих. Во главе процессии шествовала Джуди. За городом, на открытой кустистой местности, в изобилии водились королевские перепелки — птицы из породы фазаньих, идеально подходящие для охоты и для трапезы.

При появлении охотников птицы взмыли в небо. Мелькнули радужно-голубые хохолки и оранжевые лапки, прогремели выстрелы. Когда первая сбитая перепелка упала на землю, Джуди выглядела озадаченной, она не смела сделать и шагу в сторону добычи. Мужчины продолжали стрелять, предполагая, что собака — охотничья собака — настигнет и принесет дичь. Джуди же по-прежнему стояла без движения.

В конечном итоге у Танки Купера лопнуло терпение. Он наклонился к собаке и коротко объяснил, что надо делать.

Затем он указал в направлении только что упавшей птицы: — Хорошая девочка... Взять! Взять!

Джуди, казалось, поняла последние слова и, наклонив голову, потрусил в кусты. То и дело ее белый хвост выныривал из кустов, а иногда сквозь заросли просматривались и бело-коричневые пятна. Поначалу казалось, что собака успешно справляется, но затем она скрылась из виду — и ни звука. Пока охотники зачехляли оружие, Танки Купер отправился на поиски собаки.

Вдруг он услышал какие-то мучительные звуки впереди. Он понял, что это Джуди, хотя до этого никогда не слышал от нее подобного болезненного лая. Он шел вперед, душевраздирающий лай слышался все отчетливее, и его охватило дурное предчувствие. А вдруг собака угодила в ловушку или, что еще хуже, ее разорвал леопард?

В поисках Джуди Танки пробирался сквозь высокую траву, тщательно прислушиваясь.

Через мгновение он остановился. У его ног булькало болотце, в котором тонула Джуди. Это была вязкая тошнотворная жидкость, из которой бедная собака была не в состоянии выбраться. В ее глазах читалась мольба о помощи, и Танки, не раздумывая ни секунды, прыгнул за ней.

Нащупав ногами землю, он попытался выбраться оттуда. Тонкий слой, покрывавший болото, был прорван, и оттуда вырывался отвратительный запах. «Кожа» болота разошлась, и снизу вся эта гниль выходила наружу, невыносимо воняя. С таким же успехом Джуди и Танки могли прыгнуть в выгребную яму.

Их почти парализовало от шока и удушливого запаха, который за месяцы пребывания болота под солнцем стал просто невыносимым. Танки стоял на месте, а Джуди выла от ужаса. Затем парень осознал, что пока он спокойно стоит в тошнотворной трясине, Джуди пытается выбраться по-

собачьи, отчего баламутит воду и только усиливает всю эту вонь.

Танки приказал себе собраться и действовать. Он поднял Джуди за загривок и вышвырнул на берег. Сам он находился на краю трясины, его ноги были погружены в топь по самый торс, а руки покрывала отвратительная болотная пленка. Грязь была везде, кроме того, он чувствовал хлюпанье ужасной жижи у себя в сапогах.

Но Джуди была в еще худшем состоянии: только ее голова осталась чистой. Выбравшись, Танки с помощью пучков травы попытался очистить себя от налипшей мерзости. Сделав все возможное, он повернулся к Джуди и повторил процедуру с ней. Несмотря на то, что шерсть ее была короткой, она настолько пропиталась черной грязью, что очистить ее хорошо не удавалось.

Делать нечего — надо добираться до «Москита», где можно будет принять горячую ванну и продезинфицироваться. С виноватым видом они поспешили с охоты назад — никто из их компаньонов не рискнул подойти к ним ближе чем на двадцать футов. Злой как черт, Танки вел Джуди к пристани, сопровождали их лишь докучливые мухи. Задолго до того как они вернулись, Танки услышал звон колокола на корабле. Тот призывал членов команды вернуться на корабль. Когда они заспешили по набережной, впереди послышался голос. Это был старшина, который звонко нараспев сообщал:

— Нечистоты! Нечистоты! Нечистоты!

Над кораблем был вывешен желтый флаг «Q», обозначающий карантин, но ни человек, ни собака не видели в этом ничего смешного.

Когда Джуди приняла вторую ванну с дезинфицирующим раствором, неприятный запах по большей части ушел.

Решено было подержать ее в изоляции несколько дней, прежде чем она вновь сможет общаться со своей корабельной семьей. Что касается Танки, то он провел еще несколько часов, с усилием удаляя с себя остатки ужасного запаха. Во время этого процесса он пришел к выводу, что, наверное, не стоит развивать в Джуди ее охотничье умение.

Как своеобразная система оповещения «Москита» Джуди уже давно доказала, что ей нет равных. Но что касается работы над ее охотничьими навыками, то это было похоже на забивание круглого колышка в квадратное отверстие. Она могла предупредить о появлении джонки с нечистотами, но здесь, в Ханкоу, из-за нее Танки добровольно окунулся в еще более вонючую дрянь!

Команда смирилась с тем, что Рождество и Новый год придется отмечать в Ханкоу, после чего приплывет «Пчела» и снимет их с дежурства. В самые ледяные месяцы в начале 1937 года «Москит» должен был начать обратное путешествие вниз по реке, в Шанхай.

Ни о чем не подозревая, команда корабля, как и весь британский флот на Янцзы, плыла навстречу кровавым приключениям. Назревающий конфликт мог затмить и появление пиратов, и любые другие неприятности.

Уже совсем скоро Джуди из Сассекса найдет свое призвание в спасении человеческих жизней.

Глава 5

Ранней весной 1937 года японская армия активизировалась. На северо-востоке страны вокруг Пекина японские военные начали маневры со значительным количеством пехоты. Напряжение неумолимо возрастало, китайское военное командование знало о происходящем, но утаивало информацию о передвижении японских солдат.

И вот во время ночных учений вокруг стратегически важного моста Марко Поло, древнего, украшенного резными драконами гранитного сооружения, которое соединяло берега реки Юндин и открывало доступ к Пекину, стороны обменялись выстрелами, спровоцировав полноценный конфликт, в котором с обеих сторон имелись раненные.

Это был тот самый удобный случай, которого ждала Япония. Японское командование потребовало, чтобы китайские военные покинули территорию. Требования ультиматума не были выполнены, и японская армия перешла в наступление по всем фронтам, бомбардировав портовый город Тяньцзинь. Во время ужасной воздушной

и сухопутной атаки в начале июня 1937 года и Пекин, и Тяньцзинь пали под натиском Японии.

Началась Японо-китайская война. Давние противники, стороны впервые схлестнулись в 1894 году. Через год интенсивных боев Япония одержала серию побед, поэтому китайская династия Цинь вынуждена была просить о мире. Сейчас, сорок лет спустя, стороны вновь охватила вражда.

Китайский лидер-националист Чан Кайши быстро отреагировал на японскую агрессию. Армия Китая контратаковала противника, силы которого располагались в дельте Янцзы, в Шанхае. Это было 13 августа 1937 года. Война разразилась в этом портовом городе, и «Париж Востока» был охвачен огнем. Месяцы кровопролитного конфликта, во время которого двести тысяч японских военных, опиравшихся на поддержку с моря и авиацию, проводили битву за битвой с плохо оснащенной, но сильной духом армией Китая, были еще впереди.

Если бы Шанхай пал, то противнику открылся бы доступ к реке Янцзы. Китайское командование отлично понимало, что далее последовало бы взятие столицы — Нанкин находился в трехстах километрах по направлению вглубь страны. По всей реке, могучей Янцзы, в отчаянных попытках спасти Нанкин китайцы выставили плавучие ограждения из тех немногих военных кораблей, которые у них были, перемежая их джонками, переоборудованными в боевые лодки. Между ними были натянуты бамбуковые тросы.

Задачей этой линии было блокировать японские корабли, чтобы те не прорвались вверх по реке. Однако, сделав это, китайцы невольно отрезали путь и тринадцати британским кораблям, и двум французским суднам. Среди них был и «Москит» со всей командой и, конечно, Джуди. Невозмож-

но было избежать военных действий, происходивших в устье огромной реки, которую до этого они свободно патрулировали десятилетиями.

После длительных кровавых сражений Шанхай пал. Китайские силы были выбиты из города, но продолжали пропаганду, поддерживая боевой дух в своих рядах. Имперская Япония нагло хвасталась, что может взять Шанхай за три дня, а весь Китай — за несколько месяцев. А ведь захвачен был только город в устье Янцзы, и это стоило японцам кровопролитных боев с многочисленными жертвами, в том числе и с их стороны.

Когда китайские силы отошли от Шанхая, японцы получили шанс прорваться через баррикады на Янцзы. «Москит» и другие суда-«насекомые» оказались в ловушке кровавой бойни, которую никто из них не развязывал. И хотя пока ни один корабль или команда не стали жертвами кровопролития, мало кто верил, что судьба будет улыбаться им всегда.

Когда японцы начали продвижение вглубь, адмирал Рейнальд Холт пытался договориться о безопасном выходе своей флотилии к морю, но безрезультатно. Японские сухопутные силы пытались окружить Нанкин, началась массированная бомбардировка города. Это было в начале октября 1937 года, корабли союзников, включая «Москит», вывесили на бортах большие национальные флаги, чтобы избежать атак со стороны японских истребителей, которые каждый день низко летали над Янцзы в поисках цели.

Японские войска, поддерживаемые военными кораблями, приблизились к китайской столице, учиняя неслыханные зверства. Мирные жители тысячами подвергались насилию и пыткам. Для подавления пассивного китайского сопротивления японская армия создала специальную полицию.

В основе ее названия и девиза лежало слово «все»: убивай всех, грабь все, уничтожай все. Затянув петлю вокруг Нанкина, полиция взялась за реализацию своих ужасающих принципов.

В это время у команды «Москита» завязалась теплая дружба с командой американской канонерской лодки «Панай». Британцы и американцы, ближайшие из союзников, были объединены помимо прочего общностью языка, происхождением и культурой. Они часто устраивали совместное патрулирование Янцзы, проводили кампании против пиратов или спасательные операции. А теперь все чаще двум флотам приходилось реагировать на возрастающую опасность, группируясь в конвои.

Однажды вечером, во время перерыва между патрулированиями, команды встретились в закуской на набережной. Пенилось в кружках пиво, и голоса моряков чуть не проббили крышу во время песнопений. Американские моряки не могли не заметить Джуди — откинув голову, она с лаем бегала вокруг занятых мест, чтобы обратить на себя внимание.

Позже, прокладывая себе путь на борт «Москита», отнюдь не трезвый Танки Купер заметил, что Джуди с ним нет.

Их собака потерялась еще тогда, когда он был трезв. Моряки искали ее по всему кораблю, но не нашли. Они начали подавать световые сигналы друзьям с «Паная», мол, не видели ли те их собаку. Но в ответ пришел сигнал: «К сожалению, здесь ее нет».

Танки был не единственным членом команды, кто не мог заснуть той ночью. Он винил себя за то, что недоглядел за собакой, но, в конце концов, она была корабельным талисманом и следить за ней входило в обязанности каждого.

На следующее утро все выглядело значительно более отчетливым, хотя и мрачным одновременно. До китайского юнга с «Москита» дошел слух, что Джуди находится в безопасности, просто ее спрятали на американском корабле!

«Вот, значит, как они играют», — ворчал Танки, когда узнал об этом.

Он с коллегами потратил день, размышляя о реванше. Вечером, в темноте, они подплыли к «Паная» на лодке. Две фигуры вскарабкались на борт. Берег был чист, их никто не видел, и парни не упустили свой шанс. Дело было сделано: они вернулись на борт «Москита» с трофеем.

Сразу после рассвета к ним поступил сигнал: «Команде «Москита»: ночью на борту были пираты, они украли корабельный колокол».

В ответ с «Москита» последовало следующее: «Экипажу «Паная»: нас тоже ограбили пираты. Они взяли Джуди.» В течение часа состоялся обмен: на американский эсминец вернулся колокол, а на «Москит» вернулась Джуди. Никто не мог различить Джуди с ее семьей. Но этот случай, поднявший боевой дух команды, все-таки сильно контрастировал с той атмосферой, что царила на тот момент на Янцзы. Вскоре союзные корабли стали жертвами японской агрессии, и «Панай» был первым из них.

11 декабря японские сухопутные войска выместили свой гнев на первом британском корабле, «сестричке» «Москита» «Божьей коровке», и судах, которые она защищала. «Божья коровка», охранявшая несколько британских пароходов, бросила якорь в Уху. Ничто не предвещало опасности, как вдруг налетели японские самолеты и сбросили бомбы, а затем вернулись еще раз и обстреляли суда из автоматического оружия.

Один пароход был потоплен, второй почти полностью разрушен. С «Божьей коровки» отправили сообщение флагману британской флотилии «Пчела», которая стояла выше по реке, у Ханкоу, о том, что, несомненно, такие ситуации будут повторяться. С «Пчелы» немедленно ответили, что идут на подмогу, но прибыли слишком поздно, чтобы предотвратить катастрофу: «Божью коровку» расстреляли из пушек на берегу практически в упор, и судно сгорело.

Корабль неоднократно участвовал в битвах, но на этот раз под натиском огня он просто пытался уплыть вниз по течению, добраться до тех мест, где его не достали бы выстрелы. Но он проиграл эту битву. Ни один офицер не смог избежать ранений. Когда «Пчела» приплыла в Уху, она тоже подверглась атаке и с трудом избежала больших разрушений, спасаясь от японского обстрела.

Тем временем у осажденного Нанкина корабли «Скарабей» и «Сверчок» охраняли флот британских грузовых кораблей. Вдруг откуда-то с востока появилось огромное количество японских самолетов. К этому времени сообщение о возможной опасности было передано всем британским судам на Янцзы и кораблям союзников: «Японцы начали войну, поэтому всем судам быть в повышенной боевой готовности для отражения атак».

Пока японские самолеты готовились к атаке, британские корабли открыли шквальный огонь из всех орудий «Максим» и четырех видов еще более тяжелых орудий, прошивая небо зенитными снарядами. Сбросив бомбы на случайные цели вдоль реки, самолеты скрылись в облаках в целях безопасности. Но атаки вдоль Янцзы не прекращались: японцы направили агрессию на другого своего врага — американцев.

Команда канонерской лодки «Панай», члены которой украли Джуди, только что завершила эвакуацию всех американских граждан из Нанкина. В конечном итоге маленький корабль фактически превратился в американское посольство в Китае: на его борту находилось пять офицеров, сорок четыре члена команды и пять сотрудников посольства, а кроме этого еще дюжина мирных граждан. Корабль сопровождали еще три судна: это были танкеры, которые эвакуировали из Нанкина сотрудников нефтяной компании.

Было около полудня, когда двенадцать военных японских самолетов неожиданно атаковали. Два палубных истребителя «Накадзима А4Н» сопровождали полет бомбардировщика «Йокосука В4У». Они сбросили восемнадцать шестидесятикилограммовых бомб и обстреляли флотилию из автоматического оружия. В «Панай» попали две бомбы. Корабль затонул мгновенно, сразу уйдя на глубину.

Следом были обстреляны и загорелись три танкера. Многие были убиты, в том числе двое из команды «Паная»; погиб также итальянский журналист, и сорок восемь человек были ранены.

Двое американских корреспондентов смогли заснять начало атаки и успели покинуть тонущее судно и доплыть до берега. Их снимки тут же облетели весь мир — событие получило большой резонанс: американский корабль был потоплен! Новость очень быстро долетела и до командования.

Адмирал Ярнелл, командующий американской флотилией, был человеком, которому по долгу службы приходилось видеть множество кровопролитных стычек на Янцзы. Не сумев связаться с «Панаем», адмирал дозвонился на «Пчелу» и попросил соединить его с командующим Британским флотом,

пытаясь узнать о последнем пункте нахождения его корабля. Было известно, что это севернее города Нанкин.

«Пчела» использовалась для сопровождения разгромленной «Божьей коровки». Моряки ответили на запрос американцев и отправились вниз по реке для выяснения обстоятельств. Адмирал Холт вскоре узнал, почему «Панай» хранил молчание. Среди тлеющих обломков, разбросанных на берегу, он нашел кусок потрепанной обшивки, по которой можно было с уверенностью сказать, что американский эсминец пошел ко дну.

Команда «Пчелы» осмотрела догорающее судно — казалось, что выживших здесь нет. Двое американцев выскочили из кустов и что-то закричали в направлении корабля. Оказалось, что оставшихся в живых — большинство из них были тяжело ранены — разместили в ближайшей деревне. Команда «Пчелы» в количестве двадцати пяти человек высадилась на берег, и выжившие были погружены на британский корабль. Адмирал, передавая известие о бомбардировке своему американскому коллеге, понимал, что оно шокирует мир. Реакция американского и британского правительств последовала незамедлительно. Они потребовали от Японии немедленно прекратить ничем не спровоцированные атаки, на что японский командующий заявил, что те, кто отвечали за операцию, будут разжалованы.

Ответ Японии можно было трактовать так, что атака на британский корабль и потопление американского эсминца были результатом «ошибочной идентификации цели». Пилоты самолетов не увидели флагов на бортах кораблей и перепутали их с китайскими кораблями. Но они заплатят положенную компенсацию. Кроме того, японцы пообещали, что подобные инциденты не повторятся.

Через сутки после потопления «Паная» Нанкин пал, а затем последовало то, что в истории называют «резня в Нанкине». Не менее трехсот тысяч китайцев были убиты самым жестоким образом. По-прежнему шла необъявленная война: Япония еще не объявила Китаю о каких-либо военных действиях со своей стороны. Но с известий о зверской резне в Нанкине начались зарубежные дипломатические протесты — в первую очередь тех правительств, чьи суда все еще несли службу на Янцзы и были свидетелями злодеяний, которые там происходили.

На берегу царил кошмар, но британские и американские корабли продолжали патрулирование, постоянно сталкиваясь с нараставшей японской агрессией. К марту 1938 года «Москит» уже был в Кюкянге, в четырехстах километрах вверх по реке от Шанхая. Надо было найти здесь британских подданных, готовых к эвакуации в связи с неумолимым продвижением японцев вглубь страны.

Раздраженный капитан Уолдгрейв в письме к адмиралу Холту отрапортовал, что британские резиденты Кюкянга намереваются оставаться на месте, так как они находились здесь «на протяжении всех военных действий». Мистер и миссис Портос, мисс Рагг и мисс Латон — христианские миссионеры — были готовы мужественно встретить японских захватчиков.

Конечно, капитан «Москита» не мог заставить людей эвакуироваться силой. Все, что он мог сделать, это поговорить с представителями местного отделения Британского общества безопасности, которое сформировали британские граждане, проживающие на данной территории, и провести кое-какую разъяснительную работу относительно того, что делать, если японцы захватят Кюкянг (а те, по

прогнозам, должны были сделать это в следующие несколько дней).

Симпатии британской команды моряков (равно, как и их талисмана) в этой войне целиком лежали на стороне китайцев.

Некоторые члены команды были китайцами. Кроме того, моряки успели подружиться со многими местными жителями во время плавания. Множество британцев нашли себе здесь возлюбленных и хотели завести семью.

Члены команды корабля, включая Джуди, часто видели подобные свадьбы во время остановок в Шанхае. Старший офицер Чарльз Гудьер служил на «Пчеле» и был близким другом Вика Оливера, человека, вытащившего Джуди из реки, и, конечно же, другом самой собаки. Он пригласил их на свою свадьбу, что являлось лишним свидетельством того, как любовь побеждает войну. Кузен его невесты, вдовец, работал буфетчиком в шанхайских барах «Свинья» и «Гудок». После свадьбы команды «Москита» и «Пчелы» отправились в увольнительную, чтобы отпраздновать событие в этих заведениях. Старый китайский прорицатель гадал морякам по ладони. Конечно, в компании раздавался громогласный смех. Но пока мудрец тщательно рассматривал ладонь жениха, лицо его заметно омрачилось, он, казалось, боялся произнести хоть слово. Присутствующие шутили над Годьером — все, кроме Вика Оливера. У того было подозрение, что прорицатель мог предсказать жениху и невесте разлуку из-за войны.

Трудно было противодействовать японской агрессии, ведь японцы уже сломали китайское сопротивление. Они взяли Кюкянг, откуда британские подданные должны были эвакуироваться, и, выдержав короткую паузу, пошли вперед, на Ханкоу — здешний «дом» для флотилии Янцзы. Помещение «Клуба сильных духом» и место, где Джуди и Танки Купер

попали в болотную западню, теперь находились под контролем японцев.

Чтобы избежать кровопролитий, члены команды «Москита» должны были сохранять нейтралитет — все, включая Джуди, которая еще щенком испытала на себе жестокость японской армии. Джуди, казалось, была наделена божественным инстинктом распознавания людей, которые любят собак, и собачьих недоброжелателей. Тех, от кого можно было ждать вкусного угощения, и тех, кто являлся врагом. Именно в Ханкоу она вновь встретила лицом к лицу с мучителями. Но до этого ей предстояло завести новые знакомства и пережить печальные расставания.

Было начало апреля 1938 года, «Москит» базировался в Ханкоу, который был для них вторым домом. В их родном Портсмуте возле них часто околачивался Табби Гринбург — веселый толстяк-портной, у которого мужчины частенько занимали десять шиллингов до зарплаты. Он одалживал без процентов, и договор всегда скреплялся просто рукопожатием.

Здесь, в Ханкоу, в роли Гринбурга выступал Санг. Заблудившийся во времени, словно в тумане, Санг был хорошо известен всем, кто плывал по Янцзы, как Джо Бинкс. Он был похож на огромного медведя, обладал отличным чувством юмора, был всегда радушен по отношению к морякам с «Москита», а особенно тепло относился к их собаке.

Он был для команды официальным компрадором¹ в Ханкоу. Джо Бинкс пополнял корабельные запасы и продавал все, что нужно. С собой он всегда брал жену и четверых детей.

¹ Компрадор (от исп. *comprador* — покупатель) — торговец, посредник между иностранным капиталом и национальным рынком развивающейся страны. (Примеч. пер.)

Пока он совершал сделки на борту, дети получали удовольствие от общения с собакой. Так как у Джуди не было возможности завести потомство, всю свою любовь она отдавала человеческим детям и, несомненно, получала удовольствие от присутствия младших членов семьи Санга.

Она бегала по палубе, пряталась в своих любимых укромных уголках, предоставляя детям возможность найти ее. Эти моменты были для нее самыми счастливыми, потому как она могла отвлечься, снять напряжение, которое всегда присутствовало во время плавания в низовьях Янцзы. Крики детей означали, что Джуди найдена; от радости она запрыгивала на стол и «танцевала», переминаясь с лапы на лапу. Потом вдруг становилась серьезной и указывала мордочкой на оттопыренные карманы детей: у них всегда были для нее подарки.

Еще одним хорошим другом собаки стала Сю-Сю¹. Такое прозвище было дано ей благодаря ее профессии. Она занималась ремонтом одежды и обшивала команду «Москита». Сю-Сю могла проводить все свое время, сидя на палубе с иголкой и ниткой в руках. На женщину красиво падал солнечный свет, а она пришивала новую белую ленточку к воротнику чьей-то формы и болтала нараспев со своей компаньонкой Джуди.

Но, наверное, самыми лучшими друзьями Джуди среди местных жителей стали Ама и ее семья. Ама была известна на все побережье Ханкоу. Ее семья жила в маленькой, покрытой ротангом лодке. В ходе переговоров с Адмиралтейством она добилась права использовать свою лодку для британских нужд. Она со своими детьми весь день пере-

¹ Так произносится на китайский манер английское слово *sew* — шить.

правляла мужчин и материалы с корабля на берег и обратно; если же подходящей работы не было, она подкрашивала обшивку судна.

Джуди души не чаяла в Аме и ее детях. Как только собаке представлялся шанс, она запрыгивала в лодку, занимала место на носу и наблюдала за тем, как группа моряков переправлялась на берег. Самое большое удовольствие ей доставляли эти моменты: по ее счастливому визгу было понятно, что она без ума от ребятишек Амы, шалопаев и бездельников.

Но напряжение в низовьях Янцзы нарастало, и было нивно полагать, что вся эта идиллия родственных душ продлится долго. В частности, разлуке подверглись члены команд военных кораблей, ведь среди них были такие, кто уже отслужил здесь положенные два с половиной года и возвращался в Великобританию. Некоторые сменялись неохотно. Жизнь на корабле, патрулирующем бурную Янцзы, была полна опасностей, что делало ее интересной. Никто из молодых матросов не мог себе даже представить, *что* будет ждать их за поворотом. Англия же, в противоположность Китаю, в 1938 году была оплотом мира и стабильности.

К несчастью Джуди, большинство ее корабельных товарищей должны были вернуться в Англию. Вик Оливер, который вытащил ее из реки, Танки Купер, который спас ее из болота, и старшина Джеффри, который, собственно, и нашел ее в питомнике, — все они теперь отправлялись домой. Хотя Джуди теряла стольких близких ей людей, она была счастлива иметь собственную семью.

После трогательных прощаний на борт пришли новые товарищи. Среди них ей сразу понравились двое. Первым был гигантский старший матрос Лоу. Вторым — матрос Бонифаций, больше известный как Бонни. Он был большим шутником

и мог запросто стать душой любой компании. И так сложилось, что именно Бонни и Лоу поспособствовали тому, чтобы у собаки появились щенки.

Французский корабль «Francis Garnier» стоял в доках напротив «Москита», рядом с американским судном «Тутула». Прибытие двух кораблей союзников стало хорошим поводом для проявления душевного гостеприимства.

Команда «Тутулы» была приглашена на борт британского корабля для непродолжительного застолья, иначе говоря, пропустить по бокальчику пива. Пиво, как и ожидалось, истякло еще 26-го апреля, но перед ротацией его запасы вновь были пополнены.

Англо-американский кутеж продолжался все последующие вечера, и однажды команда «Москита» вызвала коллег на стрелковый поединок. Британские матросы победили противника на одно очко. Но с «Francis Garnier» команде «Москита» последовало еще более заманчивое предложение, на которое она не могла и рассчитывать.

Началось все со странного поведения Джуди. Первым, кто это заметил, был Бонни. Он сидел в носовой части корабля, намереваясь собраться с духом, чтобы написать письмо подруге в Портсмут. Пытаясь подобрать слова, он повернул голову вправо и увидел, что Джуди поднялась на ноги, настойчиво скулит, ходит по палубе с отрешенным видом... Затем она вновь плюхнулась на бок.

Наконец собака улеглась у лестницы, ведущей к главной палубе, — видимо, в стремлении подышать свежим воздухом. Вид у нее был болезненный. Затем она умоляюще посмотрела на Бонни, который никогда еще не видел такого красноречивого и жалобного взгляда.

Бонни отложил ручку и посмотрел на нее:

— Я хочу написать барменше из «Воздушных пузырьков», что я нормальный и она может провести со мной каникулы без своей мамочки, а ты тут скулишь и мечешься!

Джуди посмотрела на лестницу, затем вновь уставилась на него умоляющим взглядом.

Бонни поднялся на ноги.

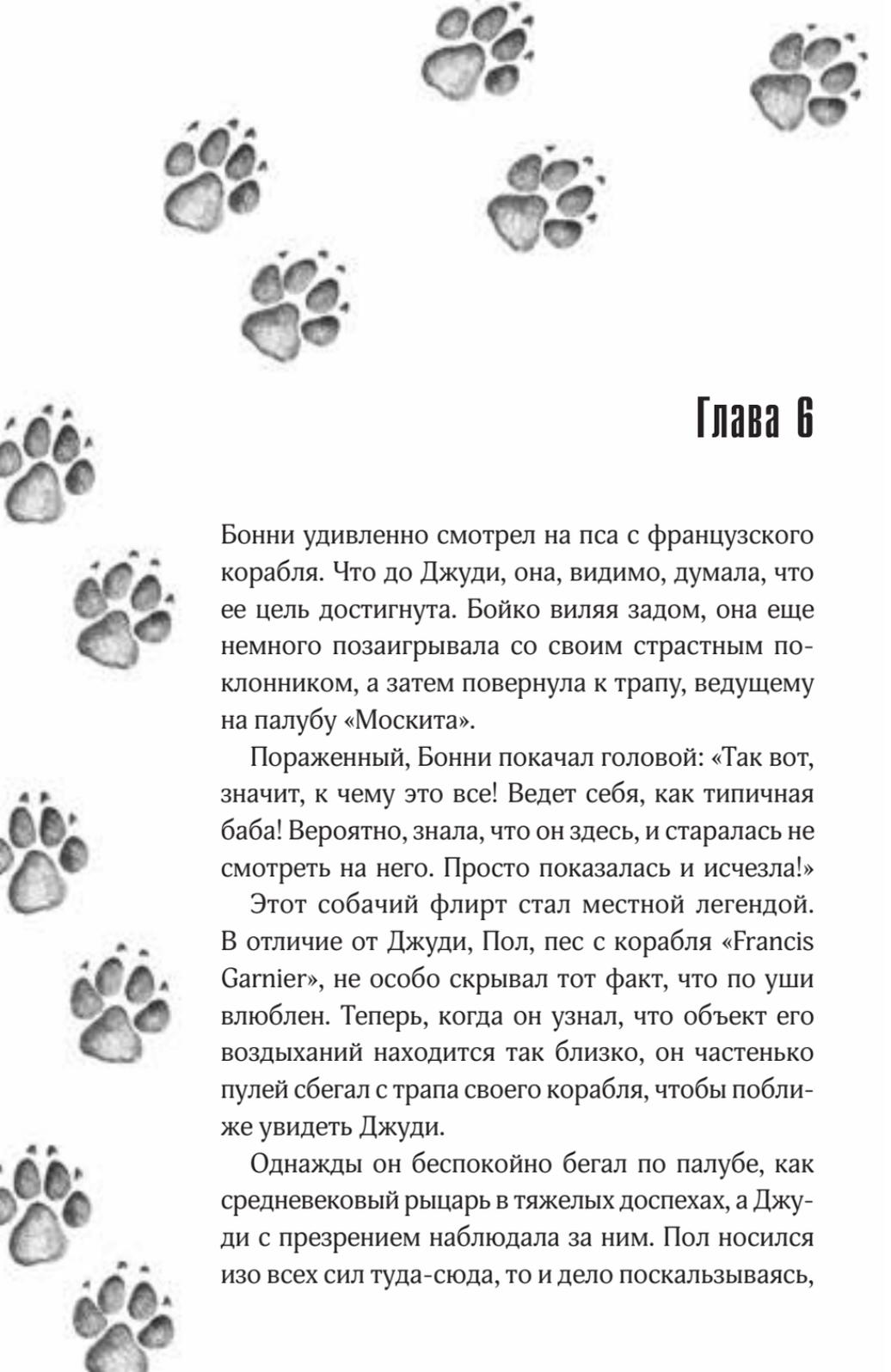
— Что с тобой? Может, ты хочешь немного погулять? Давай, вставай, пойдем вместе!

Джуди прошла к лестнице, слегка коснувшись Бонни. Тот поплелся за собакой. Вместе они добрались до палубы за несколько минут. Затем Джуди повела его вниз по трапу на причал, где покоился остов торгового судна без мачт и такелажа.

Бонни ожидал, что она захочет погулять и порезвиться, поэтому был удивлен, когда она просто начала прохаживаться туда-сюда по палубе старого корабля. Она гордо подняла голову и хвост и дефилировала в несвойственной ей манере. Это было странно. Очень странно. Бонни был не в состоянии понять, чего она добивается.

Он осмотрелся вокруг, и его взгляд задержался впереди, там, где бросило якорь судно «Francis Garnier». И Бонни все понял. На мостике французского корабля стоял четвероногий член команды, который то и дело поглядывал на Джуди из Сассекса. Но еще больше Бонни поразило то, что пес на другом корабле вполне мог бы оказаться братом Джуди, хотя был выше и с более широкой грудью.

Окрас кобеля был типичным бело-коричневым, как у всех английских пойнтеров.

Глава 6

Бонни удивленно смотрел на пса с французского корабля. Что до Джуди, она, видимо, думала, что ее цель достигнута. Бойко виляя задом, она еще немного позаигрывала со своим страстным поклонником, а затем повернула к трапу, ведущему на палубу «Москита».

Пораженный, Бонни покачал головой: «Так вот, значит, к чему это все! Ведет себя, как типичная баба! Вероятно, знала, что он здесь, и старалась не смотреть на него. Просто показалась и исчезла!»

Этот собачий флирт стал местной легендой. В отличие от Джуди, Пол, пес с корабля «Francis Garnier», не особо скрывал тот факт, что по уши влюблен. Теперь, когда он узнал, что объект его воздыханий находится так близко, он частенько пулей сбежал с трапа своего корабля, чтобы поближе увидеть Джуди.

Однажды он беспокойно бегал по палубе, как средневековый рыцарь в тяжелых доспехах, а Джуди с презрением наблюдала за ним. Пол носился изо всех сил туда-сюда, то и дело поскользываясь,

безрезультатно пытаюсь завладеть ее вниманием, завоевать благосклонность и продемонстрировать свою доблесть. К несчастью, в какой-то момент он не рассчитал скорость, чтобы иметь возможность вовремя остановиться. С отчаянным лаем Пол вылетел с кормы и нырнул с оглушительным всплеском. И лишь теперь Джуди обратила на него внимание. Она вскочила на перила и тревожно залаяла, а ее кавалер барахтался в воде прямо перед ней. Понимая, что тот не сможет вскарабкаться по отвесному борту корабля, Джуди и Бонни сбежали вниз по трапу. Джуди стояла у края пристани и громко лаяла, а Бонни схватил собаку за загривок и вытащил из воды.

«Француз» был мокрым с головы до ног. То, что пес опозорился и поставил себя в глупое положение, неожиданно растопило холод Джуди по отношению к нему. Без какого-либо кокетства она подошла и начала вылизывать его морду, прижиматься к нему, бить его лапой.

Бонни пораженно смотрел на них. Неудачник Пол умудрился стать первой любовью Джуди. Может, эта связь была запланирована на небесах? Так или иначе, Бонни решил, что команда «Москита» должна с ними что-то решать.

К этому моменту Джуди было уже почти два года. Бонни подумал, что собака вполне готова к материнству и при участии пса с корабля «Francis Garnier» у нее появится отличная возможность обзавестись выводком чудесных англо-французских пойнтеров. Но это не значило, что церемония должна была состояться без предварительного знакомства с фактами жизни кавалера и безоговорочного согласия дамы.

В полдень того самого дня, когда Пол свалился в воду, пять видных мужчин собрались за столом, рядом с которым

восседала тщательно прибранная невеста, Джуди из Сассекса. На ней был ее самый красивый ошейник.

Бонни разглядывал ее с деловитым выражением лица.

— Настало время серьезно поговорить. Мы твои опекуны и хотим сделать все для твоего счастья. Но ты, пожалуйста, пойми, что обряд должен состояться по всем правилам, в соответствии с этикетом.

Он сделал паузу, подождав, пока его слова будут осмыслены. Джуди недоуменно склонила голову набок. Было похоже, что она хочет произнести: «Давай же, я согласна». Затем она высунула язык и лизнула Бонни руку, словно показывая, что слушает его внимательно.

Бонни кивнул, довольный, что она уделила ему внимание.

— Пол, несомненно, очень красивый пес, с хорошей родословной. Кроме того, на судне «Francis Garnier» отличная команда. Поэтому мы решили, что вы можете быть помолвлены сегодня и, если все пойдет нормально, поженитесь завтра. Но только с одним условием: мы назовем вашего первого щенка Бонни.

Джуди в знак согласия кивнула. По такому торжественному случаю один из корабельных механиков поднял ее левую лапу и надел на нее браслет.

— Это, — сказал он, пытаясь зафиксировать браслет потуже, — твое обручальное кольцо.

Джуди некоторое время смотрела на серебристый ободок. По поведению и тону мужчин, сидящих вокруг нее, она поняла, что происходит нечто значительное, но она все еще не могла осознать, что все это значит.

На следующий день Пол и Джуди должны были «соединиться священными узами». Они проследовали в центр пристани, чтобы обе команды могли видеть церемонию. Бонни

и коллега с французского корабля были свидетелями. Когда раздались подбадривающие аплодисменты (группа местных жителей, околачивающихся поблизости, никак не могла понять, что происходит), Бонни как можно торжественнее провел собак по кругу.

— Итак, дорогие Пол и Джуди, если никто не против, я рад объявить вас... — он сделал паузу, поскольку никак не мог найти правильные слова. «Кобелем и сукой?» Он оглянулся на толпу, как бы советуясь.

С мостика судна «Francis Garnier» донесся зычный голос. Это был старший лейтенант:

— Единым! Объяви их единым целым!

— Отлично! Я объявляю вас единым целым! — подтвердил Бонни.

Теперь Джуди из Сассекса и Пол из Парижа (звучит классически и так романтично!) были официально женаты.

Команда, уважая чувства, возникшие между собаками, разрешила Полу пожить на «Моските». Спустя три дня (собачий медовый месяц) он вернулся на «Francis Garnier», громко скуля. Однако люди остались глухи к его протестам.

Для Джуди начало новой жизни пришлось как раз на тот момент, когда мир вокруг нее находился под угрозой разрушения. С каждой неделей после своей романтической связи, Джуди все полнела и полнела, а ее глаза сияли от предвкушения грядущего. Именно в эти дни японские военные самолеты начали бить по самому сердцу китайского сопротивления, бомбардируя в первую очередь город Ханкоу.

Война на Янцзы разгоралась, военно-воздушные силы Японии ввели в действие новые бомбардировщики с двумя двигателями — «Mitsubishi G3M». Были сформированы специальные части, задачей которых было летать над Восточно-

Китайским морем и бомбить крупные китайские города. «Mitsubishi G3M» мог взять на борт до восьмисот килограммов бомб. Его грузоподъемность в разы превышала, к примеру, бипланы, которые до этого бомбили на Янцзы военные корабли, а радиус действия составлял 4400 километров.

Ни один из самолетов до этого не метил в стоящие в Ханкоу корабли. Каждый раз, когда самолеты с ревом пронеслись над ними, Джуди свивалась клубком вокруг располневшего живота, как бы пытаясь защитить еще не родившееся потомство, и рычала, поглядывая на небо. Она научилась ненавидеть этих злых птиц, приносящих с небес разрушение и смерть.

И вот одним прекрасным утром на «Моските» произошло чудо рождения. Это случилось, когда улегся шум очередной волны японских бомбардировщиков, громогласно пролетевших над Ханкоу. Уставший и небритый Бонни (на «Моските», как оказалось, он был еще и акушером) опустился на ступеньки палубы.

— Вот они! — радостно кричал он. — Все тринадцать!

Возле лестницы собралась толпа, каждому не терпелось первым увидеть малюток и их гордую маму. Щенки теснились в корзине, едва уместаясь в ней, — тринадцать крошечных копий Джуди. Все с коричневыми пятнами, идущими от шеи, как у матери, а некоторые — с характерной белой полосой вдоль носа.

Три самых слабых щенка умерли, остальные же десять росли и толстели от материнского молока. Джуди охраняла выводок, она была прекрасной матерью и не особо обращала внимания на зевак, которые могли причинять неудобства.

А некоторым она была даже рада показать потомство, например Сю-Сю, семье Санг и детям Амы. Единственным, кого она не допускала к щенкам, был их отец Пол. Сейчас, когда его миссия была выполнена, Джуди не обращала на бывшего возлюбленного никакого внимания, как будто они и не были знакомы.

Уже вскоре неуклюжие щенки вразвалку бродили по палубе и, семеня лапками, пытались убежать от членов команды, которые то и дело возвращали их на место. Щенки выискивали укромные уголки, жевали все, что жевалось, и оставляли повсюду характерные лужицы.

Только когда малютки достаточно подросли, папа Пол получил наконец право погулять со своим потомством. Он удивленно обнюхал щенков, словно пытался понять, имеют ли они к нему отношение... И вскоре те были возвращены на борт «Москита».

В полдень, едва щенки вернулись с прогулки, эскадра японских бомбардировщиков атаковала Ханкоу через речную долину, чтобы до последнего момента не обнаруживать своего появления. Но Джуди услышала их приближение. В последнее время атаки стали столь обыденными, что она почти перестала обращать на них внимание. Однако сегодня она предчувствовала, что все будет иначе и что враг с воздуха угрожает членам ее семьи — и двуногим, и четвероногим.

Она яростно призывала к себе щенят, и к моменту, когда бомбардировщики заревели, атакуя, она успела прикрыть их, свернувшись вокруг клубком, и лаем предупредила команду корабля. Через несколько секунд ведущий самолет спикировал по направлению к «Москиту» и начал сбрасывать бомбы. Подобно злым черным демонам они

стремительно летели к судну, но в последний миг их траектория слегка отклонилась, они пролетели мимо цели.

Бомбы упали в воду и взорвались, поднимая в воздух гигантские всплески воды. Раскаты взрыва сотрясали корпус корабля, а мать, не обращая внимания на брызги воды, сильнее прижималась к хрупкому потомству.

Итак, японцы нарушили свое обещание, данное после потопления «Паная», — не атаковать нейтральные корабли. Команда «Москита» устремилась к боевому посту. За ведущим бомбардировщиком проревела вся эскадрилья. Но как только зенитчики «Москита» прицелились, новые звуки заполнили небо над плотиной Ханкоу — рев «осиных» двигателей «Pratt & Whitney». Джуди, не зная, что происходит, почувствовала лишь новую угрозу для своего выводка. А ведь истребители подоспели на помощь как раз вовремя.

Радостные крики раздались на корабле: все услышали характерные звуки «игрушечного» «Боинга Р-26», готового к атаке. «Р-26» — первый американский цельнометаллический истребитель. Воздушные силы Китая взяли несколько таких грозных самолетов себе на вооружение. Над Нанкином японцы уже успели прочувствовать на себе силу пулемета Браунинга, когда было сбито несколько «Mitsubishi G3M».

Через мгновение самолеты атаковали врага. Но не у всех летчиков получилось все четко и быстро. Один из «Боингов Р-26», управляемый китайским пилотом, пришлось поддерживать нескольким самолетам с британскими и американскими асами на борту. Они прилетели, сохраняя боевое построение, и ударили по японским самолетам.

Два бомбардировщика были взяты на прицел. «Mitsubishi G3M» не выдержал натиска «Боинга»: закурился дым, появи-

лись языки огня вдоль фюзеляжа. Первый самолет, а вскоре и второй, рухнули в воды Янцзы. Команда «Москита», а также Джуди с ее потомством были спасены, но после этого стало понятно, что опасность для выводка Джуди нарастает. Нужно было найти новый дом для щенят, причем быстро.

Надо отметить, что внезапное появление «Боингов Р-26» не было чудом. Существовала тайная система оповещения, которая докладывала о приближении вражеских самолетов. Все происходило под самым носом у японцев. Этой системой пользовались и на «Моските».

За несколько месяцев до этого Стенли Коттерелл, телеграфист судна, посылавший сигналы азбукой Морзе, приземлился в Вуху: он нуждался в срочной медицинской операции в американском госпитале. Во время его пребывания в госпитале срочно потребовалось отправить сигнал доктору, который находился на корабле, пришвартованном в доках Вуху. Коттерелл согласился послать сигнал азбукой Морзе. Он, используя зеркало, направлял с крыши госпиталя солнечные «зайчики» в нужном направлении. Медсестра госпиталя попросила Коттерелла обучить штат азбуке Морзе, чтобы они могли использовать этот прием в будущем. Некоторые китайцы, работавшие в госпитале, стали прилежными учениками. В строжайшей секретности на крыше был установлен радиоприемник для передачи сигналов азбукой Морзе.

Когда бы над Вуху вдоль Янцзы ни пролетали японские военные самолеты, китайские медики пробирались на крышу и рассылали радиосигналы о приближении опасности. Японские самолеты быстро исчезали, как только появлялись «Боинги Р-26». Вскоре японцы стали догадываться

о радиосообщениях и начали искать, откуда те подаются, но они и представить себе не могли, что приемник установлен на крыше американского госпиталя.

Раздавали щенков по одному, чтобы смягчить боль утраты. Первого, конечно, решили отдать на судно «Francis Garnier». Следующим на очереди «счастливым» был ипподром Ханкоу; оттуда поступило предложение, от которого капитан не смог отказаться, — судно подарили легкий пулемет системы Льюиса и четыре магазина с патронами в обмен на щенка. Следующие щенки предназначались дипломатическому корпусу в Ханкоу, и одним из последних должен был быть одарен американский корабль «Гуам».

Десятый и последний щенок достался шотландскому механику, служившему на местном пароходе. Джуди вновь стала единственной в коллективе двуногих товарищей.

Ненависть к японцам на крохотном корабле все росла, будто в предчувствии, что в скором будущем его стальная обшивка подвергнется такому испытанию, которого до сих пор еще не знала.

К концу лета 1938 года японские военные попытались захватить Ханкоу. Китайский таможенный корабль «Чяньсинг» выплыл в гавань с целью переместить буйки, чтобы усложнить задачу маневрирования японским судам. Он был замечен с воздуха, немедленно атакован и разбит.

Корабль горел и мог вот-вот пойти ко дну. Кроули, капитан из Британии, направил судно на берег, чтобы дать команде возможность высадиться. Во время высадки капитан, старший офицер и главный инженер были обстреляны с воздуха. Все трое были убиты. Кроме того, среди членов команды было много раненых, но японские самолеты не спешили улетать, подкарауливая выживших.

«Москит» был ближайшим британским кораблем, способным прийти на помощь. Он был укрыт тонкой пеленой выходящего из трубы дыма, который скрывал судно до последнего при подходе к пострадавшему кораблю. Команда и орудия были полностью готовы, собака яростно лаяла, предчувствуя опасность в небе, ведь над ними низко кружили самолеты. Команде судна удалось подобраться поближе к выжившим и эвакуировать их. Японская авиация не стала вмешиваться в процесс.

Вскоре после этого команда «Москита» была награждена... двумя футбольными мячами от таможенного дома Ханкоу. Кроме этого им вручили письмо с благодарностями от тех, кто наиболее близко контактировал с членами команды «Чяньсинг».

«Британский моряк, какого бы ты ни был ранга, ты с готовностью приходишь на помощь тому, кто в ней нуждается. Хотя ты и расцениваешь это как повседневный труд, твое поведение и твои действия вызывают у нас уважение и благодарность, которые мы, простые жители, выражаем тебе».

Однако никакие самоотверженные подвиги не могли остановить японскую агрессию.

С наступлением сезона зимних дождей яростные ветры принесли в Ханкоу японских захватчиков. В ответственный момент китайское сопротивление решило, что лучше вести партизанскую войну, чем обороняться на последнем рубеже. И Ханкоу сдался захватчикам.

«Москит» был пришвартован на своем обычном месте, рядом со старым проржавевшим судном. Стремительный ветер пронизывал его, тая в себе какую-то враждебность. Джуди, сидя в своей коробке на мостике, подняла морду. Она чувствовала приближение беды. Привычный портовый шум

и болтовня сменились тихим шепотом — люди боялись оккупантов, известных крайней жестокостью.

А вскоре состоялась первая стычка Джуди с оккупантами. Через несколько дней после взятия Ханкоу Бонни, собачий акушер, и старший матрос Лоу, главный защитник Джуди, взяли ее на прогулку по набережной. Троица следовала своим обычным маршрутом и уже возвращалась обратно, когда столкнулась лицом к лицу с опасностью: навстречу им со стороны реки шел японский караульный.

Джуди в своей обычной манере поспешила ему навстречу и обнюхала его сапоги. Его реакция была совершенно неожиданной — на ровном месте возникла проблема. Он зарорал на собаку и двух ее товарищей. С пеной у рта он кричал и махал руками, чтобы они убирались прочь.

Джуди стояла на месте. Она подняла голову, вспомнив о своем друге Су из Шанхая и о тех ударах, что ей тогда нанесли. Ее зубы сжались, и она зарычала. Караульный сделал шаг назад, его красное лицо выражало лютую злобу. Его рука потянулась к винтовке, осторожно ее высвободила, затем отчетливо раздался лязг железа: винтовку сняли с предохранителя.

Неужели Джуди, собака, которая служила на корабле Королевского флота, была его талисманом и самым настоящим ветераном, будет так просто пристрелена? Старший матрос Лоу не стал долго думать. Его огромное тело метнулось вперед, прикрывая Джуди, затем он схватил караульного и, браня его на чем свет стоит, бросил вместе с винтовкой в воду.

Пронзительный крик японца утонул в воде. Бонни, Лоу и Джуди поспешно двинулись в сторону корабля. Зная, что многие японские солдаты не умеют плавать, троица все же

приостановилась, чтобы увидеть, смог ли бедолага попасть на берег. Добравшись до корабля, они доложили о случившемся. Ответная реакция японцев не заставила себя долго ждать.

Не успели члены команды обменяться короткими фразами, как на борту появился японский офицер на негнущихся ногах и с мечом, выражающим серьезность его намерений. Командиру британского корабля пришлось сыграть роль дипломата. В течение последнего года военных действий патрульным на реке Янцзы требовались вдобавок ко всему еще и выдающиеся дипломатические навыки. Естественно, Джуди была хорошо спрятана. К тому моменту, когда прибыл японский визитер, она уже успокоилась благодаря ободряющим словам и небольшой дозе корабельного рома.

В дальнейшем было нанесено еще несколько подобных визитов, во время которых японские командиры пытались выяснить, почему «славные освободители» вели себя так грубо и кто же все-таки понесет ответственность за поведение собаки. В этих случаях всегда помогали запасы рома в кают-компании, и после первых же глотков больше ни слова не говорилось об инциденте. Тем не менее Джуди из Сас-секса отныне не должна была сходить с корабля.

Любая последующая стычка собаки с японцами могла привести к ее гибели.

Глава 7

К концу года стало ясно, что корабли британского флота порядком обветшали. Они начинали службу еще в 1916-м, первое техобслуживание прошли во время Первой мировой войны, а потом плавали еще четверть века. Через некоторое время Адмиралтейство собиралось обменять их на новые, более современные корабли.

В начале 1939 года первые из этих кораблей — «Скорпион», «Кузнечик» и «Стрекоза» — приплыли из Британии, чтобы заменить на боевом посту ветеранов: «Пчелу», «Божью коровку» и «Москита». Первое судно, «Скорпион», стало флагманом флота. Его стоимость составляла 168 000 фунтов. Дизайн судна послужил образцом для производства кораблей-близнецов.

Будучи немного короче и уже «Пчелы», «Скорпион» развивал более высокую скорость, был лучше вооружен, имел более совершенную связь и лучшие характеристики по наводке. Пуленепробиваемая обшивка, четырехдюймовые орудия... Корабль также был снабжен пушками 50-го кали-

бра, штурвальной рубкой, пунктом радиосвязи и отделением для запчастей.

В июне 1939 года команда «Москита», включая Джуди, переехала в новый сияющий дом — на борт «Кузнечика». Здесь многое было другим. Новым был и капитан, а это значило, что двух причастных к появлению Джуди на корабле людей (старшины Джеффри и капитана Уолдгрейва) больше не будет с ней рядом.

Новое судно было рассчитано на команду из семидесяти пяти человек — вряд ли атмосфера теперь будет такой же тесно-дружественной, как на «Моските». К сожалению, Джуди придется обходиться без привычных компаньонов, которые были костяком команды «Москита». Теперь у собаки не было ничего, что связывало бы ее с проведенными на старом судне годами и с испытаниями, пережитыми ею до этого дня.

Не успела команда полностью освоить новый корабль, как Британия объявила войну оккупирующей чужие территории Германии. Япония по-прежнему вела военные действия, и практически не было сомнений относительно того, чью сторону она примет в случае, если война охватит весь мир. «Кузнечик» не успел еще сделать и нескольких ходок по Янцзы, как Адмиралтейство приказало ему плыть в открытое море.

«Кузнечик» должен был помогать «Скорпиону» и «Стрекозе» на участке от Гонконга и Макау до британского форпоста Сингапур. Для Джуди впервые представилась возможность покинуть Янцзы и увидеть океан.

Собака, расставшаяся со своим потомством и большей частью друзей, крепко держалась на ногах на палубе корабля, отходящего в Южно-Китайское море. «Москит» и другие

старые военные корабли готовились отплыть в Сингапур. Янцзы не один год была домом для «Москита» и Джуди, но ни корабль, ни собака уже не вернутся в воды реки.

Корабль «Кузнечик», спроектированный для речного плавания, имел посадку всего шесть футов шесть дюймов. Из-за этого он барахтался и тяжело взбирался на любую океаническую «возвышенность», задирая нос кверху даже на своей максимальной скорости в семнадцать узлов. Поначалу Джуди страдала от морской болезни. Несмотря на все уговоры, она отказывалась есть и не покидала своего места. В конце концов команде все же удалось вытащить ее на палубу для упражнений, которые должны были помочь ей избавиться от морской болезни. К этому времени «Кузнечик» подплывал к Гонконгу. Джуди наконец встала на слабые ноги и тут же начала есть, как лошадь. Больше она никогда не страдала от морской болезни.

Сингапур являлся самым недосыгаемым форпостом Британии на Дальнем Востоке, форпостом, который мог бы остановить японскую армию, если бы она ввязалась в войну. Называемая «Гибралтаром Востока», островная цитадель была защищена тяжелыми пятнадцатидюймовыми орудиями береговой артиллерийской батареи.

Каждый, вплоть до Уинстона Черчилля, был уверен, что, если Япония начнет войну, Сингапур будет обороняться не менее трех месяцев, выигрывая время для подкрепления. К сожалению, на деле было не совсем так. Во-первых, японцы имели превосходство в воздухе. Британских самолетов, базирующихся в Сингапуре, было всего несколько, и то старых. Они, конечно, никак не могли сравниться с военно-воздушными силами Японии, с ее наводящими ужас «Mitsubishi A6M Zero».

Кроме того, в обороне Сингапура было ничтожно мало танков и все силы были направлены к морю, без учета возможного сухопутного нападения. Вдобавок ко всем недостаткам, почти никто из обороны выгодно расположенного Сингапура не имел опыта военных действий лоб в лоб, в то время как японские войска в этом преуспели.

Пока Япония не объявила войну, «Кузнечик» и еще один корабль прибыли в Сингапур, который по-прежнему жил под девизом: «Бизнес и удовольствия — все здесь». Военный конфликт уже бушевал в Европе, и союзные войска были вытеснены из Франции, но Сингапур был далеко и не ввязывался в этот конфликт.

Что касается Джуди, то она постепенно свыклась со странной новой жизнью, где уже не надо было курсировать вверх-вниз по водам могучей Янцзы. По сравнению с теми месяцами, которые собака провела на судне, патрулирующем китайскую реку, жизнь в Сингапуре казалась совсем неинтересной.

Впрочем, у Джуди появились новые друзья. Самый важный — старшина Джордж Уайт, его она встретила первым. Рулевой Уайт впервые взошел на судно в сингапурском порту. Он в два шага миновал трап и доложил о своем присутствии. Только он ступил на борт и поприветствовал всех, как вдруг кто-то толкнул его. В следующий миг с моряка была сбита фуражка.

Нападала на рулевого Уайта обезьянка Микки, недавно прибывшая на корабль. Команда судна «Кузнечик» согласилась временно присмотреть за Микки, пока ее родной корабль выполнял миссию в Персидском заливе. Джуди ненавидела обезьяну и теперь безразлично наблюдала за атакой на рулевого Уайта. Но тот не дал себя в обиду. В мгновение

ока Уайт схватил Микки, подобрал фуражку и бесцеремонно скинул обезьяну на палубу.

Отчаянно визжа, Микки все же попытался вернуть свой трофей, но Уайт не дал ему такой возможности. Он деловито надел фуражку и тут... увидел Джуди. Собака, забавно наклонив голову, сидела поодаль. Рулевой Уайт сразу оценил ее красоту, но и она уже давно с интересом разглядывала его.

— Она улыбается, черт побери, — пробормотал мужчина, заподозрив, что собака и обезьяна вместе спланировали эту атаку.

Вскоре Уайт узнал, что между двумя животными нет ни любви, ни согласия. Недавняя стычка Джуди с обезьяной была, наверное, самым унижительным, что приключилось с ней с тех пор, как собака угодила в трясину в Ханкоу. Микки стоял на корме, держась за проволоку, которая раскачивалась и натягивалась с характерным металлическим звоном. Джуди проходила мимо, не подозревая об опасности. Через секунду он уже ехал на ее спине к подвалу.

Вся команда наблюдала, как Джуди сопротивлялась, металась и скакала, словно лошадь на rodeo, но Микки держался обеими руками — его никак не удавалось скинуть. Наконец, посрамленная и побежденная, Джуди поступила так же, как и тогда, когда попала в трясину: она завывала, взывая о помощи. Вероятно осознав, что причиняет боль, Микки наконец слез. В попытке примирения он попытался обнять ее за шею, но она не позволила и гордо удалилась. Вокруг раздавались громкие аплодисменты. С тех пор Джуди стала относиться к обезьяне как к неизбежности. Когда Микки удавалось запрыгнуть на шею Джуди, она просто несла его туда, куда шла сама.

Рулевой Уайт понравился ей гораздо больше.

В тот день к команде должен был присоединиться еще один новенький. Он, как и Уайт, только что прибыл из Англии. Заранее узнав об инциденте с его предшественником, главный кочегар Лес Сирл успел увернуться от лап мордастой обезьяны. Вскоре и он заметил и оценил Джуди, чей статус защитницы и союзницы членов корабельной команды уже был легендой.

Подталкиваемая стремлением захватить территории, богатые природными ресурсами (у японцев их мало), и подогреваемая тем фактом, что война складывалась неудачно для Британии и ее союзников, имперская Япония решила, что настало время нанести удар. Нужно было спланировать внезапные атаки на страны, богатые месторождениями угля и другого топлива, например на Малайзию, Индонезию, Бруней и Филиппины. Сингапур лежал как раз посередине намеченной для захвата территории, поэтому по крепости, находящейся на острове, должен был быть нанесен удар, она должна была исчезнуть с лица земли, что дало бы возможность японцам реализовать свой план. Расположенная за несколько тысяч миль оттуда американская военно-морская база «Перл Харбор» также должна была превратиться в руины: таким образом имперская Япония помешала бы американцам прийти на помощь союзникам. Так же планировалось бомбардировать и американские базы на Филиппинах, тем более что они располагались в непосредственной близости от Малайзии и Индонезии.

Около четырех часов утра 8-го декабря 1941 года первые японские бомбы были сброшены на ничего не подозревающий Сингапур. Одновременно (однако на Гавайских островах было еще 7-е декабря) японские военные самолеты варварски атаковали «Перл Харбор». Столь внезапно они нанесли Американскому Тихоокеанскому флоту огромный

урон. Далее японские силы с воздуха атаковали базы на Филиппинах и высадились в Малайзии для дальнейшего продвижения к Сингапуру.

Когда началась бомбардировка британской крепости, на помощь с Ямайки поспешили корабли «Repulse» и «Prince of Wales». Часть так называемой «Силы “Z”» — линкоры и крейсера — сопровождалась эскортом из четырех кораблей, но никакой защиты с воздуха у них не было. К тому же они имели несчастье быть обнаруженными японской субмариной «I-56», которая сообщила их координаты авиации.

Последовала бомбардировка «Mitsubishi G3M», такая же, как в свое время на Янцзы. 11 сентября в 12.35 «Repulse» первым пошел ко дну, а менее чем через час за ним отправился «Prince of Wales». При этом были уничтожены лишь четыре вражеских самолета.

Новости о том, что оба корабля потоплены, повергли Британию в шок. Вначале Черчиллю тяжело было в это поверить. «Вы уверены, что это правда?» — недоумевал он. Это был сокрушительный удар по силам, обороняющим Сингапур от японского вторжения.

Не верилось и в то, что три суденышка, до этого служивших на Янцзы, были теперь самыми крупными кораблями обороняющихся. «Кузнечик», «Стрекоза» и «Скорпион» были вновь введены в действие, хотя могли двигаться только ночью из-за опасности быть уничтоженными авиацией. Они обстреливали врага, подбирали отступавших из джунглей бойцов и... рассчитывали при этом на потрясающие способности Джуди. Ее предупреждение в виде своевременного лая помогало вовремя укрыться от японских самолетов.

За одну спасательную операцию три корабля эвакуировали полторы тысячи британских военных из-под самого носа

японцев и доставили их в Сингапур. Во время другой операции Лес Сирл (он совсем недавно присоединился к команде) высадился на берег с отрядом из пяти человек, чтобы определить местоположение военных союзников и спасти их. В темноте их немногочисленные силы наткнулись на врага, и Лес был ранен в ногу.

Они отошли назад, к своему кораблю, и позже Сирл был доставлен в морской госпиталь в Сингапуре. Джуди стала навещать своего больного товарища. Она понимала, что ее присутствие благоприятно сказывается на его состоянии.

Лес Сирл уже был наслышан о подвигах собаки, а теперь смог лично убедиться в этом чудном воздействии. Запуская пальцы в ее красивую блестящую шерстку, он мысленно возвращался домой. С ней легко было забыть об ужасах войны, вспомнить славные времена — вся злость сменялась ностальгией по спокойному прошлому.

Между раненым моряком и собакой-талисманом зародилась какая-то очень глубокая, инстинктивная связь, которой суждено было перерасти в долгую и крепкую дружбу во время кровавых месяцев и годов войны.

11 февраля 1942 года флотилии небольших кораблей, базировавшихся в Сингапуре, наконец разрешили эвакуироваться. За несколько недель крепость превратилась в руины из-за бомбежек с воздуха. Запасы топлива в порту яростно полыхали, создавая над ним купол густого токсичного дыма.

Полагаясь на еще одно «Чудо Дюнкерка»¹ и не принимая во внимание почти тотальное превосходство японцев в небе и на море, многие надеялись, что все будут эвакуированы

¹ Имеется в виду операция по эвакуации морем английских, французских и бельгийских частей, после Дюнкерской битвы блокированных немецкими войсками у города Дюнкерк в 1940 году.

в безопасное место. «Скорпион» уже был сильно поврежден в результате бомбежки, поэтому должен был покинуть город первым. Набитый мирными жителями, бежавшими из осажденного города, он успел уплыть не далее чем на семьдесят миль южнее Сингапура, где столкнулся с флагманом японского флота крейсером «Йура» и двумя сопровождавшими его судами «Фубуки» и «Асагири».

На «Скорпионе» отстреливались изо всех сил, но у крошечного судна почти не было шансов. Охваченный пламенем и потерявший управление, корабль пошел ко дну, оставив после себя лишь двадцать выживших, подобранных японцами. Одним их погибших был старший офицер Чарльз Гудьер, чья женитьба на русской буфетчице сопровождалась страшным пророчеством. За эту неделю Джуди потеряла много хороших друзей...

К 13-му февраля все было готово к эвакуации из Сингапура: около пятидесяти кораблей должны были забрать людей из осажденного города. В первую очередь женщин и детей. Команда «Кузнечика» суетилась, размещая младенцев и их испуганных матерей, а те пытались понять, как моряки собираются принять на борт такие толпы пассажиров.

Тем временем Джуди из Сассекса не углублялась в тонкости: в этот день она была всюду, встречала каждого прибывающего на борт, постоянно виляла хвостом и облизывала руки тем, кто был наиболее подавлен. Она будто понимала, как важно ее присутствие: собака символизирует нормальную домашнюю жизнь, ведь у многих эвакуированных дома остались собственные питомцы.

Особо обходительна она была с детьми. Джуди бегала с ними по кораблю, показывала отличные места, где можно было спрятаться, и играла с теми, кто был в настроении.

Вскоре на борту «Кузнечика» людей оказалось в четыре раза больше, нежели предполагала его вместимость (семьдесят пять человек).

Старшина Уайт, недавняя жертва Микки, был рулевым корабля, но в его обязанности также входило уделять внимание первоочередным нуждам эвакуированных. В опустошенном Сингапуре он нашел не только воду и еду на двести человек, но и мыло, молоко, туалетную бумагу и даже странный шоколад «для детей» (если такой вообще может существовать).

С минувшего сентября у корабля был новый капитан. Вместе со своим старшим помощником Джек Хоффман стоял сейчас на мостике, изучая маршрут для отступления, и, похоже, ничто его так не волновало, как возможность выбраться отсюда. До него дошла новость, что три маленьких местных судна, наполненных беженцами, были сегодня замечены и потоплены.

В девять часов вечера «Кузнечик» отшвартовался и уплыл в открытое море в компании со своей «сестрой» «Стрекозой», буксирным пароходом и двумя туристическими двухэтажными судами. Все пять кораблей были набиты беженцами. На корме «Кузнечика» Джуди развлекала детей, которые уплывали подальше от опустошенного города, до сих пор подвергавшегося атакам.

Когда корабль отплыл на безопасное расстояние в темное море, в воздухе послышался рев японских самолетов. Слышен был и ужасающий свист падающих бомб: бомбили портовые сооружения. Луч прожектора то и дело пробивался сквозь густой дым. Это защитники города пытались отыскать цель, чтобы открыть ответный огонь. Но всем отплывающим на корабле судьба порта теперь была абсолютно ясна.

На рассвете флотилия достигла пролива Берхала, что в трехстах километрах от Сингапура. «Стрекоза», ведомая Альфредом Шпроттом, шла первой. Море было тихим и спокойным, небо голубым и безоблачным. Шансы скрыться от авиации при такой погоде были нулевыми. К югу и востоку были рассыпаны мириады тропических островов, и командиры кораблей надеялись найти там временное укрытие от японской авиации.

Но первые же события показали, что из этого не выйдет ничего хорошего. Около девяти утра бог знает откуда появился японский самолет с четырьмя двигателями «Kawanishi Н8К» под кодовым названием «Эмили». И вот на максимальной скорости 465 километров в час изящный самолет нырнул, готовясь к атаке флагмана. Две бомбы были сброшены на «Стрекозу», но ни одна не попала в цель, после чего с корабля был открыт огонь.

Патрульный самолет «Н8К» мог нести на борту до тонны бомб и очевидно спешил избавиться от груза.

Моряки предполагали, что их точные координаты были переданы ближайшим военным силам Японии, как самолетам, так и кораблям.

Глава 8

Не прошло и минуты, как бомбардировщик исчез и раздалась серия взрывов. Три небольших судна — «Куала», «Кунг Во» и «Тьен Кванг» — подверглись атаке.

Их отделяли от «Стрекозы» и «Кузнечика» несколько маленьких островов — на борту английского корабля трудно было разобраться, как складывается ситуация на атакованных судах.

Ранее этим же утром, планируя укрыться на близлежащем острове Помбонг, некоторые члены команд «Куалы», «Кунг Во» и «Тьен Кванга» спустились на берег, чтобы поискать, чем замаскировать судно. Как раз в этот момент началась бомбежка, но люди остались живы. Одним из выживших был молодой пилот Королевских воздушных сил Фрэнк Уильямс. С тех самых пор судьба неразрывно связала его со странным членом корабельной команды — собакой, которая сейчас была занята детьми, отвлекая их от пугающих звуков, раздававшихся в это утро на море.

«Кузнечик» и его спутники проследовали по «безопасному каналу» на юг. Предполагалось, что он очищен от мин. Путь через проливы Берхала и Банка вел к открытым водам Яванского моря. К несчастью, именно этот маршрут японский флот выбрал для того, чтобы доплыть до обреченного Сингапура.

Шедшее впереди крохотное судно «Ли Во» первым встретило армаду, идущую навстречу. Им руководил лейтенант Уилкинсон. «Ли Во» оказался зажатым рядами транспортных судов японского флота, каждый из которых возглавлял крейсер, а в конце ряда находился миноносец.

Бесстрашный капитан отдал приказ приблизиться на расстояние две тысячи ярдов к ближайшему транспортному судну и открыть огонь. Третий одиночный выстрел из четырехдюймового орудия попал чуть ниже капитанского мостика, и корабль загорелся. В этот момент японцы уже могли атаковать в ответ.

Горящий корабль был уже близко, и Уилкинсон отдал приказ идти на таран. Они попали приблизительно в середину судна, таким образом, оба корабля оказались в смертельной ловушке. Завязалась битва. Это было жестокое и яростное кровопролитие. В конечном счете британские военные заставили японцев спастись с полыхающего судна.

«Ли Во» сдал назад от проделанной им дыры во вражеском корабле, но один из японских крейсеров был уже очень близко к нему. Под артиллерийским огнем «Ли Во» пытался маневрировать. Но после девятого вражеского залпа раздалась команда покинуть корабль.

Вскоре после этого снаряд угодил в его корму и произошел мощный взрыв.

«Ли Во» пошел ко дну вместе с капитаном, лейтенантом Уилкинсоном, все еще находившемся на своем мостике. Вы-

жить смогли всего несколько человек. За свои героические действия (они находились в меньшинстве, уступали в вооружении, но боролись до последнего) лейтенант Уилкинсон был посмертно награжден Орденом королевы Виктории.

Следующим был атакован корабль, ведомый лейтенантом Бартоном. После двух прямых попаданий он также пошел ко дну. Выжившие, в том числе и несколько десятков австралийских медсестер, добрались до острова у пролива Банка, однако там они были захвачены японским береговым патрулем. Мужчинам выкололи глаза, потом закололи штыками и обезглавили. Женщины были изнасилованы, а потом вывезены в море и расстреляны.

«Кузнечик» и «Стрекоза» плыли по направлению к этому залитому кровью месту с двумя красивыми пароходами и буксирным судном, полными беженцев. Они были всего в нескольких десятках миль к северу от островов в проливе Банка. Наверняка именно Джуди почуяла, что впереди их ждет враг.

Собака сразу дала команде понять, что путь следования «Кузнечика» неверен. Джуди села прямо, насторожилась. До этого собака всю резвилась с детьми, а уже в следующий миг наострила уши, замерла, как это может делать только пойнтер. Ее ноги были напряжены, глаза смотрели куда-то далеко за горизонт, а уши ловили каждый звук.

Через мгновение она метнулась к мостику. Уже взбегая по ступенькам, она громко залаяла, предупреждая об опасности капитана Хоффмана. Тот отправил ее назад, вниз, но собака и старшина Уайт, некогда обиженный обезьяной Микки, смотрели на него с нескрываемой тревогой.

Джуди кивала, глядя в небо, на север, сопровождая каждый кивок яростным лаем. Догадываясь, что это означает, капитан скомандовал морякам занять боевые позиции.

«Гав-гав-гав!» — лай собаки все усиливался, и уже вскоре на голубом горизонте показалось крошечное пятнышко. Все еще невоспринимаемый человеческим ухом, самолет поблескивал крыльями на солнце, и теперь было понятно, что это не морская птица.

И самолет был не один. Когда воздушная армада подошла ближе, с мостика на «Кузнечике» успели насчитать в пяти эскадрильях чуть ли не сто бомбардировщиков. Команда корабля повидала немало: ее неделями бомбардировали на Янцзы, а потом еще в Сингапуре. Но встретиться с вражеским авиационным полком здесь, в открытом океане, было более чем пугающей перспективой.

Японский воздушный флот составляли блестящие тяжелые бомбардировщики «Mitsubishi Ki-21», каждый из которых мог поднять в воздух свыше тонны бомб. 14 февраля 1942 года в середине дня первый из самолетов прогремел в небе, готовясь к атаке.

Ведущие бомбардировщики спустились ниже к флагману «Стрекоза». С корабля тут же открыли огонь, и в ответ в него градом полетели бомбы. Капитан вел свое судно на полной скорости и маневрировал, чтобы избежать попадания, в то время как с его палубы велась стрельба из всех орудий; и довольно долго самолеты никак не могли попасть в корабль. «Кузнечик» также открыл яростный огонь, но ему повезло меньше.

Первое же попадание в судно пробило обшивку. От удара накренился мостик, в воздух взлетели горящие осколки стали. Командир Хоффман при взрыве был ранен в ногу, а у старшины Уайта осколками была обожжена правая рука.

Однако команде корабля удавалось держать ситуацию под контролем. И это несмотря на то, что налетело еще больше

«Ki-21», а их бомбы издавали такой рев и свист, которые сами по себе будто выворачивали человека наизнанку. Белые брызги накрывали «Кузнечик», когда он прокладывал себе путь в огненном шторме. Практически все это время судна не было видно среди волн, поднимавшихся после падения бомб.

С корабля продолжали стрелять, хотя делалось это практически вслепую. Но буксирное судно и два парохода были абсолютно беззащитны, в отличие от палящего во все стороны военного корабля. За считанные минуты оба прекрасных парохода были обездвижены и подожжены. Буксирное судно в результате прямого попадания скрылось под водой почти мгновенно.

А «Стрекоза», казалось, была заколдована: ей несколько минут удавалось избегать прямого попадания. Потом бомба все-таки угодила в оружейный склад на корме корабля. Даже с расстояния полумили (а именно такая дистанция разделяла корабли) взрыв выглядел просто сокрушительным.

Сначала — яркая вспышка, а затем — сильная взрывная волна, докатившаяся и до «Кузнечика». Столб дыма и металлических обломков взлетел в небо над капитанским мостиком. Когда видимость наконец-то восстановилась, стало понятно, что половина британского корабля превратилась в груды металла. Все беженцы, что находились в задней части судна, вероятно, погибли мгновенно, ведь от нее почти ничего не осталось. Двигатели остановились, и судно выглядело обреченным.

На «Кузнечике» ошеломленно наблюдали, как судно стало погружаться в воду, начиная с кормы. Через несколько минут половина его уже скрылась под водой. Выжившие спускали на воду спасательные плоты и лодки, затащив туда раненых.

За несколько минут до полного погружения две крошечные фигурки спрыгнули с мостика в море. Капитан Шпротт

и его первый помощник покинули «Стрекозу» в последнюю минуту. Корабль шел ко дну, но его нос, сильно накренившись, еще оставался некоторое время на поверхности. Через каких-нибудь пять минут после взрыва корабль распался на части. «Стрекозы» не стало.

Несколько десятков выживших уцепились за надувные лодки или забрались в спасательные шлюпки. Они были в дюжине миль от суши и чересчур переполняли лодки. На мостике «Кузнечика» командир принял решение. Он повернул корабль к месту крушения «Стрекозы», чтобы спасти выживших. Если бы он мог отправить на помощь еще два парохода!

А кружащие в небе над ними «стальные птицы» улетать не собирались. Собака встала на задние лапы и бешено лаяла в небо, а около шестидесяти самолетов устремились к единственному уцелевшему кораблю. Они разделились на эскадрильи по шесть самолетов и снизились до высоты в две тысячи футов. Один за другим они опускались до нужной высоты, чтобы закончить с упрямым британским кораблем раз и навсегда.

Командир Хоффман отдал приказ открыть огонь. Шесть грозных орудий ударили нападавшему противнику в лоб. К этому времени Джуди уже привыкла к чудовищным звукам. Но, конечно, собаке они не нравились, ее шерсть становилась дыбом, а клыки обнажались — она чувствовала большую опасность.

С мостика «Кузнечика» эта сцена выглядела нереальной. Лай Джуди слился с плачем женщин и детей на палубе. Райские островные джунгли на дальнем плане делали картину еще более сюрреалистичной. Вражеские самолеты по-прежнему кружили над головой, «Кузнечик» набрал скорость в семнадцать узлов и при этом отчаянно маневрировал, а бомбы просто каким-то чудом миновали его.

Каждым своим маневром капитан направлял судно все ближе и ближе к береговой линии. Если корабль подобьют, то он окажется ближе к берегу и люди будут иметь больше шансов спастись.

Одному из самолетов, кажется, повезло больше других. Он резко снизился и довольно медленно летел прямо к капитанскому мостику. В последний момент самолет резко отклонился и нанес удар с тыла, в обшивку на корме, практически выпотрошив корабль. От сильного удара судно содрогнулось.

«Кузнечик» вздрогнул от носа до кормы, но масштабы разрушения открылись не сразу. Только когда огромные языки пламени перекинулись на смежные отделения, где кроме всего прочего находился и оружейный склад, командир Хоффман понял, в какой они беде. Огонь стремительно разгорался, команда корабля пыталась его потушить морской водой, чтобы избежать взрыва. Это казалось невозможным. Нужно было объявлять с мостика, что они бессильны и склад с оружием может взлететь на воздух в любую минуту.

Хоффман знал, что об этом надо сообщить как можно скорее. Если огонь доберется до склада, то их ждет судьба «Стрекозы»: взрыв в задней части корабля разделит судно пополам. Раненый капитан, чувствуя ответственность, все еще прекрасно справлялся с обязанностями командира корабля. Нос судна был направлен к нетронутому белому песку тропического острова, и капитану нужно было, чтобы оба двигателя на пределах своих возможностей помогли сделать рывок.

Не оставалось времени для точного расчета: вновь приближались самолеты, готовясь к атаке. Капитан направил корабль просто к берегу. Машинное отделение начало затапливать, но кочегары делали все возможное, чтобы котлы работали. Турбины дребезжали, палуба трещала, лопасти винтов

боролись с водой, пока в небо не начал подниматься маслянистый дым, словно подавая сигнал врагу.

Японцы еще дважды сбрасывали бомбы на корабль, пока он на всех парах не несся к земле. Чудесным образом ни один из снарядов, несмотря на сотрясение, не взорвался. «Кузнечик» наконец уткнулся носом в песок. Девственно белый песок простирался на сотню ярдов — было удобно спускаться на берег раненых.

Капитан отдал приказ покинуть судно. Когда члены команды ринулись спускаться шлюпки и надувные лодки, а потом транспортировать кричащих женщин и детей, единственной радостью казалось тихое небо над ними. Японские самолеты исчезли так же мгновенно, как и показались в небе. По всей вероятности, у них просто закончились бомбы. Однако новая ужасная драма разыгрывалась на месте гибели «Стрекозы».

Спасательная шлюпка с затонувшего корабля была битком набита народом, многим оставалось только добираться до берега вплавь. Через тридцать минут после того, как исчезли японские самолеты, на горизонте появились новые. С востока очень низко летела новая армада истребителей.

На этот раз их было меньше, но ведь и «работы», которую нужно было выполнить, было меньше. Они разделились на группы по три и летели в ряд практически над самыми волнами. Первая тройка атаковала единственную уцелевшую шлюпку со «Стрекозы». Но крошечную деревянную посудину не так легко было потопить из пулеметов, поэтому «Ki-21» переключились на надувные лодки и на тех, кто еще барахтался в воде.

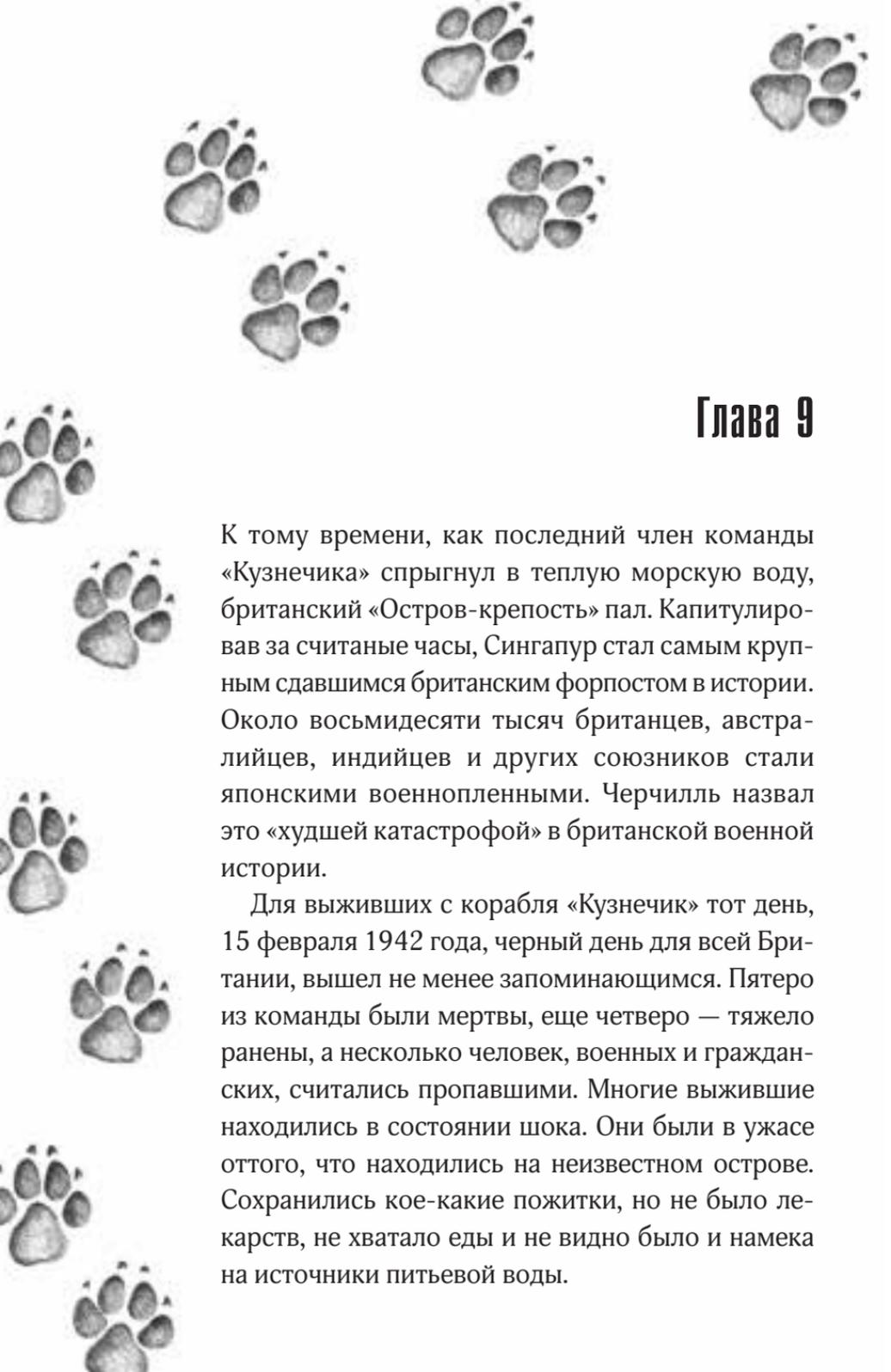
«Поработав» над выжившими со «Стрекозы», самолеты вернулись к своей первоначальной цели — «Кузнечик». Там

до сих пор продолжали грузить раненых, женщин и детей в спасательные шлюпки. Большая часть команды толпилась у надувных лодок, люди разбивались на группки и добирались до берега вплавь. Капитан Хоффман и старшина Уайт по-прежнему находились на мостике и корректировали огонь из корабельных орудий.

Севший на мель, разрушенный и готовый вот-вот взлететь на воздух, «Кузнечик» все еще вел огонь. Они будут отстреливаться, пока люди не доберутся до спасательных джунглей. Команда «Кузнечика» помнила, в каком аду оказались выжившие со «Стрекозы». Под прикрытием спасательные шлюпки и надувные лодки благополучно покинули судно, и люди высадились на острове.

Наконец был получен сигнал, что люди успешно добрались до острова, и орудия корабля замолчали. Все, кто там еще оставался, бросились в воду и поплыли к мелководью. Когда же старшина Уайт в последний раз обернулся, чтобы взглянуть на корабль, то обнаружил, что поблизости нет важного члена команды — Джуди. В самый разгар событий корабельная собака, такой нужный сейчас талисман, похоже, исчезла.

Предположив, что Джуди самостоятельно добирается до острова, он поплыл к берегу.

Глава 9

К тому времени, как последний член команды «Кузнечика» спрыгнул в теплую морскую воду, британский «Остров-крепость» пал. Капитулировав за считанные часы, Сингапур стал самым крупным сдавшимся британским форпостом в истории. Около восьмидесяти тысяч британцев, австралийцев, индийцев и других союзников стали японскими военнопленными. Черчилль назвал это «худшей катастрофой» в британской военной истории.

Для выживших с корабля «Кузнечик» тот день, 15 февраля 1942 года, черный день для всей Британии, вышел не менее запоминающимся. Пятеро из команды были мертвы, еще четверо — тяжело ранены, а несколько человек, военных и гражданских, считались пропавшими. Многие выжившие находились в состоянии шока. Они были в ужасе оттого, что находились на неизвестном острове. Сохранились кое-какие пожитки, но не было лекарств, не хватало еды и не видно было и намека на источники питьевой воды.

К тому же было очевидно, что японские вооруженные силы будут прочесывать эти острова. Первое, что надо было сделать, — найти надежное укрытие для раненых. Капитан Хоффман хоть и потерял судно, но по-прежнему руководил своей командой, быстро оценив, на кого и на что он может рассчитывать.

Кроме помощи пятидесяти членов команды, он мог рассчитывать на помощь австралийских медсестер: те могли ухаживать за ранеными. С ними было шестеро морских пехотинцев, выживших в недавних крушениях судов «Repulse» и «Prince of Wales». Он привлек пехотинцев к самому подходящему для них заданию — прочесать остров, чтобы найти воду.

Было также много женщин и детей, о которых следовало позаботиться. Одна женщина была слепой, за ней приглядывала ее дочь. Забота о гражданских выживших, особенно раненых, была для команды первостепенной задачей. Капитан Хоффман приказал разбить лагерь там, где заканчивается песок и начинаются джунгли. Из веток быстро смастерили носилки, на которых раненых перенесли в тень. Затем во влажном от морской воды песке были вырыты могилы для тех, кто доплыл до берега и умер уже здесь.

После полудня вернулись пехотинцы с плохими новостями. Не обнаружив следов пребывания здесь других людей, они считали, что остров необитаем, и, что самое плохое, они не нашли источников питьевой воды. Это обеспокоило Хоффмана. На открытом берегу неистово пекло солнце, но и в тени деревьев царил душный зной и влажность. В скором времени им, конечно же, понадобится вода, особенно раненым, которые потеряли много крови. У них начнется обезвоживание. Капитан посмотрел на «Кузнечик».

Сейчас был отлив, и впереди виднелся корпус корабля, вдавившийся в песок под прямым углом к солнцу. Над кормой все еще вился дымок от пожара на палубе. Как только языки пламени добирались до чего-либо, что может гореть, над водой раздавались взрывы. Тяжело было сказать, чем рискует тот, кто осмелится вернуться на корабль, но если этого не сделать, многие наверняка погибнут.

Хоффман посмотрел на старшину Уайта, верного рулевого, стоящего перед ним. Он кивнул головой в сторону судна.

— Я хочу, чтобы ты вернулся на корабль. Будь внимателен, осмотрись там и возьми то, что можно еще спасти. Особенно нужны вода, лекарства, еда, одежда и что-нибудь для сна.

Уайт готов был приняться за дело. Спасательная шлюпка плавала вокруг острова в поисках выживших. Но дорогá была каждая минута.

— Разрешите не дожидаться лодки, сэр, — попросил Уайт. — Здесь нужно немного проплыть, а на месте я смогу сколотить плот.

— Очень хорошо. Выдвигайся, как только будешь готов.

Капитан «Кузнечика» нисколько не удивился предложению Уайта. Он, пожалуй, больше бы удивился, если бы такого предложения не последовало. Капитан не сомневался в храбрости этого человека. Опасно было возвращаться на горящий корабль, кроме того, поблизости были замечены акулы, кружащие вокруг места катастрофы в поисках тел, ушедших под воду.

Бесстрашный Уайт шагнул в воду и поплыл в сторону судна. Он делал все, чтобы сосредоточиться на цели впереди, но его не покидала мысль о том, что кроется под водой. Всегда ли виден плавник акулы, когда она подбирается к своей

жертве? Могут ли эти твари напасть незаметно, утянув жертву за ноги?

Когда моряк достиг корабля, ему показалось, что он поставил новый мировой рекорд в заплыве на пятьдесят ярдов. Он взобрался на борт. Первым делом ему нужно было смастерить плот, чтобы иметь возможность переправиться на берег. И под мостиком, и под рулевой рубкой был установлен решетчатый настил — прочная деревянная сетка — она могла стать прекрасной основой для плота.

Он вытащил пару кусков решетки, соединил их края вместе. Теперь у него была удобная платформа, которую он скрепил, обвязав канатом. Сделав это, Уайт отправился в офицерские каюты. Они по-прежнему находились над водой и были сухими. Он захватил постельные принадлежности, горшки и кастрюли и столько продовольствия, сколько смог утащить. Все это он протолкнул в люк и сложил на палубе. Приятным сюрпризом стала неоткупоренная бутылка виски.

— Исключительно для медицинских целей, — сказал он себе, добавив ее к растущей горе необходимых вещей.

Старшина прошел дальше, к жилому отсеку кают-компания, осторожно спускаясь по ступеням лестницы, так как эту часть вода уже частично заполнила. Она доходила до пояса. Он медленно двигался в темноте, натываясь на столы и стулья, шаря руками в поисках чего-либо полезного.

Уайт двинулся к углам комнаты, где было еще темнее. Здесь царили холод и одиночество. Вдруг откуда-то послышался тихий звук. Поначалу Уайт подумал, что ему показалось, но когда прислушался, звуки повторились. Впереди него в крошечной тьме раздавался жуткий стон.

Странно было слышать здесь, внутри корабля-призрака, севшего на мель, живые звуки. Это был какой-то жалобный

вой, словно плач ребенка. По спине Уайта пробежали мурашки. Было похоже, что кто-то остался здесь, в затопленной комнате, и паниковал. Или, может, это был беспокойный дух кого-то из умерших?

В звуках плещущейся воды Уайт пытался уловить, откуда исходит стон. Вскоре он понял, что звук доносится из-под перевернутых ящиков. Вода монотонно ударялась о деревянные крышки. Стоны тем временем раздавались все громче, словно кто-то звал на помощь. Сейчас уже не было сомнений: под теми ящиками определенно находился кто-то живой, тот, кто выжил в темноте и хаосе потопления.

Уайт ощутил прилив адреналина — это было похоже на то, что он испытал, пока плыл на корабль по воде, кишасей акулами. Он подошел ближе к перевернутым ящикам и потянулся в темноту. Некоторое время он не мог обнаружить ничего живого, но потом его пальцы нащупали... сырые волосы.

Однако это были не человеческие волосы. Еще через мгновение влажный нос уткнулся в его руку, и Уайт все понял.

— Джуди! Джуди! — радостно кричал он. — Ах ты чертовка! Почему же ты не лаяла?

Во время атаки, и всеобщей паники, и бегства офицеры и матросы «Кузнечика» потеряли собаку из виду. Уайт предполагал, что она добралась до острова вплавь и присоединилась к поискам выживших или переправилась в одной из лодок. Чтобы собака была брошена на погибшем корабле, да еще и оказалась в ловушке? Этого не могло случиться! Но если бы капитан не приказал Уайту вернуться на судно, оно точно стало бы могилой Джуди.

Вызволяя собаку из-под ящиков, моряк подбадривал и успокаивал ее. Вскоре Джуди была освобождена. Уайт взял ее на руки и пошел прочь, приговаривая:

— Почему ты не лаяла, почему не дала о себе знать?

Выйдя на палубу, мужчина осторожно уложил ее перед собой. Придерживая собаку одной рукой, он осмотрел тело на предмет переломов. Джуди косилась на него, как бы говоря: «Спасибо, что спас. Как там у вас на земле?» Наконец он дал ей возможность встать. Уайт с волнением смотрел, как она становится на ноги. Если у нее все же есть переломы, самой передвигаться ей будет больно.

Она отряхнулась с ног до головы — ее спасителя окатило «собачьим душем», — перескочила с правой ноги на левую, а потом наоборот, как будто приглашала с ней поиграть.

В следующую минуту псина бросилась к ногам Уайта и начала лизать ему руки. Он потрясенно качал головой. Не зная, то ли ругаться, то ли смеяться от радости, старшина поспешил сообщить известие на берег.

— Джуди! Я нашел Джуди! Она здесь, на корабле!

С ее помощью он исследовал оставшуюся часть судна. В результате поисков они нашли огромную стопку купюр в самой разной валюте, которая валялась просто на палубе. Уайт потратил несколько минут, чтобы погрузить все, что было возможно, на плот; в последнюю очередь он посадил туда Джуди. Поклажа была тяжелой и громоздкой, она заняла весь плот.

Джуди стояла на четырех лапах на краю плота и во что-то всматривалась. Что-то в воде приковало ее внимание. Через мгновение она яростно залаяла — так же, как лаяла, когда предупреждала о появлении самолетов, но сейчас ее цель была где-то внизу. Спустя еще один миг Джуди, надрываясь

в лае, бросилась в воду. Уайт так и не успел понять, что происходит, — все внимание он уделял управлению плотом. А Джуди бодро кружила у плавательного средства, словно охраняя его. Как только сильные руки Уайта подвели неуклюжий плот к мелководу, Джуди прекратила кружить и выскочила на сушу.

Она вновь отряхнулась с головы до хвоста и вновь окатила морской водой своего друга, а потом сделала еще один круг вокруг плота, полаяв в сторону моря. Уайт тоже чувствовал себя на плоту неуверенно и думал, что Джуди ведет себя так, пытаясь защитить сооружение от нападения акул. Когда-то в Ханкоу она уже предупреждала старшину Джеффри о возможном нападении хищника, и сейчас, видимо, намеревалась сделать то же самое.

Теперь его помощница стаскивала корабельный скарб на берег. Запасы значительно пополнились, и вопрос с продовольствием на данный момент был решен. Главная проблема сейчас состояла в нехватке воды, потому как той, что была доставлена с «Кузнечика», не хватило бы надолго. Команда корабля прочесала весь остров, но никаких родников или ручейков в этом прекрасном тропическом раю не нашлось. Вместе с Джуди, отличавшейся хорошим нюхом, они продолжали рыскать по острову, копать ямки в самых влажных местах леса и исследовать самые потаенные уголки. Она бегала от одного человека к другому, важно задрав хвост, при этом язык ее свисал из пасти, благодаря чему она поддерживала нужную температуру тела в полуденную жару.

Несмотря на то что многие пытались объяснить ей, что они делают («*Мы ищем воду, понимаешь?*»), не похоже было, что она осознает, чем они занимаются. Джуди то и дело возвращалась к морю, где ловила всплески брызг и каталась

по воде вдоль линии прибоя. Как и ее компаньоны, собака изнемогала от жары и, наверное, посчитала, что лучше искупаться, чем продолжать мечтать о глотке пресной воды. Моряки звали ее, но она была одержима развлечениями на береговой линии.

Выстроенный на скорую руку лагерь сразу стал чем-то вроде фронтового госпиталя. Используя медикаменты, привезенные с корабля, австралийские медсестры как могли ухаживали за ранеными: накладывали шины на переломы, прочищали и дезинфицировали раны, раздавали обезболивающее. Но без воды приходилось очень туго.

Когда лагерь был готов, пехотинцы начали сооружать некое подобие печи, чтобы можно было готовить без видимого дыма. Один из них вслух поражался, почему Джуди продолжает бегать к одному и тому же месту у кромки воды. Она лаяла и скребла лапами землю, пытаясь обратить на себя внимание людей.

Пехотинец поинтересовался у члена команды «Кузнечика»:

— Что это с вашей собакой? Может быть, она что-то нашла?

Моряк понаблюдал за Джуди. Не было сомнений, что вела она себя как-то странно. Он опустился на колени перед ней, почесал ее за ухом, так как она это обожала, и ласково спросил:

— Что случилось, старушка?

В ответ собака жалобно заскулила и продолжила рыть. Возле ямки она уже нагребла кучку песка. Заразившись ее энтузиазмом, моряк присоединился к собаке. Вдруг на дне послышалось характерное журчанье и на поверхности образовалось озерцо чистой пресной воды.

Это была прекрасная находка.

Моряк глазам своим не поверил. Он наклонился, набрал пригоршню воды и отпил. Она была свежей и сладковатой на вкус. Моряк повернулся к своим и крикнул:

— Вода! Вода! Джуди нашла воду!

На этот раз Джуди продемонстрировала две из своих уникальных особенностей. Первая — это ее шестое чувство, вторая — разумное неповиновение. Она могла не выполнять команды, если считала, что знает лучше. Джуди прекрасно слышала, что ее зовут в лес на поиски воды, но у нее была идея получше.

Джуди показала, что собаки могут читать наши мысли. Они предугадывают наш следующий шаг и чувствуют наше состояние. В исключительных случаях они могут предсказывать землетрясения, шторма или даже смерть близкого человека. Сверхчувствительный нос, как у пойнтеров, может распознавать человеческие феромоны, поэтому собаки в состоянии даже «пронюхать», какое у нас настроение.

Могла ли Джуди прочесть язык тел команды (она наверняка поняла, что они ищут что-то жизненно важное), почувать их острую жажду и, исходя из этого, сделать вывод, что те ищут воду? Похоже на то. По всей видимости, она услышала протекающую под землей воду или унюхала ее запах. В любом случае шестое чувство привело ее к пониманию того, что нужно людям, поэтому она принялась за поиски.

Пища и вода (благодаря Джуди) у них теперь были, и основной проблемой оставались раненые. После того как моряки из обломков «Кузнечика» развели огонь, к ним приплыла шлюпка со «Стрекозы». После обстрела она была вся в пулевых отверстиях, несколько человек были ранены. Избежали увечий только те, кто находились на носу судна.

Мертвых просто столкнули за борт, так как люди с трудом могли позаботиться даже о живых. Старший кочегар Лес Сирл, тот самый, кого Джуди навещала в госпитале после ранения в битве за Сингапур, был старшим среди тех, кто остался в живых после крушения «Стрекозы». Он сразу поставил капитана Хоффмана в известность, что весь офицерский состав — все, включая капитана Шпротта и его первого заместителя, — по всей видимости, мертвы.

— Мы были подбиты двумя бомбами, сэр, и практически мгновенно пошли ко дну, — сообщал Сирл. — Большая часть раненых по-прежнему на соседнем острове, там дежурит Уильямс. Ни один офицер не выжил, сэр. Последний, лейтенант Шеллард, умер уже на острове.

До недавнего времени Леонард Уолтер Уильямс был оператором машинного отделения. Все, кто стояли выше него по рангу, от механиков до капитана, погибли во время крушения, некоторые были расстреляны уже в воде.

— Спасибо, Сирл, — поблагодарил капитан Хоффман. — Протопи нашу печь и забери всех сюда. Нам лучше держаться вместе. Ну, об этом мы еще поговорим.

Капитан Хоффман выслушал ужасные вести с каменным лицом. В подобной ситуации требовались стальные нервы и стойкость. От этого зависел настрой всех остальных: матросов, женщин, детей... И сейчас больше всего поднимала боевой дух именно Джуди, неутомная корабельная собака.

Райский остров при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж идеальным местом. Неумный собачий лай свидетельствовал о том, что Джуди нашла в джунглях еще одного противника. Расчищая место под лагерь, на земле люди обнаружили огромное количество пауков размером

с ладонь и змей. Джуди из Сассекса должна была проявить себя искусным ловцом подобной нечисти.

Она прыгала вокруг удивленных змей, загоняя их в угол: те, по-видимому, до этого никогда не сталкивались с таким соперником — английским пойнтером. Джуди делала вид, что нападает, змея вытягивала голову, готовясь ужалить, а собака отпрыгивала в сторону и продолжала искать подходящее время для атаки. Когда оно наступало, собака бросалась на змею с быстротой молнии, орудуя лапами и челюстями, и выигрывала битву. Затем она зубами брала израненную жертву и гордо несла ее к ногам менее удачливого в ловле змей старшины Уайта. Однако к заходу солнца, к их первой ночи на острове, у того появилось другое срочное дело. Новая драма вот-вот должна была разыграться на песчаном берегу острова.

Новости принесла дочь слепой эвакуированной женщины. Она рассказала, что среди выживших есть две голландки на поздних сроках беременности. Вначале Уайт думал отправить к ним австралийских медсестер, но те были заняты ранеными. Помощи ждать было неоткуда. Поэтому старшина начал готовиться принимать роды на неведомом тропическом острове к востоку от Яванского моря.

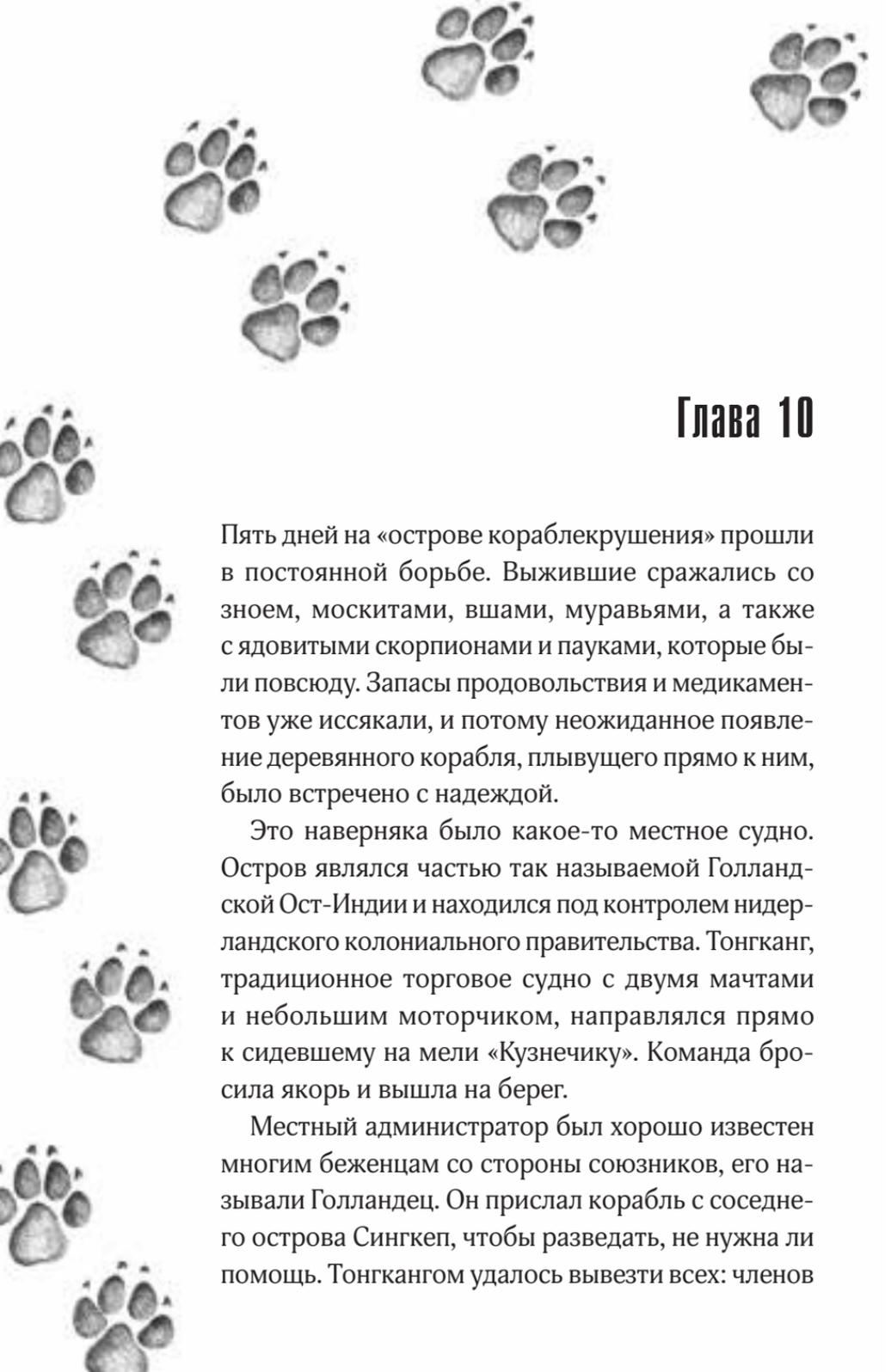
К счастью, у него уже был кое-какой акушерский опыт. Во время гражданской войны в Испании он впервые помог появиться на свет малышу. Моряк служил тогда на миноносце «Grenville», который был пришвартован в гавани Барселоны. Уайт помогал акушерке принимать неожиданные роды на корабле. Но насколько тяжелее ему будет принять роды здесь, в условиях «острова кораблекрушения»?

С помощью девушки, дочери слепой, и в присутствии Джуди на свет появились два мальчика. Около полуночи

Уайт кухонным ножом перерезал первую, а вскоре и вторую пуповину. По традиции дети должны были быть крещены в море — Джуди в это время радостно скакала рядом, в воде. Старшина Джордж Леонард Уайт светился от гордости, когда узнал, что мальчики были названы именами Джордж и Леонард в его честь.

Но время летело неумолимо, и не за горами уже был отъезд Уайта, причем без собаки, которую он, рискуя жизнью, вытащил из затопленного корабля, собаки, которая была от него без ума.

Как только Джуди находила самых дорогих для себя людей, судьба распорядилась разлучить их.

Глава 10

Пять дней на «острове кораблекрушения» прошли в постоянной борьбе. Выжившие сражались со зноем, москитами, вшами, муравьями, а также с ядовитыми скорпионами и пауками, которые были повсюду. Запасы продовольствия и медикаментов уже иссякали, и потому неожиданное появление деревянного корабля, плывущего прямо к ним, было встречено с надеждой.

Это наверняка было какое-то местное судно. Остров являлся частью так называемой Голландской Ост-Индии и находился под контролем нидерландского колониального правительства. Тонгканг, традиционное торговое судно с двумя мачтами и небольшим моторчиком, направлялся прямо к сидевшему на мели «Кузнечнику». Команда бросила якорь и вышла на берег.

Местный администратор был хорошо известен многим беженцам со стороны союзников, его называли Голландец. Он прислал корабль с соседнего острова Сингкеп, чтобы разведать, не нужна ли помощь. Тонгкангом удалось вывезти всех: членов

команды, пехотинцев, австралийских медсестер, женщин и детей (в том числе и двух новорожденных), раненых и корабельного пса. Они были переправлены в каютах судна в небольшое поселение Дабок на острове Сингкеп.

Несмотря на грозящую опасность (какая «награда» их ждет, если японцы обнаружат спасенных?), Голландец проводил беженцев через свой «коридор». Он снабжал едой, водой и ценными советами всех, кто посещал «его» острова. Совет, который он дал капитану Хоффману, был таким: нужно следовать по маршруту тех, кто выбирался отсюда до этого, то есть добраться до Суматры, а уже оттуда на корабле плыть на запад до Цейлона вдоль побережья Индии. Или на юг, к Австралии. Остров Сингкеп лежал в ста километрах от восточного побережья Суматры. Голландец мог предоставить для этого путешествия вместительный тонгканг. Такие деревянные корабли были хороши для мелководья тем, что легко маневрировали на изрезавших этот регион реках. Они были очень нужны спасавшимся.

Суматра — это шестой по величине остров на планете. Он весь порос густыми джунглями, над ним будто парят горные гряды, в которых прорубили себе дорогу быстроводные реки. Корабль Голландца сначала должен был доставить выживших к восточному побережью острова, откуда они планировали спуститься по всей длине реки, то есть преодолеть около трехсот пятидесяти километров сквозь горы и джунгли, чтобы добраться в портовый город Паданг с другой стороны острова. Оттуда, по имеющимся данным, корабли союзников забирали беженцев, так как Суматра пока еще не была взята японцами.

Путешествие казалось опасным, но единственной альтернативой был плен. После жестокостей на Янцзы, свидетелями

которых стали наши герои, и ужаса, который сопровождал взятие Сингапура, любой вариант развития событий был предпочтительнее плена. Большинство склонялось к тому, чтобы последовать совету Голландца. Люди готовились к длинному пути.

Однако офицер Уайт, инженер Томас и матрос Ли считали иначе. Уайт предполагал, что после взятия Сингапура японцы атакуют такой лакомый кусочек, как Суматра. Огромный остров имел потрясающие природные ресурсы: золото, уголь и нефть. За то время, пока беженцы будут добираться до западного побережья острова, японцы могут захватить его.

Никто не знал наверняка, но подозрения Уайта имели под собой почву. Через день после взятия Сингапура в стратегически важном городе Палембанг, центре южной Суматры, были обнаружены японские парашютисты. Базируясь в Палембанге, японцы могли вскоре захватить все главные города на Суматре. Японский военный транспорт уже находился на побережье острова.

Хотя моряки колебались, Уайт настаивал на единственно безопасном маршруте. На какой бы то ни было лодке плыть на запад, к Индии. Это было практически неосуществимое путешествие протяженностью 2680 миль. Но это было все же лучше, чем попасть в плен к японцам, если они возьмут Суматру. Возможности сбежать тогда не будет.

Итак, Уайт и еще два человека отделились от основной массы выживших, включающей Джуди. Уайту была невыносима мысль о разлуке с собакой, но он не мог взять ее с собой. «Кузнечик» и «Стрекоза» были потоплены, их матросы потеряли корабли, однако Джуди, их талисман и проводник, по-прежнему оставалась с ними, верная своей «семье». Они

нуждались в ней как никогда, собака должна была отправиться с ними к западному побережью Суматры. Они все же надеялись на то, что путь будет безопасным.

Когда настал момент отплытия (Сингкеп был начальной точкой эвакуации), Уайт чувствовал себя подавленным и злым. Джуди, похоже, понимала, что происходит вокруг нее, но, что было странно, не подавала признаков грусти. Она села перед Уайтом, задрав к нему голову, почти уткнулась носом в его нос и непрерывно смотрела ему в глаза. У нее был спокойный и умиротворенный взгляд. Складывалось впечатление, что она точно знает: с ним все будет хорошо.

Уайт нашел судно для себя и своих товарищей. Голландец обещал помочь им, но запасы у него были довольно скудные. Все хотели сейчас же уплыть отсюда как можно дальше. Мгновение Уайт колебался, не будет ли лучше вместе со всеми плыть на запад Суматры, но все же он предчувствовал, что это путешествие ничем хорошим не окончится. Ему почему-то казалось, что Джуди тоже это чувствует. Но собака, благодарная за все, готова была следовать навстречу судьбе со своей семьей.

Последний раз лизнув руку Уайту (в знак любви и прощания), Джуди побежала на борт ожидавшего ее судна.

Во время короткого и не отмеченного особыми событиями морского плавания к Суматре Джуди находилась рядом со своим старым другом Лесом Сирлом. Он сформировал костяк дружного коллектива, куда вошел среди прочих Джок Девани, парень, который, казалось, не боялся ничего на свете. Джок был мошенником и хитрецом, но здесь у него практики не было — все эти навыки пригодятся ему позже. Джуди выглядела настоящей аристократкой среди этой

разношерстной компании, но все же чувствовала себя вполне комфортно.

Капитан тонгканга, на борт которого они взошли, был китайцем, китайской была и команда, поэтому такие старожилы Янцзы, как Джуди, фактически оказались в окружении «земляков». Помещение старого судна освещалось одним-единственным фонарем, который раскачивался взад-вперед. Отсеки здесь были построены по принципу грузовых кораблей, не предназначенных для пассажиров и животных. Однако вдоль всего судна располагались пустые помещения, в которых было достаточно места, чтобы прилечь.

Здесь было темно, душно и нестерпимо воняло невымытыми телами. Смерд смешивался с запахом смолы и дерева. Страх и шок тоже имеют собственные запахи, с которыми Джуди уже познакомилась, когда судьба была к ним неблагоприятна. Благодаря сверхчувствительному носу она потрясающе умела считывать человеческие эмоции, наверное, лучше, чем люди. Да-да, по запаху, который мы издаем, собака очень быстро определяет наше эмоциональное состояние.

Мысли людей на борту — побежденных, переживших кораблекрушение, находящихся в бегах, — были понятными Джуди. А сейчас в этом спертom воздухе отсеков появился и новый оттенок — запах потерянных надежд. Но все же выжившие снова были в пути, и то, что они были укрыты от японских самолетов под корабельной палубой, было даже к лучшему. В тесноте, да не в обиде.

Даже гигантские тараканы, которые суетились тут, на деревянной палубе, были предпочтительнее прожорливых муравьев и назойливых moskitов, их ночных врагов на острове. Надежда всегда теплится в сердце челове-

ском и в сердцах братьев наших меньших. С каждым дуновением ветра в паруса тонгканга увеличивался риск, но не развеивалась мечта: сбежать от всего этого и оказаться дома.

Судно достигло устья реки Индрагири без происшествий. В отличие от Янцзы, которая являлась главной внутренней транспортной артерией для китайцев, Индрагири, значительно меньшая, была не так важна. Климат здесь также отличался от умеренного китайского. Так как река пересекает экватор, который делит Суматру на две части, в районе Индрагири очень жаркий климат; здесь все время чувствуешь себя вялым, особенно в нижнем течении реки.

Когда корабль приближался к берегам, в поле зрения попадали белесые туши крокодилов — рептилии покидали берег и с всплеском заходили в грязную коричневую воду. Для неопытной команды было бы крайне тяжело вести судно по реке с таким сильным течением и таким количеством отмелей. К счастью, китайский капитан плывал здесь уже много раз по своим торговым делам.

В этой удушливой жаре и при полном отсутствии ветра корабль, переполненный беженцами, пыхтя, двигался вверх по реке. Каждый оборот вала переносил их на шаг ближе к конечной цели — порту Паданг и союзным кораблям, которые их ожидали. По обе стороны простирались джунгли, населенные самыми экзотическими животными: суматранскими тиграми, орангутангами, носорогами, слонами и малайскими медведями.

Индрагири становилась все более стремительной и опасной. Наконец они достигли тихого поселения Ренгар, неподалеку от которого сливаются реки Омбилин и Синамар, неся свои воды в Индрагири. Плыть дальше было невозможно.

Джуди, Лес Сирл, Джок Девани и другие члены команды (моряки, гражданские, раненые, которые могли выдержать путешествие) высадились на берег. Советы местных в Ренгаре были просты: отсюда на запад можно было пройти только пешком. Идя вдоль русла реки, путешественники должны будут перевалить горную гряду с пиком высотой 3800 метров, а затем добраться до Савалуенто. Оттуда проще всего будет уехать на поезде: всего восемьдесят километров — и они в Паданге, порту, где их ждет подмога.

Но у местных были для них и неприятные новости. Даже сюда, в это поселение на берегу реки, со всех сторон окруженное непроходимыми джунглями, доходили тревожные военные сообщения. Японские войска высадились на юге и уже маршируют на север. Таким образом, беженцы соревновались с военными: кто первым достигнет своей цели.

Сейчас нельзя было терять ни минуты. Из ветвей деревьев были сколочены носилки, и толпа двинулась на север вдоль реки с Джуди из Сассекса во главе. Они были одержимы идеей попасть в Паданг раньше японской армии. Двигаясь через джунгли, путешественники тщательно маскировали следы своего пребывания. Вокруг стеной стоял лес, густой и непроходимый.

В отличие от плавания на корабле, нынешний их путь под сводами джунглей был крайне экзотичным и даже драматичным. С этого момента начиналась совсем другая история — двести километров пути по территории, поросшей джунглями. Толстые корни деревьев-гигантов, похожие на якоря, преграждали путь, мешая продвижению путников.

Топот тяжелых военных сапог отдавался в темных джунглях зловещим шумом.

Лесу Сирлу, находящемуся во главе этой колонны, казалось, что за ними наблюдает каждое дерево. Он был очень доволен, что в первых рядах с ним бежала, навострив уши, Джуди, которая была готова предупредить об опасности. Она изучала территорию, а остальные следовали за ней. Единственно возможной дорогой был путь вдоль реки, но земля здесь была заболочена и труднопроходима. Ярко-зеленая растительность таила опасность в виде болот.

Иметь четыре лапы в данном случае было большим преимуществом. Подушечки на собачьих лапах равномерно распределяли вес, в результате чего Джуди сохраняла проворство в передвижении, в отличие от своих двуногих компаньонов. Разумеется, на такой территории собака была незаменимым проводником.

Обладая выносливостью и соблюдая равновесие, Джуди могла передвигаться так быстро, что просто не успевала завязнуть в болотной жиже. Ее задние ноги, как у всех собак, были сильными и мускулистыми, поэтому она могла прыгать в разные стороны и отскакивать назад практически молниеносно. Благодаря силе мышц и сухожилий, а также особому устройству коленей собака может использовать свои конечности, как мощные пружины, выбрасывающие ее вперед.

Прокладывая маршрут, выискивая по сторонам возможные опасности, Джуди понимала, что благополучие всей группы зависит от ее действий. Ее переполняло чувство собственной важности. Время от времени она останавливалась и оглядывалась назад, на Леса Сирла и Джока Девани, деловито сигнализируя: *«Вперед. Поторопитесь, здесь все чисто. Нельзя терять времени».*

Когда они только выгрузились на берегу реки, Джок Девани каким-то образом добыл и присвоил фуражку офицера морского флота, украшенную золотой лентой. Он пощегольски надевал ее набок. Нарядная фуражка возмущала и отталкивала доведенных до отчаяния людей, но служила маячком для Джуди, когда она оглядывалась назад, чтобы понять, успевают ли за ней ее двуногие друзья.

Ночь спустилась неожиданно. Солнце утонуло на западе, в месте их предполагаемой цели, и закат был не виден из-за нависающих деревьев. Когда солнце скрылось, сквозь заросли джунглей совсем перестал просачиваться свет. Лишь иногда поблескивало среди густых ветвей серебристое сияние луны. То, что до этого скрывала тень, сейчас абсолютно сливалось с темнотой. Тьма заполнила собой все, словно чернила.

Группа стала лагерем. И тут же люди обнаружили вокруг густую зловонную грязь — логово бесчисленного множества пиявок. Пиявки впивались в ноги проходящего человека, а потом поднимались выше вплоть до паховой области, где наполнялись горячей, свежей кровью. Спустя какой-нибудь час черная личинка насыщалась и могла достигать дюйма¹ в диаметре.

Но и после этого пиявки не горели желанием покидать свое «человеческое» жилище. «Головка» все еще оставалась в теле, что при такой влажности могло вызвать инфицирование и тропические язвы. Единственный путь освободиться от пиявки без последствий — это прижечь место укуса зажженной сигаретой. Это отчасти могло оправдать курение. Было каким-то своеобразным удовольствием наблюдать, как корчится прижатая окурком пиявка, полная крови.

¹ 2.54 сантиметра.

Следующим утром Джуди столкнулась с первым серьезным препятствием на пути. Оно было большим, наглым, обладало чешуйчатой броней и хищными челюстями. И было более упрямым, чем она сама. Они сошлись лицом к лицу на берегу реки — огромный суматранский крокодил преградил им дорогу. В узком месте, где трудно было пройти, он, похоже, просто нежился на солнце. Если бы Джуди дала ему время попятиться и уйти, он бы, без сомнения, сделал это.

Но она двинулась в наступление, как будто это была просто змея, как на «острове кораблекрушения». Но это была не робкая и способная ускользнуть змея. Яростно лая, Джуди использовала ту же тактику, что и с другими противниками: то прыгала из стороны в сторону, то уклонялась, то выпрыгивала вперед, чтобы напасть. Крокодил все так же лежал без движения, словно спал... но через узкие прорези глаз он все-таки наблюдал за происходящим. Джуди продвинулась еще ближе, стала более уверенной... Атака последовала мгновенно.

Двигаясь со скоростью молнии, что странно при его размерах, крокодил подался вперед, челюсти распахнулись, и стали видны ряды острых, словно нож, зубов. В последний момент Джуди отпрыгнула, успев уберечь голову. Их разделяли считанные дюймы, однако когтистая лапа все же прочесала собачий бок.

Джуди взвизгнула от неожиданной боли и попятилась назад. Змея, паук, леопард, человек — ни один из этих противников не сумел навредить ей. Но теперь на ее боку проявился красный кровавый след.

Однако Джуди не собиралась отступать. По всей видимости, и крокодил на своей территории не собирался увиливать от сражения, которое начал так успешно. Вероятно,

Джуди спасло только подкрепление — люди. Услышав ее визг, Джок Девани и Лес Сирл были на месте уже через секунду, подняли крик, пытаясь напугать крокодила и на всякий случай сжимая охотничьи ножи и пистолеты.

Осознав, что благоразумие и осторожность — это тоже смелость, крокодил сполз назад в воду. Плеснув хвостом по воде, он исчез. Но увечье было нанесено. Джуди была ранена. Отважный «проводник» мог переложить вес тела на травмированную сторону лишь с большим усилием. И, что важнее, надо было срочно стерилизовать рану, так как в местных условиях та могла быстро загноиться.

Немного поодаль находилась старая заброшенная фабрика по изготовлению каучука, который делается из сока тропических деревьев. Здесь беженцы могли отдохнуть и обработать рану собаки. Ухаживать за ней стал Джок Девани, что было для него нехарактерно. Что касается Джуди, то она, похоже, прекрасно осознавала, как близко была к тому, чтобы оставить в челюстях крокодила голову.

Когда рана была обработана, собака утолила жажду и отдохнула, после чего снова выглядела полной энергии и рвения идти дальше. Джок отпустил ее побегать по помещениям фабрики, чтобы проверить, способна ли она продолжить путь. Хотя была и другая цель: узнать, не завалилось ли здесь чего-нибудь пригодного для дальнейшей дороги.

В задней комнате собака остановилась перед весьма неожиданной находкой. Последовал дикий вопль радости, вверх полетела офицерская фуражка. К этому продукту нельзя оставаться равнодушным: либо любишь, либо нет. Джок любил. Действительно, это было странно — в темном помещении суматранской заброшенной фабрики найти несколько банок с любимым спредом всех британцев — мармитом.

Его обычно намазывали как масло на тонкие кусочки хлеба. Однако за неимением хлеба можно было поступить по-другому: из реки принесли воды, вскипятили ее на открытом огне. Размешав в воде это удивительное черное вещество, все желающие получили бодрящий горячий напиток.

Оставшиеся неоткупоренными банки моряки бережно упаковали, взяв с собой в дальнейшую дорогу.

Глава 11

Потребовалось пять недель пути в грязи, поту и крови, чтобы достичь цели. В среднем им удавалось пройти менее шести миль в день. Разумеется, все дееспособные и собака в том числе могли преодолеть дневную норму довольно быстро, но не дети и раненые. Путников сильно задерживали больные на носилках, особенно когда они переправлялись через ручьи и болота, продирались сквозь дикие заросли шиповника и под бесконечными тропическими ливнями преодолевали возвышенности.

Те, кто могли самостоятельно идти, имели все шансы продвинуться вперед быстрее и тем самым спасти себя от последующих лет мучений, но это было невозможно для наших путников: семья есть семья. В конце концов они достигли пункта назначения — железнодорожной станции Савалуенто. Оборванные, небритые, потные и грязные с ног до головы, путешественники по-прежнему не пали духом.

А Джуди, похоже, хорошенько усвоила урок, полученный в схватке с крокодилом. Если собака

впредь наталкивалась на обитателей джунглей, то смотрела на них свысока и... издалека. Со времен схватки бок зажил хорошо. И теперь только те, кто видели сражение Джуди с крокодилем, знали, что в начале пути она была сильно искалечена.

Голландцы на станции Савалуенто оказали путникам радужный прием. Их накормили горячей едой и подготовили места для сна в домиках для железнодорожников, где компания могла спокойно отдохнуть. Поезд по расписанию должен был отправиться отсюда следующим утром, все шло хорошо. Главным образом в поезде должны были ехать те, кто спасались от наступающей японской армии. Кроме Джуди и ее компании, здесь были солдаты, моряки, летчики, застигнутые врасплох войной на стороне союзников, а ныне отчаянно спасавшиеся бегством, как и мирные жители.

Когда на следующее утро показался дымок локомотива, движущегося в Паданг, больше всех ликовали те, кто преодолели почти невозможный путь пешком. Но причины радоваться не было. Первым, что сделали голландцы по прибытии, был приказ немедленно сдать оружие. Это был весьма странный для союзников шаг.

Те из товарищей Джуди, у кого еще были ружья или пистолеты, сдали их. Измученные опасным путешествием, слабые от пережитых тягот и недостатка нормальной пищи, но довольные тем, что выдержали, они не имели желания перечить приказу, не видели в этом смысла. Вскоре они будут сожалеть об этом.

Оружие было сдано, компания (люди и животные) была в сборе, готовая следовать по улицам города под палящим полуденным солнцем. Они должны были дойти до здания школы, где теперь находились казармы. Странно, что их

разместят здесь: все они хотели бы находиться на палубе корабля и плыть к безопасным местам. Но сейчас не время было задавать подобные вопросы. После тяжких испытаний свобода была в двух шагах.

Участники процессии думали, что после всего пережитого будут гордиться своим шествием по улицам Паданга, но теперь все это воспринималось несколько иначе. В городе царила испуганная атмосфера злобы и подозрительности. Разбитая армия шла в тишине. Постепенно стало понятно, что голландцы на Суматре презирают их: после того как Сингапур пал, японцам был открыт путь к Суматре. К тому времени, когда беженцы достигли военной части, многие очень устали и готовы были сдаться. Лес Сирл, Джок Девани и Джуди шли, словно участники похоронной процессии. Они чувствовали, что их обвиняют в позорной сдаче Сингапура.

Но это было не самым худшим. Худшее было впереди.

Как только они, уже безоружные, дошли до школы, голландские уполномоченные лица открыли горькую правду тем, кто два месяца провел в боях, а теперь спасался бегством от японских карателей.

Они опоздали на 24 часа.

Последние корабли, увозившие беженцев подальше от города, отчалили сутки назад. Еще оставалась призрачная надежда, что какой-нибудь корабль может приплыть в порт, но мало кто ожидал, что британцы рискнут отправить суда под нос к японцам. Враг был очень близко. Японцев ждали в Паданге в любой момент, и нидерландская администрация настояла на сдаче города без сопротивления.

Как объяснил нидерландский представитель, нет никакого смысла бороться или защищать Паданг. Пока «беженцы»

не стали официальными пленными, никому не разрешалось покидать казарму. Но самым худшим было то, что любой пойманный при попытке приблизиться к нескольким привязанным на погрузочной платформе лодкам, будет убит без предупреждения. Таким образом администрация колонии предотвратила попытки бегства.

Пройдя через столько испытаний, Лес Сирл и Джок Девани теперь пребывали в ужасном настроении. Они решили, что представитель нидерландской администрации с его японскими предписаниями может убираться к черту.

— Как твари дрожащие, ждать взаперти, пока враг войдет в город? Ну уж нет...

Как они ругали себя за то, что безропотно отдали свои ружья! Если бы британские моряки все еще были вооружены, при необходимости они могли бы забрать лодку силой — и к черту нидерландские власти. Однако, несомненно, голландцы расставили вооруженных охранников по всему периметру порта, чтобы предотвратить подобные попытки. Британцы чувствовали, что их обманули и предали.

По правде говоря, не только голландцы были виноваты в нынешнем положении дел в Паданге. Ответственность лежала и на британских властях. За день до этого британский консул в Паданге услышал по радио сообщение о сдаче Суматры японцам и о приближении оккупантов к городу. Поверив в то, что это правда, он прежде всего подумал о важных бумагах и сжег все секретные документы, в том числе книгу радиошифров.

Однако оказалось, что сообщение было сфальсифицировано. Когда он это понял, книга шифров уже превратилась в пепел. Даже если бы британские корабли или судна союзников подошли к острову, они бы не смогли с ним связаться,

чтобы узнать, какие города уже оккупированы и где именно сотни перепуганных людей ожидают скорейшей эвакуации.

Степень тяжести его ошибки стала ясна, когда среди бела дня в городе британское морское командование произвело разведку с воздуха, однако без книги шифров невозможно было ничего сообщить. Если бы контакт был налажен, встреча с прибывшим кораблем состоялась бы к северу от города — там, где не было голландского контроля и японских захватчиков. Но сейчас это не представлялось возможным.

Этим же вечером враг достиг Паданга. Первой о его прибытии проинформировала друзей Джуди. Она лежала посреди бывшего школьного класса, в котором они размещались. Голова ее покоилась на передних лапах, глаза неотрывно смотрели на дверь. Лес Сирл сердито зыркнул на Джуди, он был зол, в голове роились мысли о побеге, которые теперь невозможно было воплотить.

Вдруг Джуди поднялась на ноги. Несколько секунд она стояла в напряжении, как натянутая струна, сконцентрировавшись на чем-то вне комнаты. Потом, когда отдаленный мотоциклетный рев стал слышен и человеку, собака оскалилась. Японцы подъехали к зданию школы и остановились.

Увидев, как волнуется Джуди, уже никто не сомневался в том, что случилось: враг был здесь.

Здание школы заполнилось крикливыми командами. Грубые приказы где-то в коридорах звучали пронзительно и неразборчиво — таков японский язык. У людей от ожидания оккупантов кожа покрылась мурашками.

Лес Сирл молча подошел к Джуди. С тех пор как собака впервые ступила на палубу корабля (а это было почти пять лет назад), ей всегда предоставляли свободу. Сейчас же Лес

Сирл надел на нее ошейник. Защелкнув его, он взял собаку под свою защиту.

Вошел японец в сопровождении трех помощников. Если бы ситуация не была такой печальной, кое над чем можно было бы и посмеяться. Японский офицер (полковник, как потом выяснилось) был очень маленького роста и смотрел на мир сквозь смешные очки в тонкой оправе с круглыми стеклами. Еще более нелепо выглядел болтающийся у него сбоку огромный меч, который был явно велик для этого человека. Это было особенно заметно каждый раз, когда японец делал шаг: меч цеплялся за его бедро и мешал идти.

Вот так они столкнулись лицом к лицу с победоносной вражеской армией.

Полковник окинул быстрым взглядом потрепанных, подавленных мужчин. Его пухлое лицо расплылось в улыбке, обнажились золотые зубы.

Он отдал несколько приказов подчиненным, и те хором что-то закричали: «*Гав-гав-гав!*» Видно было, как они хотят угодить своему командиру.

Вдруг улыбка исчезла с его лица. Полковник указал пальцем на Джуди. Несколько коротких и резких предложений слетело с его губ, каждое из них заканчивалось едва ли не взвизгом. Его помощник молча внимательно слушал, слегка подергивая плечами. Тон полковника повышался, пока не достиг пика. Он развернулся в своих ботинках на огромных каблуках и, лязгая мечом, стремительно вышел из комнаты.

Казалось, на Джуди японский полковник не произвел никакого впечатления. Его помощники последовали за ним, но перед этим презрительно посмотрели на ничего не подозревающую собаку. Японцы вышли из помещения, но караульные по-прежнему стояли у входа в здание школы.

В эту ночь широко обсуждалась тема побега. Было достаточно просто забраться на школьную ограду и проскользнуть наружу, минуя охрану. Но что дальше? Беженцы оказались бы в густых джунглях без малейшего шанса организовать морское путешествие в тысячи миль. Японцы, несомненно, охраняют доки, и шансы захватить лодку и уплыть на ней были практически равны нулю.

Вопрос о побеге отпал сам собой. Что еще можно было предпринять? До всех доходили слухи о том, что в покоренных городах японцы насилуют женщин и не сильно беспокоятся о содержании военнопленных. Немногие спали этой ночью. Лес Сирл и Джок Девани разволновались не на шутку. Собака, которая так часто спасала им жизнь, явно чем-то не понравилась японскому полковнику — человеку, в руках которого были их судьбы.

На следующее утро стало ясно, что пленные не будут казнены, по крайней мере немедленно. Вместо этого мужчин, женщин и детей разделят и каждая группа отправится в один из местных лагерей для военнопленных. Моряков со «Стрекозы» и «Кузнечика» поселят в голландские бараки, и Джуди отправят с ними.

Путь от школы до барачных в Паданге навсегда запомнился тем, кто выжил во время этой войны. Он начался с позорного шествия оборванных моряков, солдат и летчиков различных частей и национальностей, которые с трудом передвигали ноги по улицам города. Под ногами клубилась пыль, собралось много зевак, чтобы посмотреть на процессию. Под пристальным наблюдением эскорта вооруженных японских военных каждый пленный осознавал, каким грязным и жалким он выглядит на фоне этих умных, дисциплинированных, лощеных завоевателей.

Постепенно настроение в колонне стало меняться. Союзники поймали ритм и теперь шли в ногу. Унижение заставило многих пленных (в первую очередь моряков) поднять голову, разогнуть плечи, выставить грудь вперед, чтобы показать готовность к сопротивлению. Сотни рук и ног ритмично двигались в такт. Этот марш должен был продемонстрировать врагу и изумленным местным, что дух узников не сломлен. Они преодолевали боль, особенно раненые, однако все равно старались идти в ногу, поддерживать строй.

Джуди бежала сбоку и тоже почувствовала перемену настроения. Ее захлестывали эмоции: она то рвалась вперед, то тянула назад. Лес Сирл по-прежнему вел ее, держа на поводке. Английский пойнтер — грациозная собака, которая всегда в форме, даже если ей пришлось пережить длительное пребывание в джунглях и знакомство с крокодилом... Красавица бодро бежала с высоко поднятой головой и нюхала воздух. Город кишел японцами. Джуди понимала, что это не просто ее личный враг, но противник всей команды. Для собаки японцы пахли агрессией и враждой, а ее друзья — страхом и осознанием поражения.

По мере того как марширующие продвигались по улицам города, Джуди почувствовала и другое. Никто из тех людей, с которыми она пережила столько диких и кровавых событий, не был сломлен до конца, по крайней мере пока.

Голландские бараки для пленных не были тем адом, какой ждал их впереди. Они состояли из четырех больших одноэтажных блоков, которые образовывали двор с футбольной площадкой в центре. После прибытия на место мужчины были разделены на четыре группы, каждой из которых был выделен свой барак: британский, австралийский, нидерландский и офицерский (для представителей различных

национальностей). Строясь поменьше предназначались для японской стражи и магазина.

К востоку от лагеря высились горы, такие же как те, которые пришлось преодолеть беженцам на пути сюда. Они были как горькое напоминание обо всем пережитом ими до этого. Неужели все было зря? Каждый, кто очутился в этом лагере, мечтал отомстить захватчикам. Оставалась надежда на американцев: те могли бы взять территорию штурмом и освободить тысячи пленных.

Среди узников только об американцах говорили как об освободителях. В соотечественников британцы в глубине души уже не верили. Они были в шоке от ужасающего разгрома их сил (в Сингапуре капитулировало восемьдесят тысяч военных) и могли надеяться лишь на боевой дух других наций.

Многие люди действительно верили, что со дня на день придут американцы и господство японцев быстро сойдет на нет. Когда один из офицеров предложил спросить у японских охранников, можно ли им получить семена овощей для посадки, в ответ он услышал смех.

— Какой смысл высаживать огород? Мы будем далеко отсюда еще до того, как взойдут первые побеги. Янки могут быть здесь со дня на день.

Впрочем, такие разговоры вскоре прекратились и главной проблемой стало добывание еды (ежедневно им приходилось бороться за кусок хлеба, чтобы хоть как-то выжить). В каждом тюремном блоке был свой «бугор» — главный, которого назначали японцы для слежки за соблюдением тюремного режима. Помимо этого в его обязанности входила охрана продовольствия от тех, кто содержался в блоке. Но ни для кого ситуация с продовольствием не была настолько ужасной, как для Джуди.

Лес Сирл делал все возможное, чтобы убедить японского командующего, что корабельная собака должна иметь такие же права, как любой матрос. Но все его аргументы попросту пропускались мимо ушей. Большую часть времени Джуди игнорировали, кроме тех случаев, когда собаку пытался избить охранник (как правило, ей всегда удавалось увернуться).

Пищу могли получать только официальные военнопленные, следовательно, собаки как таковой будто не существовало. Лес Сирл, Джок Девани и другие люди из их окружения делали для Джуди все, что могли. Каждый из них делился с ней небольшой порцией вареного риса. В такое трудное время ее инстинкт выживания вышел на передний план. Она охотилась за всем, что было хоть немного съедобно: ящерицы, крысы, змеи, мелкие птицы. Даже мухи не могли спокойно пролетать над ней.

Джуди брала пример с Джока Девани. У зажиточных здешних голландцев, имеющих больше материальных благ по сравнению с другими, она считалась той еще хитрюгой. Многие голландцы и до пленения проживали в Паданге, поэтому у них с собой было что угодно, вплоть до кухонного рукомыльника: матрасы, одеяла, чемоданы, полные различного домашнего скарба, а также деньги. Поэтому они имели возможность выменять у местных жителей что-либо на еду.

Несмотря на старания своих помощников, Джуди здесь впервые ощутила то же, что чувствовали люди, — тупую боль в животе из-за недостаточного питания. Постоянное чувство голода мучило ее. Именно голод заставлял мужчин думать о том, как бы украсть что-нибудь из магазина, несмотря на то что там был выставлен сменный караул. Именно голод вынуждал выискивать остатки пищи, малопригодные

для употребления, на помойке у барака, в котором жили голландцы. Именно голод вызывал ненависть к голландским пленным, у которых, в отличие от остальных, была возможность добыть еду, ведь они не лишились всего во время кораблекрушения и не боролись за жизнь в кровавых битвах с врагом. Многие британцы и австралийцы остались в том, в чем были. Голландцы могли сидеть на верандах своих жилищ, куря сигары и попивая кофе. А британцы и австралийцы — только докуривать после них окурки, чтобы хоть немного отвлечься от резей в животе, вызванных голодом.

Неприязнь между бывшими союзниками усиливалась. Она родилась в результате предательства, с которым столкнулись беженцы по прибытии в Паданг, и подпитывалась различием в условиях содержания военнопленных. Отличия были колоссальными. Дневной рацион узников состоял из двух крошечных кусочков хлеба, двух бананов и стакана вареного риса. Чтобы наесться, этого было недостаточно ни англичанам, ни австралийцам, ни голландцам. Именно из-за этого ненависть к последним все возрастала.

Те, у кого не было хоть какого-нибудь добра или денег (как у наших героев), для того чтобы выжить, вынуждены были полагаться лишь на свой разум. Подговорив кое-кого и таким образом найдя нескольких сообщников, Лес Сирл и Джок Девани образовали группу самых отчаянных и находчивых. У них не было ничего, поэтому они попросту экспроприировали то, что получалось.

Они выдумали операцию «захват». Раз в неделю японцы позволяли местным торговцам выставлять на территории лагеря лотки с самым необходимым: едой, мылом, одеждой и постельными принадлежностями. В день «торговли» наши герои начинали операцию «захват», которая позволяла им

хоть немного наполнить животы, хотя и сопровождалась часто жестоким избиением. Однако все они, а особенно Джок Девани, предпочитали риск.

Операция начиналась с появления Леса Сирла, который якобы хотел что-то обменять. Он отвлекал внимание торговца, а Джок Девани случайно задевал локтем несколько вещей на прилавке. Тут же появлялась Джуди, хватала их и быстро убегала прочь. Четвертый сообщник стоял за углом и был невидим для торговца. Джуди приносила ему украденное, и он тут же прятал его.

Хотя, конечно, проворные торговцы легко могли проследить за собакой, пойти по ее следам и найти преступников.

Самой успешной и запоминающейся оказалась операция против японцев. В лагере содержались две козы — основные «поставщики» молока для командования. Одну из них британцы приманили к окну своего жилища с помощью кожуры банана. Когда коза начала жевать ароматную кожицу, на шею животного накинута петлю из проволоки, рывком сбили с ног и втянули в окно.

Этой ночью никто из британцев не спал: ни заключенные, ни живущая с ними собака. Утром взволнованные японские караульные начали искать хоть какие-нибудь следы пропавшей козы. Но она исчезла с лица земли — ни кожи, ни рогов, ни копыт найдено не было. Единственным, что выглядело подозрительно, были набитые животы британцев и их вредоносной собаки, но доказательств отыскать было невозможно. Разумеется, после длительного голодания такой пир вызвал расстройство пищеварения, продолжавшееся несколько дней.

Именно голод вынудил Джуди впервые покинуть свою семью в поисках пропитания. Длинными днями и долгими

ночами Лес Сирл и другие британцы держали ее возле себя. Они знали, что как только она покажется на глаза японцам, те застрелят ее, а потом съедят. Каждый шаг основательно обдумывали, чтобы уберечь Джуди от стражи, которая имела зуб на собаку.

И все же однажды ночью, когда все спали, Джуди тайком отправилась на охоту. Только ее темные лапы мелькнули в предрассветной мгле, как через время она запрыгнула обратно в приоткрытое окно помещения и приземлилась на грудь спящего пленного, старшины «Панча» Панчеона. Он вскочил, но увидел перед собой знакомую фигуру — Джуди, которая испуганно смотрела на него, держа в зубах половину недоеденного цыпленка.

Тайком ото всех Джуди проползла под проволокой (она когда-то уже делала это, будучи щенком) и устремилась прочесывать город в поисках пищи. После этого случая решено было привязывать собаку на ночь. Ей не нравилось это, но Панчеон лучше всех смог объяснить ей, почему это необходимо.

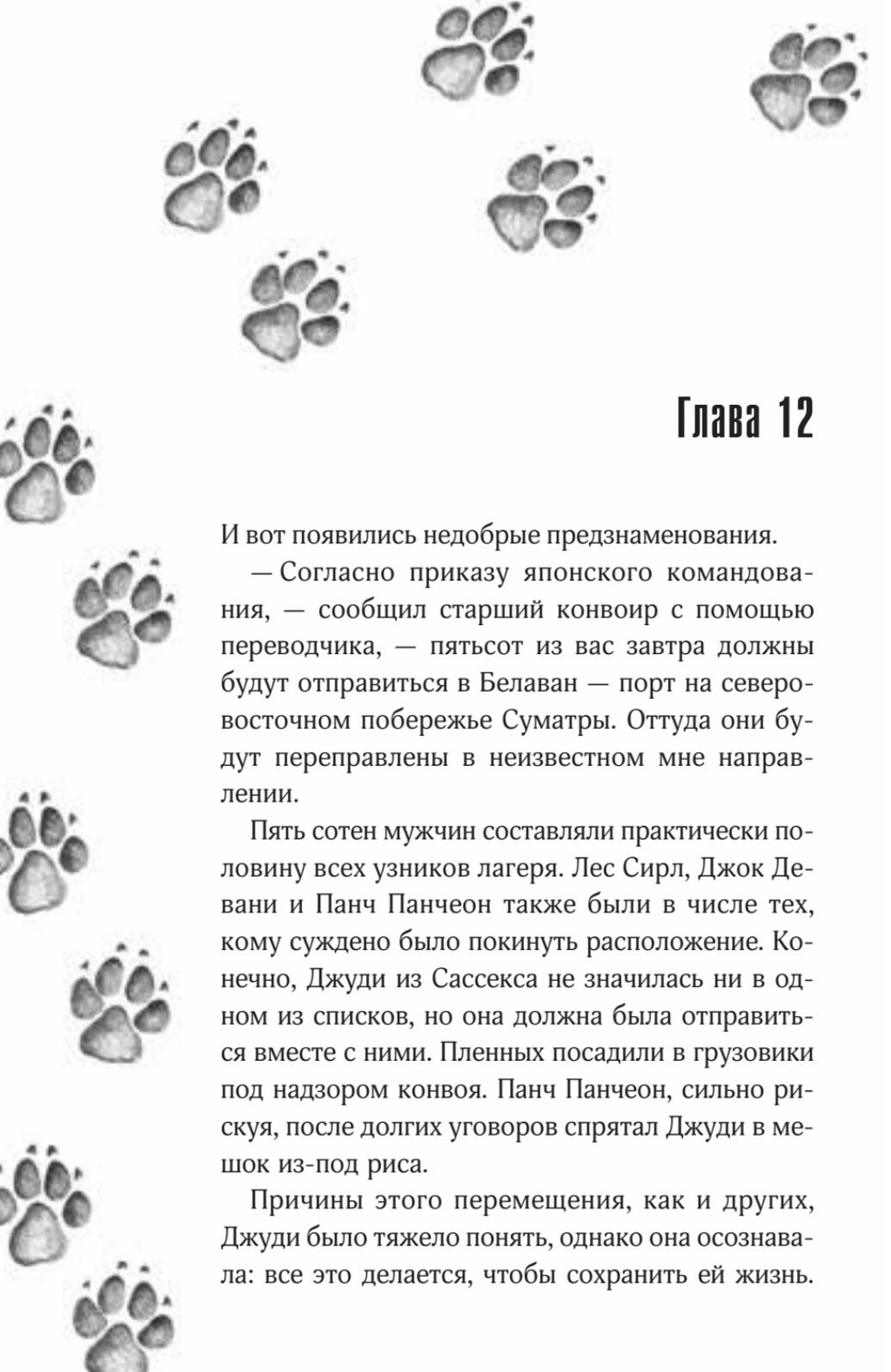
— Это не наказание, — говорил он ей. — Это просто потому, что мы не хотим, чтобы тебя съели.

Время неумолимо двигалось вперед, но ничего по большому счету не происходило. В мире продолжала разгораться война, однако новости сюда не доходили. Словно пленники были затеряны во времени. Слухи порождали слухи, это было понятно узникам лагеря, но они не падали духом. Хотя, разумеется, все что угодно (кроме голода) казалось лучше, чем беспросветная скука их тогдашнего существования.

Однако фактически Паданг был просто раем по сравнению с местами, о которых будет говориться далее. Люди

и собака хоть и чувствовали постоянный голод, но никто из них не был при смерти. Надежда не умирала в сердцах мужчин, и многие из тех, кто услышал весть об их скором отъезде, подумали, что это хорошая новость.

Однако на деле их всех отправляли в сущий ад.

Глава 12

И вот появились недобрые предзнаменования.

— Согласно приказу японского командования, — сообщил старший конвоир с помощью переводчика, — пятьсот из вас завтра должны будут отправиться в Белаван — порт на северо-восточном побережье Суматры. Оттуда они будут переправлены в неизвестном мне направлении.

Пять сотен мужчин составляли практически половину всех узников лагеря. Лес Сирл, Джек Девани и Панч Панчеон также были в числе тех, кому суждено было покинуть расположение. Конечно, Джуди из Сассекса не значилась ни в одном из списков, но она должна была отправиться вместе с ними. Пленных посадили в грузовики под надзором конвоя. Панч Панчеон, сильно рискуя, после долгих уговоров спрятал Джуди в мешок из-под риса.

Причины этого перемещения, как и других, Джуди было тяжело понять, однако она осознавала: все это делается, чтобы сохранить ей жизнь.

Она поняла, что в течение длительного путешествия должна сидеть тихо в задней части грузовика, а в конце материализоваться словно из ниоткуда.

Когда длинная вереница транспортных средств покидала Паданг, внутри то и дело раздавались радостные выкрики.

Пленные, истощенные и заросшие, надеялись, что все это вот-вот закончится. Какие-то перемены должны были произойти, и у них появилась надежда.

— Мы увидимся после демобилизации на Рождество! — кричали некоторые.

Была осень 1942-го, и никому из этих ребят не суждено было в ближайшие три года попасть домой на Рождество.

Процессия из двадцати с лишним грузовиков набирала скорость. Улицы Паданга, скрытые дымкой пыли, остались позади. Кузов машины был открыт, поэтому Лес Сирл и другие могли обозревать окрестности. Местность была еще более суровой и безлюдной, чем та, которую они пересекли пешком полгода назад. Белаван лежал в пятистах километрах к северу. Дорога вилась тонкой нитью через горную гряду Баризан.

Она была проложена в густых джунглях, пронизывала ледниковые расселины с каменистыми стенами и делала несколько головокружительных петель, которые конвой проходил, однако, на сумасшедшей скорости. Но пленные не отчаивались. Их лица обдувал ветер, а от пейзажей захватывало дух. Суматранские возвышенности потрясающе красивы! Если не ходить здесь пешком.

На четвертый день, в полдень, вереница достигла высокого плато, окружавшего озеро Тоба, — место исключительной красоты, которое раньше было чем-то вроде курорта, куда на выходные приезжали голландские резиденты

Суматры. Японский конвой решил, что это прекрасное место для остановки.

Предполагался ранний обед (как всегда, скудный рис). Все сели на краю дороги, откуда открывался вид на искрящуюся воду и великолепные, покрытые соснами долины, расположенные ниже.

Высокогорное озеро Тоба было просто волшебным. Никто не хотел шевелиться. Даже японцы, похоже, подобрели. Они улыбались и раздавали всем гроздь бананов... Все это, включая красоты природы, сменится вскоре безнадежностью тяжелейшего, адского, нескончаемого труда.

Конечным пунктом путешествия должна была стать деревня Глогор — уединенное местечко с самобытными строениями. Жители деревни обычно собирались на улице вокруг китайских магазинчиков. Вдоль этой же дороги находились пустые бараки. Надежды, которые давали силы и вдохновляли во время путешествия, быстро угасли. Глогор был куда меньше и куда мрачнее того места, где они содержались раньше. Полтысячи мужчин согнали, как стадо, на клочке земли, чуть больше, чем футбольное поле. Здесь стояли длинные блоки барачков, разделенные тонкими полосками травы.

Мужчин вновь поделили по национальности, один барак оставив для офицеров. Условия были аскетичными. Деревянные доски, постеленные на стальные балки, образовывали полки вдоль каждой из стен — нары, где должны были спать пленные. Пол был голым, а между лежаками имелся проход шириной около восьми футов. И сверху черепичная крыша, наводненная крысами.

Окна были не застеклены, а лишь прикрыты металлическими решетками с деревянными ставнями. Каждому за-

ключенному для сна предназначалась «ячейка» длиной шесть футов и шириной два с половиной. Это крошечное место теперь называлось их домом. Тут они ели, спали, коротали время, стараясь не думать о том, что здесь легко заболеть малярией или другими опасными заболеваниями, которые стали для Глогора чем-то вроде чумы. Уединиться или спрятаться можно было только в мыслях.

Предчувствие того, что здесь значительно хуже, нежели в Паданге, подтвердились, когда раздали первые порции еды. На местной кухне готовили из расчета на два приема пищи в день. Меню редко менялось: чашка водянистого риса, который называли «пап», небольшое количество безвкусного супа с травой, а также какое-то непонятное вязкое месиво, напоминающее густую кашу. Если в Паданге пленные недоедали, то здесь, в Глогоре, их просто морили голодом.

Мужчины дни напролет просиживали запертыми в бараках. Не было надежды ни избавиться от скуки и как-то разнообразить жизнь, ни сбежать из душного раскаленного помещения. Многие сейчас с радостью вновь оказались бы в свободном, «роскошном» Паданге. Кое-кто от безнадежности происходящего впал в апатию.

После трех недель пленения полковник Банно, японский комендант лагеря, заявил, что узники должны понести наказание за то, что «оказывали сопротивление японским военным силам». С этого момента с ними будут обращаться «должным образом» — как с военнопленными.

Полковник Банно был загадочной персоной. Этот изысканно одетый японский офицер, в прошлом — фермер, с первого взгляда казался человеком умным и открытым. Но, несмотря на кажущуюся доброжелательность, у него было крайне жестокое сердце. Он настаивал на применении наказания

по отношению к тем, кто рискнул бороться с имперскими военными силами Японии.

Никто из пленных не питал ни малейшей надежды на то, что их наказание будет заключаться просто в пребывании взаперти. Позже о таком пребывании в бараках будут вспоминать как о благословенном времени. Перемены, о которых они были предупреждены, должны были произойти вскоре. Якобы пленным будет разрешено выполнять различную работу вне лагеря, а местным торговцам позволят выставлять лотки два раза в неделю и продавать такие «роскошные» товары, как фрукты, яйца, табак, мыло и даже карандаши и бумагу.

Новость о таком вот «улучшении» немного подняла боевой дух в лагере, но ненадолго. Вскоре пленные прочувствовали на себе нечеловеческую жестокость, которую японцы применяли ко всем, кто имел дерзость перечить им.

В лагере Глогор надзирателями были как японцы, так и корейцы. Хотя последние носили японскую форму, но к ним относились свысока. Японские офицеры часто оскорбляли и били своих подчиненных. Те, в свою очередь, вымещали злость на корейцах. А от корейцев попадало местным торговцам и заключенным.

Первым жестокость этой бесчеловечной «системы» почувствовал на себе местный торговец, который был схвачен при попытке тайно пронести немного денег в лагерь. Кто-то из пленных хотел ему что-то продать. Скорее всего, это были часы или золотое кольцо. Но в лагере такой обмен был строго запрещен. Торговать можно было только местным жителям.

Сначала он был избит начальником стражи: самый старший по рангу достаивался чести нанести первые удары. По-

сле чего уже были развязаны руки у всех караульных. Каждый старался перещеголять других в энтузиазме, с которым униженному, уже упавшему бедолаге наносил удары прикладом или сапогом.

В конце концов жертву обычно приводили в чувство, вылив на нее ведро холодной воды, после чего подвешивали за руки на флагшток под палящим солнцем. Но наказание, предусмотренное для китайских торговцев (китайцы — заклятые враги японцев с незапамятных времен), было еще хуже. Обвиненный в воровстве китаец также подвешивался, а над его головой устанавливалась табличка: «ВОР». На шею набрасывалась петля, а с другой стороны привязывалась сумка. В эту сумку каждый проходящий, в том числе и заключенные, должен был кидать по камню, в результате чего сумка тяжелела и петля затягивалась.

Не все выдерживали подобные садистские пытки, но все обязаны были смотреть на публичные казни, чтобы неповадно было нарушать правила лагеря. Для Глогора соблюдение режима было священным. Пленные должны были кланяться как японским, так и корейским конвоирам. Кланяться нужно было, сгибаясь в поясице, наклоняясь настолько низко, насколько возможно. Чем ниже поклон, тем меньше вероятность быть жестоко избитым за проявление «неуважения» к завоевателям.

Выучить, когда нужно низко поклониться, было нелегко, но большинство «ритуалов» запоминались быстро. Едва японский или корейский военный появлялся в поле видимости, ему стоило поклониться. Не заметить надзирателя значило породить взрыв оскорблений и жестокости. Виновник должен был стоять по стойке «смирно», в то время как азиат бил его по лицу и ногам. Очень важно было стоически

перенести наказание и не упасть, иначе надзиратель просто избивал жертву ногами, обутыми в ботинки, по голове.

Лес Сирл, Джок Девани, Панч Панчеон и остальные, кто был с Джуди, наблюдали за подобными проявлениями дикости с глубоким отвращением и волнением — боялись больше за собаку, чем за себя. Однако, казалось, Джуди по-своему научилась кланяться. Она слонялась вокруг лагеря в Глогоре с затравленным взглядом и опущенной головой, изо всех сил стараясь избегать надзирателей. Но полностью скрыть свою ненависть к ним ей не удавалось.

Когда кто-то из них был рядом, ее челюсти плотно сжимались. Неоднократно она бросалась к одному из самых худших надзирателей и, казалось, была единственным узником, который не способен держать свои эмоции при себе.

Такая явная враждебность собаки постоянно ставила жизнь Джуди под угрозу. Особая опасность в этом смысле исходила от корейских надзирателей, которые любили употреблять собак в пищу, как, впрочем, все местные. В этой части Суматры каждую собаку при отсутствии строгого надзора выискивали и отправляли в кастрюлю. Более того, кое-где в Корее собачье мясо считалось деликатесом. В Глогоре было немало желающих полакомиться талисманом Королевского флота.

Так как порции во время кормежек были мизерными и у защитников Джуди не было возможности что-либо выменять, еду можно было отыскать разве что вокруг лагеря. Джуди вновь и вновь отправлялась на поиски пищи. Возвращалась она то со змеей, то с цыпленком, зажатым в пасти, и пулей проносилась мимо надзирателей в барак к своим.

Неоднократно случалось так, что она роняла трофей, возвращалась, подбирала его и снова пробиралась вперед, что-

бы в конце концов с победным видом бросить добычу к ногам друзей. Ей нужно было уловить время, чтобы пролезть под сеткой, окружающей лагерь, а это было рискованное мероприятие: ее могли заметить, убить и съесть.

Трудовой день в лагере начинался так. Мужчины делились на рабочие группы и отправлялись к месту проведения предназначенных для них работ. Одной из первых задач для Ле-са Сирла, Джуди и других было черпать песок из близлежащей реки для строительства аэродрома в Медане. Японцы хотели удлинить взлетную полосу, чтобы получить возможность принимать эскадры тяжелых бомбардировщиков. Копать песок и грузить его в плетеные корзины было очень тяжело как людям, так и собаке, и лишь возможность освежиться в реке немного облегчала им жизнь.

Зная о том, что американские истребители большого радиуса действия способны долететь даже до такой отдаленной территории, японцы распорядились построить замаскированный в джунглях склад для хранения топлива и всех боеприпасов. Это был тяжелый, изнурительный труд, однако он давал хоть какую-то возможность прокормиться тем, чьим постоянным спутником стал голод.

Валить тропические деревья-гиганты при помощи одного только топора требовало определенных навыков. Старались рассчитать так, чтобы дерево упало в сторону японских или корейских конвоиров, заставляя их в панике разбегаться. После крика «Берегись!» дерево высотой около ста футов падало, цепляясь за другие деревья и ветви.

Когда дерево валилось наземь, к нему в поисках добычи подбегали толпы людей в лохмотьях. Джунгли всегда кишат разнообразными обитателями: змеи, птицы, ящерицы, мелкие млекопитающие — все это съедалось доведенными

до отчаяния военнопленными Глогора. И не было среди заключенных более быстрого и ловкого охотника за добычей, чем Джуди из Сассекса.

Объем рабского труда все увеличивался, особенно когда японцы начали выработку полезных ископаемых для индустриализации Суматры. Корабли пришвартовывались в доках Балавана, доставляя цемент, колючую проволоку и боеприпасы. Все это выгружалось военнопленными. Среди прочего груза были цистерны для масла и бензина. Их ждали простаивающие железнодорожные платформы.

Сопrotивление пленных и их дух сломить было не так-то просто. Навьюченные, как животные, узники (в их числе Лес Сирл и Джок Девани) не упускали возможности хоть как-то досадить врагу.

Они ставили емкости на грузовые платформы и слегка отвинчивали крышки в надежде на то, что во время следования по ухабистой дороге емкость начнет опорожняться, что упростит им последующую работу. Часто это обнаруживалось, и тогда разъяренный японец хватал первого попавшегося на глаза пленного.

Кроме зверских избиений, было освоено новое наказание — для смельчаков, отважившихся, к примеру, на саботаж. Полковник Банно стал инициатором ужасного заключения узников в одиночную камеру-клетку. В Глогоре было несколько лачуг без окон, где хранился навоз. Запах от них достигал небес. Единственным источником света здесь были щели в деревянных дверях с толстой решеткой. Снизу была подвижная секция, через которую можно было увидеть, что делает пленный. Каждого, кто был обвинен в саботаже, по приказу полковника помещали в такую хижину на долгие дни, недели или даже месяцы.

Но этим садистские наклонности полковника не исчерпались. Весь день пленному не позволялось не только присесть, но даже прислониться к стене. Было невыносимой пыткой стоять по двенадцать-тринадцать часов кряду. Если узник не выдерживал и прислонялся, тот его тут же нещадно избивали надзиратели. Пленному не на чем было спать, кроме как на твердом каменном полу, не было даже одеяла, которым можно было бы укрыться от москитов (по ночам над Глогором облаками летали различные насекомые, в том числе и разносчики болезней).

Содержащимся в клетке также урезали питание — чаще всего предполагался один неплотный обед в три дня. Но о голоде пленник забывал из-за болей в конечностях: он часами стоял в одной позе и смотрел сквозь деревянные решетки. Смотреть тоже иногда становилось пыткой. Кухня находилась рядом с клеткой, и во время обеденного перерыва толпы мужчин проходили мимо с котелками риса или супа, устремляясь в бараки.

Некоторые из наказанных клеткой военнопленных плакали, некоторые впадали в безумие. Однажды японский конвоир, стоявший на посту, просунул пленному сквозь решетку кусочек японского шоколада и банан. Среди них не все были монстрами. Подобный поступок был очень рискован: если бы командир увидел, что подчиненный проявил жалость, тот был бы наказан полковником Банно лично, и это было бы по-настоящему страшно.

Однако, несмотря на все ужасы, бывали в Глогоре и светлые моменты, по крайней мере в первые месяцы. В лагере ходили слухи, что союзниками были отбиты Соломоновы острова. Японцы захватили острова, лежащие к востоку от Суматры в начале 1942 года, разрушив линию снабжения

между Австралией, Новой Зеландией и США. Союзники контратаковали, высадившись на Гуадалканале и соседних островах; последовало сразу несколько сражений: на земле, на воде и в воздухе.

Новости о контратаке союзников сильно подняли моральный дух пленных. Они праздновали, как могли. Даже устроили своего рода гонки в британском блоке. Жилище было примерно сто ярдов в длину. Тут были установлены барьеры в виде пустых банок из-под керосина. Джуди должна была преодолеть всю дистанцию, перепрыгивая через препятствия. Ее уши развевались по воздуху, а хвост помогал движению. Со всех сторон ее поддерживали и подбадривали криками. Все соглашались с тем, что Джуди из Сассекса была настоящей звездой в Глогоре и лучше всех поднимала боевой дух своим товарищам.

Пленникам предстоит защищать ее ценой своих жизней, а Джуди останется лишь боль от их утраты.

Глава 13

Джуди, основной задачей которой по-прежнему было избегать конвоиров во время своих рейдов в поисках пищи, продолжала выполнять свою миссию. Она помогала не только своим, но и тем, с кем познакомилась уже здесь. Одним из первых с ней подружился Прайвет Казенс из восемнадцатой пехотной дивизии. Он был в числе многих британских солдат, плененных во время взятия Сингапура. Казенс боролся за Малайю в составе индийских и австралийских сил и участвовал в памятной битве за Муар, пытаясь остановить продвижение японцев.

Даже когда решено было отправить его в Глогор, Казенс все еще был воодушевлен, улыбался и подшучивал над своими товарищами. Он обладал особым навыком, очень ценным в условиях лагеря, — прекрасно чинил обувь. Узнав об этом, полковник Банно официально назначил его сапожником. Разумеется, предполагалось, что его услуги будут предоставляться всем, кроме заключенных.

В результате долгих месяцев боев, бегства, блуждания в джунглях и работы в лагере обувь

у военнопленных изнасилась. Теперь на них были грубые деревянные сандалии, которые крепились тонкой проволокой или тем, что было найдено под ногами. Кожаные сапоги были элементом роскоши для победителей, то есть японцев.

Должность Казенса, разумеется, была хороша, так как избавляла его от более тяжелой коллективной работы. Обратной же стороной медали было то, что приходилось постоянно контактировать с японцами, которые запросто могли прибегнуть к использованию физической силы. Казенс должен был регулярно посещать японский офицерский корпус, чтобы снять мерку с того или иного оккупанта и затем изготовить новую пару высоких сапог. Он брал с собой мешок, заполненный заготовками и кусками кожи разной длины, ножи, молоток, гвозди и прочие инструменты, необходимые сапожнику. Эти опасные визиты всегда его тяготили. Близкого контакта с офицерами следовало избегать, особенно с полковником Банно. Хотя еще хуже было встретить его заместителя — лейтенанта Мацуоку.

Он был необычайно уродлив, за что получил прозвище «свиноглазый». Его боялись и ненавидели все: и подчиненные, и пленные. Следующим по званию был так называемый «доктор», чей меч был так велик, что казался больше его самого. Японцы знали, что их доктор не так компетентен и аккуратен, как британские или нидерландские медики. Вслед за доктором шел переводчик, который лицом напоминал полковника Банно — такой же добродушный с виду пожилой мужчина. Но внешность обманчива. Многие думали, что переводчик на самом деле добрый, пока тот не разбил голландцу голову о стену без особой причины. Просто потому что тот был связан и оказался легкой жертвой.

Младшим по званию офицером был Такахаши. Он являлся исключением из правил. У Такахаши были пробританские взгляды. Возможно, он просто осознавал, что имперская Япония не сможет выиграть войну, поэтому делал ставку на британцев. Он был очень умен, дисциплинирован и среди союзников слыл хорошим офицером. Он был честен и благороден со всеми военнопленными, независимо от ранга или национальности.

Однажды Такахаши пришел в жилище британцев поздно ночью и передал старшему коричневую сумку.

— Хорошенько спрячьте это, — сказал он шепотом, перед тем как уйти. В сумке была фотография Уинстона Черчилля, под которой красовалась подпись: «Человек нашего времени».

В другой раз Такахаши обратил внимание на то, что военнопленный смотрит в небо на пролетающий самолет, вглядываясь, нет ли на нем значка союзников. Когда он повернулся к японскому офицеру, тот потряс головой и заметил:

— Не беспокойся. Повезет в другой раз.

Всем было очень жаль, когда Такахаши перевели в Чанги — менее известный лагерь в Таиланде. После его отъезда Казенсу оставалось иметь дело со старой гвардией, кровавой, непредсказуемой, способной на любую жестокость без повода. Позже он доказал, что готов на риск, чтобы сохранить жизнь Джуди, чем подал пример другим. В этом ужасном месте Джуди была талисманом уже не только корабля, но и всего лагеря.

Своей волей к жизни и веселым нравом она поддерживала дух всех узников в Глогоре. Они видели в ней символ сопротивления. Собака становилась все более известной. С тех

пор как она стала символом Глогора, ее «семья» разрослась до тысячи военнопленных. Но Казенс благодаря своему великодушию был для Джуди особым другом.

Он имел привычку сидеть в тени под крышей, где мог на открытом воздухе чинить и изготавливать обувь. Японцы снабжали его сапожной кожей — как и всё на острове, расход ее тщательно отслеживался. Несмотря на это, починяя очередную пару обуви, Казенс всегда отрезал кусочек кожи для Джуди, которая часто крутилась возле него. Кожа была очень жесткой, но для изголодавшейся собаки это было лакомство.

Изо дня в день сапожник заботился о Джуди. Он прекрасно понимал, что несколько кусочков кожи — это ничтожно мало, ведь ее вес, как и вес других пленных, стремительно уменьшался. На боках собаки сквозь шерсть уже проглядывали кости. Да и сама шерсть давно не блестела, как раньше. И люди, и собака очень нуждались в лучшем питании, и единственным способом добиться этого было воровство пищи у тех, у кого она была.

Однажды Казенс решился на рискованную авантюру и предложил участвовать в ней Лесу Сирлу, так как тот был одним из тех, кто тесно общался с Джуди. Обычно сапожник дожидался, пока у него не скопится полный мешок обуви для японских офицеров. Казенс объяснил Лесу Сирлу, который помогал переносить мешок, что задумал: бесстрашный сапожник хотел использовать доставку обуви, чтобы наладить изъятие крупных партий риса прямо из-под носа у японских офицеров.

Двое мужчин покинули огражденную территорию лагеря, таща в руках тяжелый мешок с сапогами. Лесу Сирлу казалось, что они в логове паука и вот-вот запутаются в его се-

тях. В офицерских кварталах им предстояло опустошить мешок, а затем наполнить его добычей. Когда мешок был доверху наполнен рисом, они потащили его в сторону британского жилища, рискуя в любой момент быть обысканными. Удача улыбнулась этим двоим — им удалось добраться до места без помех, чему они безмерно удивились.

На следующий день два японских конвоира вошли в жилище британцев с неожиданной проверкой. Никто не сомневался, что они ищут полный мешок риса, который пропал таинственным образом. Лес Сирл и сапожник рассыпали похищенное на лежаке и накрыли его одеялом. Всего один удар штыком мог разоблачить их.

Пока стражники прохаживались по периметру жилища, мужчины стояли, затаив дыхание. Волнение возросло до предела, когда надзиратели проходили мимо места, где была спрятана добыча.

Лес Сирл знал, что Джуди улавливает все их эмоции. Страх, счастье, ужас, тревога — все это она тоже могла ощутить и понять. Прямо сейчас она уловила вибрации смертельного страха. Особенно сильно источали его похитители риса, ее друзья. Воздух был насыщен смертельной опасностью: за такую провинность японцы могли бы тут же на месте обезглавить преступников.

Находясь как раз возле того места, где был спрятан рис, надзиратель уже собрался ткнуть туда штыком, но тут, задржав хвост, в помещение вбежала Джуди, держа что-то в зубах. Страх отразился на лице охранников, когда Джуди пробежала по комнате. Ее уши наострились, налитые кровью глаза смотрели с угрозой. Из ее пасти торчал какой-то знакомый мрачный предмет.

Это был сияющий человеческий череп.

Преодолевая препятствия на своем пути, Джуди рванула мимо конвоиров в дальний конец помещения. Затем резко развернулась и вылетела из барака со скоростью молнии. Стражники что-то бешено орали друг другу, показывая на то место, где пробежала собака. Военнопленные знали, что японские конвоиры чувствовали необъяснимый страх перед всем, что было связано со смертью. Скелет, кости, могилы, черепа — все это ужасало их.

Когда Джуди с зажатым в зубах черепом пробежала вокруг них вновь, они в панике закричали еще громче. Сапожник и Лес Сирл ожидали, что вот-вот прогремит выстрел: один из охранников достанет ружье и откроет огонь по их талисману. Джуди тоже почувствовала это. Пробежав возле японцев последний раз, она развернулась и покинула барак.

Никто не мог понять, откуда собака взяла череп. Можно было предположить, что она выкопала его из могилы. Лес Сирл и Казенс были уверены: она сделала это, почувствовав, что ее близким друзьям грозит смерть, и знала, что своим появлением напугает агрессоров.

Некоторые пленные сомневались, что Джуди осознанно спасла своих товарищей. Она могла прибегнуть к такой уловке просто потому, что хотела напугать конвоиров, перевоплотившись в дьявола — духа мертвой собаки. В любом случае Джуди успешно с этим справилась.

Японцы от страха едва не лишились чувств. С пепельными лицами они пробормотали что-то друг другу высокими писклявыми голосами и выбежали прочь. Инспекция закончилась тем, что мешок с рисом чудесным образом остался незамеченным.

Наступал декабрь 1942 года и их первое ужасное Рождество в застенках лагеря. Однако мужчины получили удиви-

тельную и неожиданную моральную поддержку. В офицерском бараке кто-то секретно починил радио, само существование которого являлось тайной для конвоиров. Если бы радио было найдено, военнопленные Глогора потеряли бы единственную тонкую нить, связывающую их с внешним миром, и остались бы один на один с лагерными ужасами и теми, кто их творил.

Новости распространялись по всему лагерю, но только избранные распорядились радиоприемником, чтобы не вызвать подозрений у конвоиров. Очень часто информацию озвучивали не сразу после происшедшего, а лишь тогда, когда особенно требовалось повысить в лагере моральный дух. Вот почему при подготовке к их первому Рождеству в Глогоре по его территории были распространены новости о рейде на Сен-Назер, который произошел задолго до этого.

Несколько месяцев назад британские командос осуществили один из самых рискованных и успешных рейдов в оккупированную Францию. Старый британский эсминец «Campbeltown» был начинен взрывчаткой и направлен к жизненно важному доку во французском порту Сен-Назер. В результате операции единственный док, способный принимать линкор «Тирпиц», самый мощный корабль германского военного флота, был выведен из строя до конца войны. За осуществление успешного рейда было вручено пять Викторианских Крестов. Во время его проведения было убито сто шестьдесят девять человек и ранено двести пятнадцать, по большей части из состава командос, которые бились до последнего патрона. Когда новости о великолепной операции, которая была названа «величайшим рейдом в истории», обсуждалась в Глогоре, мужчины прыгали от радости, думая, что освобождение Европы не за горами. Наконец-то британский

лев услышал их голоса! Те, кто считали себя безоговорочно побежденными, включая дерзкого английского пойнтера, вновь начали надеяться и верить.

Лес Сирл и другие сочинили «поэму» в честь Джуди. Произведение должно было воспевать того, кто олицетворял надежду, даже если ее тяжело было отыскать в своем сердце. Поэма воспевала талисман Глогора. Люди подобрали к ней подходящую мелодию и пели «Оду Джуди» по дороге на работу для поднятия настроения.

Работа не сломила нас —
Чем дальше, тем прочней.
А если Джуди нас ведет,
То мы еще сильней.

Узнав о рейде на Сен-Назер, узники начали с новой силой думать о возможности побега. Это обсуждалось бесконечно долгими месяцами заключения, но все время казалось невозможным. Покинуть лагерь было достаточно просто, но что потом? Белому мужчине будет тяжело затеряться среди местного населения. Это ведь не немецкий лагерь в Европе, где пленные могли добраться до ближайшей границы с государством-союзником.

Здесь беглецам нужно было преодолеть сотни миль Индийского океана. Для побега требовалась лодка, способная пересечь океан, а значит — довольно большие деньги, которых у них не было. Однако прежде всего военнопленные нуждались в помощи местных жителей, а те были полностью зависимы от японцев. Более того, полковник Банно, комендант лагеря, предупредил, что каждый, кто попытается бежать, будет подвергнут пыткам, а потом убит. Та же участь ожидала и потенциальных помощников.

Несмотря на это, каждый солдат союзников считал своим долгом вырваться на свободу, даже если это казалось невозможным, и новость о Сен-Назере лишь раззадорила пленных. Однако японцы решили пресечь возможность назревающего сопротивления.

Только у японцев могла зародиться идея подписать с пленными контракт, связывающий их обязательством никогда не пытаться бежать. Это была просто формальность, но она давала японцам право распоряжаться и чувствовать свою значимость. Такое соглашение шло вразрез со всеми нормами мировой юриспруденции, поэтому все в лагере были единодушны: они не будут подписывать его.

В конце 1942 года полковник Банно выстроил всех пленных в шеренгу. Те стояли перед ним, а он рвал и метал от злости, угрожая каждому. Ни один человек не согласился подписать бумаги. Тогда полковник приказал удвоить число конвоя. На пленных был нацелен заряженный автомат, с помощью которого полковник был готов положить на землю всех сразу. Но узники не изменили своего решения: они не могли перечеркнуть надежду на обретение свободы. Джу-ди, понятно, не числилась в списке пленных, ее отпечатков лап не требовалось, но она была единодушна со всеми!

В конечном итоге полковник Банно приказал британским пленным отправиться жить в голландский барак, существенно увеличив число его обитателей. Помещение было переполнено. Засовы закрылись, а потом японские стражи начали заколачивать ставни. Многим казалось, что их замуровывают в гигантском гробу.

Остаток дня и ночь прошли в адских муках, особенно когда воздух стал невыносимо спертым, а жара достигла апогея. Не было ни еды, ни места, чтобы лечь и заснуть. То же

самое повторилось и на следующий день. В условиях влажной душливой жары люди заболели малярией и дизентерией. Ничего не делалось, чтобы помочь им. Некоторые узники требовали от лидеров, чтобы те согласились подписать документ. Другие уговаривали держаться.

Следующие день и ночь прошли в таких же адских условиях. Было понятно, что комендант лагеря не собирается менять решение и пленные, похоже, тоже. Но как далеко могли зайти японцы?

Мог ли полковник Банно позволить всем пленным, включая собаку, умереть?

Глава 14

Благодаря двум обстоятельствам они выбрались из этого проклятого барака. Первое — это ультиматум, поставленный перед майором Добсоном, курировавшим британский неофицерский контингент. Японцы угрожали, что он и те его люди, кто не подпишет соглашение, будут заморены голодом и лишены воды. Второе — это советы британских и голландских докторов, которые призывали подписать документ, потому что очень вероятными в таких условиях были эпидемии дизентерии и тифа с ужасными последствиями.

Уже во второй половине дня полковнику Банно было отправлено письмо о капитуляции. Перед пленными выставили маленький столик. Один за другим узники ковыляли к нему, чтобы подписать соглашение. Но подпись, полученная под пытками, как твердили военнопленные, незаконна. Моральная победа была за ними, ведь они сопротивлялись так долго!

Джуди обезумела от восторга, вызванного освобождением из этого барака. Она носилась вокруг лагеря, вновь почувствовав вкус свободы.

Общий настрой военнопленных опять поднялся в конце ноября, когда до лагеря дошли новости: в доках Балавана пришвартовался корабль Красного Креста с посылками для них. Каждый узник гадал, какие роскошества его ждут.

Воздух был наэлектризован от предвкушения, когда пленных созвали для разгрузки неожиданных подарков. Первый грузовик подъехал в сумерках. Чувствовалось, что приближается Рождество — здесь были мясные консервы и сгущенное молоко, банки с консервированными фруктами, мешки с сахаром, бобами и какао, коробки с шоколадом и сигаретами; кроме того, здесь был и старый добрый знакомый с реки Индрагири — мармит!

Голодные узники о таком и мечтать не могли! Груз был собран британским отделением Красного Креста и отправлен из восточной Африки. Предназначен он был британским пленным. Некоторые помнили, как мало сделали голландцы, чтобы помочь британцам в Паданге, и не хотели даже находиться с ними под одной крышей. Но такое поведение было редкостью. Ведь горе многих здешних нидерландцев отягощалось тем, что их жены и дети также попали в плен, в «семейный лагерь» в Медане. Многие в Глогоре, независимо от национальности, жалели их.

Еда распределялась на всех, отложили даже для пленных «семейного лагеря». Каждый мужчина в Глогоре получил дюжину банок с консервированным мясом, несколько банок сгущенки, фрукты и другие деликатесы. Вскоре интерьер жилища пленных больше напоминал продуктовую лавку, нежели тюремную камеру. До Рождества оставалось каких-нибудь несколько недель, и мужчины размышляли, что будут делать с таким изобилием. Часть может быть съедена прямо сейчас, часть надо оставить на Рождество. Не-

которое количество пищи решено было хранить на крайний случай или для обмена.

Теперь, когда столь ценный груз был на руках, Лес Сирл, Джок Девани, Панч Панчеон и сапожник Казенс могли по-царски угостить свою «королеву» — Джуди. Однако появление вкусной еды стало также причиной неожиданного конфликта между друзьями. Это было неудивительно: для людей, испытывающих постоянное чувство голода, накопление припасов стало чем-то вроде маниакальной идеи.

Как-то вечером военнопленные прибыли в лагерь после тяжелого трудового дня. Джок Девани обнаружил, что кто-то украл у него банку мясных консервов. Он злобно глянул на аккуратную кучку продуктов Леса Сирла и заявил, что собирается их пересчитать. Он протянул руку, чтобы начать, но Лес яростно оттолкнул ее. В последующей драке вставные зубы Джока вылетели, и он нечаянно на них наступил. Послышался хруст, и протез разделился пополам.

Спор о еде был тут же забыт. Несчастный нагнулся, чтобы поднять зубы, проклиная Леса на чем свет стоит. Он метнулся к австралийскому бараку, так как ходили слухи, что там могут починить что угодно. Чуть позже он вернулся, широко улыбаясь. Протез удалось починить при помощи клейкой ленты.

Чтобы загладить конфликт, Джок угостил товарища кофе из своих запасов, и они выпили его за здоровье друг друга. После тоста Джок издал какой-то сдавленный вздох. Его лицо покраснело, он схватился за горло и стал корчиться, словно находился при смерти. Под влиянием горячего кофе клейкая лента потеряла свои свойства и застряла у него в горле, когда Джок попытался сглотнуть.

Его дыхание было восстановлено благодаря действиям сотрудника Красного Креста — Девани пришлось доставить на их корабль. И теперь у Джока были товары для обмена. В теории обмен карался суровыми побоями вплоть до убийства, в зависимости от настроения надзирателей. Но британцы достаточно хорошо отладили тайную систему, поэтому обмен процветал и был безопасен. В казармах имелись душевая и туалет со смывом в виде узкого желоба, ведущего наружу. Через это отверстие и происходил бартер.

Схема требовала абсолютного доверия между военнопленными, в противном случае они никогда не провернули бы ни одной сделки. Но обещания выполнялись, и обмен совершался без какого-либо мошенничества. Главной опасностью при таких сделках оставалось наличие конвойных, поэтому нужно было проявлять крайнюю осторожность. Все организовывалось в два этапа. На первом важны были глаза и уши Джуди, которая всегда лаяла, предупреждая, если на пороге хижины появлялся надзиратель. Вторым звеном был наблюдатель: когда Джуди лаяла, человек подавал знак — включал красную лампочку.

Посылка от Красного Креста возродила практику обмена, и японцы уже привыкли, что перед каждым их приходом раздается крик: «Красная лампа!» Один из них, более дружелюбный, даже сам таким возгласом предупреждал о своем появлении.

25 декабря 1942 года мужчины Глогора встретили свое первое Рождество в плену. Оказалось, что те, кто кричали: «Увидимся дома на Рождество!», жестоко ошибались. В лагере полным ходом шла подготовка к предстоящему празднику, который стал возможным благодаря Красному Кресту.

Полковник Банно неохотно, но все же согласился на проведение «языческого действия», в честь которого был объявлен выходной, и даже достал откуда-то бочонок портвейна по такому случаю.

В рождественское утро пленники распевали веселые британские песни, голландцы и австралийцы упражнялись в исполнении гимнов стран друг друга. К мероприятию присоединились повара Красного Креста, которые приготовили потрясающие яства вместо обычного риса. К столу были поданы стейк, молодой картофель, бобы и соевый соус. Несмотря на то что Джуди официально не являлась узницей лагеря, она тоже была приглашена, для нее выставили отдельную тарелку.

После пира последовало представление: ставили пантомиму по мотивам сказки «Белоснежка и семь гномов», которая высмеивала тюремную жизнь. Японские офицеры и остальные надзиратели также составляли часть аудитории. Представление им нравилось, они громко смеялись, хотя похоже было, что они не понимают, о чем идет речь. А речь-то шла о них. Во время исполнения непристойных песен Джуди, как и следовало в таких случаях живому талисману, поднимала голову и громко подвывала в такт. Так же она поступала в «Клубе сильных духом» в те дни, когда они патрулировали Янцзы на военном корабле.

Когда все уже было спето и высмеяно, начались поздравления с Рождеством. Они звучали горько и отчаянно, ведь даже торжество с приличной едой и веселыми песнями не могло отодвинуть на второй план ужас происходящего — долгое пребывание в плену без родных и близких, дикую тоску по дому... Все с нетерпением ждали конца 1942-го в надежде, что новый год принесет перелом в ходе войны

и победу союзников. Узники не расставались с мечтой добиться вскоре свободы и покинуть лагерь.

На деле же 1943-й станет для них годом, когда всем, в том числе и друзьям Джуди, придется прочувствовать на себе леденящее дуновение смерти.

Японцы решили начать новый год тяжелейшей трудовой кампанией, строительством того, что впоследствии получит название «Гора белых». Они издали приказ о постройке пленными храма на горе.

Работа началась с расчистки табачной плантации, после чего рабочие, как мифический Геракл, получили задание — собственноручно возвести на этом месте гору. Несколько недель пятьдесят мужчин кропотливо трудились, чтобы с помощью одних лишь резаков и парангов (местная разновидность мачете) расчистить место от растительности. С заходом солнца появлялись тучи moskitov, гигантских муравьев и других насекомых, которые не щадили полуголых заключенных.

Кроме того, за каждым кустом могла поджидать настоящая опасность, например появление хозяина суматранских вод — гигантской ящерицы. Они были такими же большими, как крокодилы, но выглядели как мифические китайские драконы, от которых ничто не может скрыться. Джуди никогда прежде их не видела, тем не менее при первой встрече это не остановило ее. Яростный лай напугал ящерицу, и она зарылась в песок в поисках безопасного места.

Несмотря на свои размеры и кажущуюся неповоротливость, такие ящерицы могут передвигаться удивительно быстро, но не так быстро, как собака из Глогора. Когда Джуди вцепилась в ее хвост, та начала шипеть и брызгать слюной. Через добрый час безостановочного преследования ящери-

ца выдохлась. Несмотря на ужасный доисторический вид, ящерицы были съедобны и на вкус напоминали цыпленка со слабым рыбным привкусом.

Когда площадь была очищена от растительности, весь «мусор» подожгли. Затем надо было просеять землю вручную, очистив ее от корней и семян растительности. Шла упорная работа, надзиратели использовали рабский труд пленных, пока территория не превратилась в подобие пашни. Дальше землю следовало выровнять, и только после этого можно было начинать строительство.

Возведение храма на горе выматывало как физически, так и морально. Это была самая тяжелая из всех работ, к которым когда-либо привлекались пленные. Тонны земли следовало переместить, чтобы сформировать холм, и единственным возможным способом сделать это было носить на себе жердь с двумя плетеными корзинами, полными земли.

Ноги не шли под тяжестью веса, жердь натирала плечи, болели кости, работа становилась невыносимой. Но хуже всего было присутствие надзирателей, готовых выстрелить в тебя, если ты споткнулся или перестал идти. Японцы требовали, чтобы корзины наполнялись до краев, не принимая во внимание, что тощие оборванцы перед ними едва могли оторвать груз от земли, не то что тащить его, не шатаясь, до проклятого склона. Чем выше рос холм, тем более скользкими от грязи становились его утрамбованные под тяжестью людей и их груза склоны.

Строительство Горы белых близилось к завершению, а условия жизни в Глогоре с каждым днем все ухудшались. Когда на холме уже был воздвигнут храм, украшенный резным драконом, который извивался над входом в обитель духов

предков, жестокие условия и недостаток питания сделали свое дело — среди пленных появились первые жертвы.

Гора и храм на ней росли, а порции рабочих (рисовая жижа), наоборот, уменьшались. Но даже этот скудный паек не был гарантирован. Его получали только рабочие бригады. Тем же, кто был слишком слаб и потому имел «легкие обязанности», выдавали лишь половину пайка. Ну а те, кто были совсем больны и не могли работать, еды практически не получали. Им суждено было и дальше слабеть от голода.

В ежедневную рисовую пайку надо было добавлять что-то еще, иначе узники, адски работающие на возведении Горы белых, начали бы умирать.

Японцы, отказавшись от использования на Суматре нидерландской монетной системы, пустили в оборот суматранский, или японский, доллар, который за последнее время резко упал в цене.

Пленным за их труд платили несколько центов в день. Это скудное жалование они могли потратить на покупку пары яиц или горки овощей. Но когда фортуна на войне начала отворачиваться от имперской Японии, ценность этих нескольких грошей еще больше упала. Ближе к окончанию строительства на свою двухнедельную зарплату военнопленные могли позволить себе купить одно яйцо. Это было жесточайшее время. Казалось, узников ожидало лишь два варианта развития событий — либо болезнь, либо и вовсе смерть.

Слабый от голода, Казенс был сражен болезнью. Щедрый покровитель Джуди, который тайком подкармливал ее кусочками кожи, украденными из-под носа японцев, попал в госпиталь. Здесь к нему часто заходил его четвероногий компаньон, но болезнь прогрессировала. И Казенс умер.

Неоднократно сапожник рисковал жизнью ради Джуди, и они успели сильно привязаться друг к другу. Его смерть шокировала ее, собака стала часто приходить на то место под крышей, где сапожник любил работать. Она долго сидела в тишине, положив голову на вытянутые передние лапы. В ее глазах стояла глубокая печаль, так как уже который по счету защитник покинул ее в тот момент, когда больше всего был ей нужен.

После очередной утраты Джуди начала поиски нового компаньона, который стал бы ей так же близок.

Потерпев крушение в Берхала за час до гибели «Стрекозы» и «Кузнечика», рядовой авиации Фрэнк Джордж Уильямс проделал тот же путь до Глогора, что и приятели Джуди. От тропического необитаемого острова он добирался на тонгканге, шлюпке, грузовике, военном самолете... Он пытался избежать японского плена, но все же после короткой остановки в Паданге оказался в Глогоре.

Уильямс обладал запоминающимся негромким голосом и был по своему талантливым. Однако мальчишечий облик высоченного парня заставлял усомниться в его мудрости и многоопытности. Он был одним из шестерых братьев и сестер в семье. Когда ему было девять лет, умер его отец, и жизнь стала намного тяжелее. Паренек два года копил деньги, чтобы купить себе велосипед. Это упорство в достижении цели было семейным качеством. После того как ему исполнилось шестнадцать, он поступил в военно-морской флот на торговое судно, что было опасной и рискованной работой. Однако его привлекала возможность побывать в различных уголках земного шара.

Ему исполнилось двадцать, когда началась война. Он попал на службу в Королевские военно-воздушные силы

Великобритании, оказался в Сингапуре, сражался с японцами. Уступая японцам по численности и в вооружении, команда британских летчиков билась до самого конца. Однако после падения Сингапура многие были взяты в плен. Среди них оказался и Фрэнк Уильямс.

Он был великодушен и очень любил животных. Возможно, Фрэнк не был самым запоминающимся в Глогоре и уж точно не был самым разговорчивым, но зато он имел чрезвычайно доброе и преданное сердце. Возможно, поэтому Джуди выбрала его.

Фрэнк сидел в казарме на корточках, глядя на свой скудный рисовый паек, когда почувствовал, что на него уставилась пара глаз. Он обернулся и увидел, что на него смотрит собака. Некоторое время они рассматривали друг друга, потом Джуди подалась вперед. Она шла медленно и осторожно, как будто опасаясь реакции незнакомца, выигрывая время. Но по движениям ее тонкого хвоста уже можно было догадаться о ее расположении. В следующий миг она с любовью заглянула в его умные темные глаза.

Фрэнк заметил, как собака худа, но даже сейчас было видно, что это красивый английский пойнтер. Джуди вновь жалостливо взглянула на его банку. Содержимое выглядело и пахло отвратительно, но каждый пленный во время обеда решал всегда один и тот же вопрос: есть или умереть. У всех были одинаковые порции, поэтому каждый поглощал свою самостоятельно, а потом уже смотрел, есть ли кто-то, кто не доел.

Недолго думая, мужчина выложил солидную порцию варева из банки себе в ладонь и протянул руку Джуди. Ее глаза смотрели на предложенную пищу, но она не двигалась. Через несколько секунд собака издала низкий печальный

вой, по-прежнему находясь на том же месте. Взгляд бегал от порции риса к лицу Фрэнка и обратно. Было очевидно, что она нуждается в подбадривании, в каком-то знаке, подтверждении, что человек не пытается ее обмануть и у него только дружеские намерения.

За год или более лагерной жизни Джуди приучила себя относиться к людям настороженно и с подозрением, не показывая своего геройства. Фрэнк понял это. Поставив банку на пол, он подошел и почесал ее за ухом.

— Все хорошо. Все хорошо, — заверил он мягко. — Не робей.

Только теперь Джуди расслабилась и начала сосредоточенно есть. Фрэнк понятия не имел, делился ли кто-нибудь с ней до этого. Но он определенно был первым *незнакомцем*, сделавшим это, и тем самым сразу зарекомендовал себя как товарищ. Тогда они еще не знали, что станут настоящими друзьями.

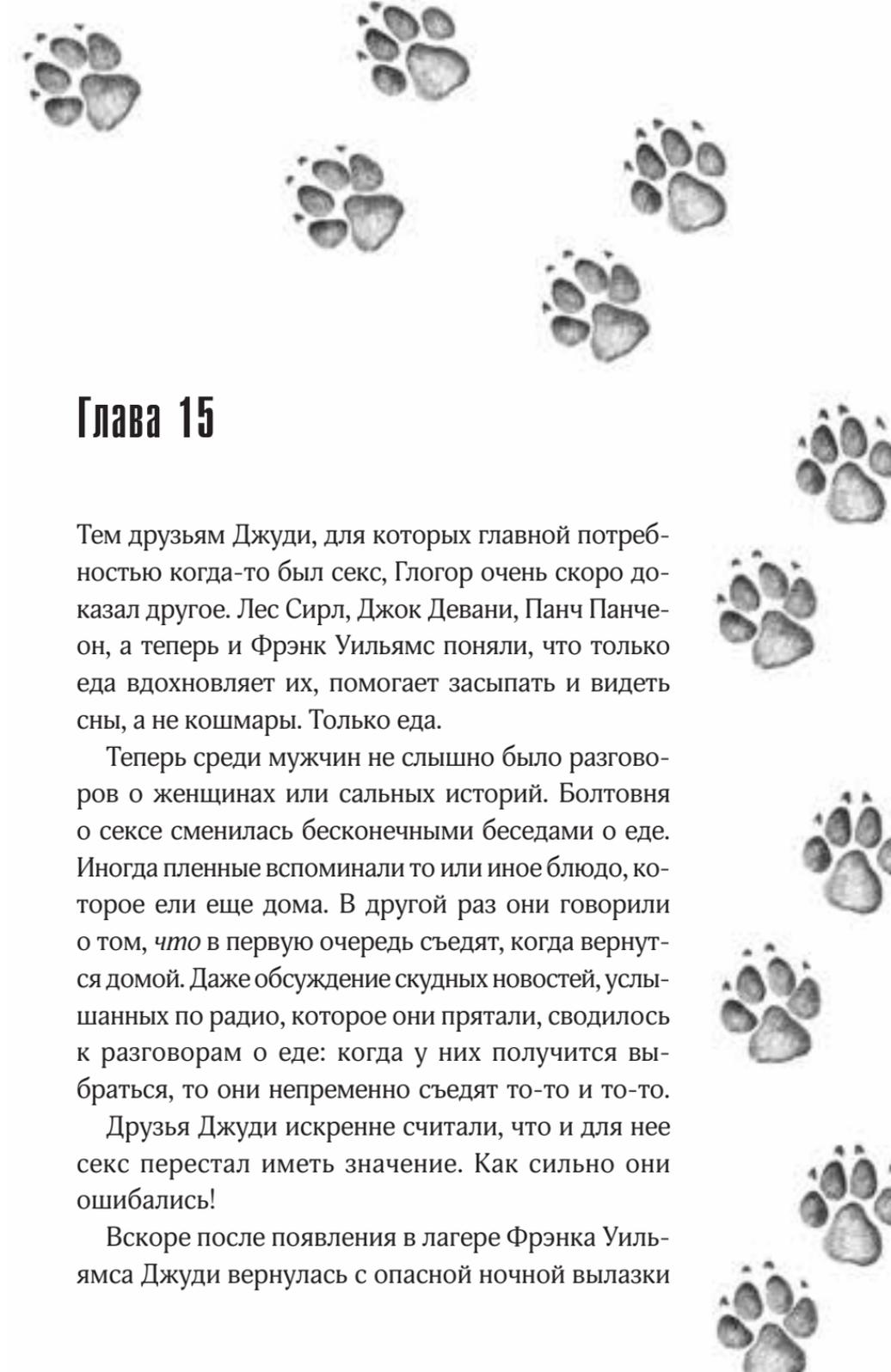
Практически с первой встречи Фрэнк показал, что имеет едва ли не волшебное влияние на Джуди. Молодой англичанин то и дело нашептывал ей какие-то приказания, а она выглядела так, словно понимала каждое слово. Он обучил ее выполнению разных команд. Например, Джуди научилась приносить ему фрукты, которые японцы оставляли на могилах своих умерших, с кладбища, находящегося сразу за лагерем.

Японцы исповедовали две формы религии, которые сосуществовали бок о бок: синтоизм — древняя анимистическая религия, которая базировалась на поклонении природе, и более известная — буддизм. Но пленные, умирающие от голода, не вникали в тонкости религиозных обычаев, считая, что свежие фрукты однозначно нужнее тем, кто пока еще жив.

Фрэнк и его друзья долго не колебались. Когда ситуация с пропитанием ухудшилась, рискованные набеги Джуди стали просто необходимыми для выживания и людей, и собаки. Но каждый раз она рисковала оказаться схваченной конвоирами, чьи порции, кстати сказать, не намного отличались от пайки заключенных.

И очень скоро очередная вылазка Джуди привела ее к смертельной опасности.

Но опасность явилась с весьма неожиданной стороны.

Глава 15

Тем друзьям Джуди, для которых главной потребностью когда-то был секс, Глогор очень скоро доказал другое. Лес Сирл, Джок Девани, Панч Панчон, а теперь и Фрэнк Уильямс поняли, что только еда вдохновляет их, помогает засыпать и видеть сны, а не кошмары. Только еда.

Теперь среди мужчин не слышно было разговоров о женщинах или сальных историй. Болтовня о сексе сменилась бесконечными беседами о еде. Иногда пленные вспоминали то или иное блюдо, которое ели еще дома. В другой раз они говорили о том, *что* в первую очередь съедят, когда вернуться домой. Даже обсуждение скудных новостей, услышанных по радио, которое они прятали, сводилось к разговорам о еде: когда у них получится выбраться, то они непременно съедят то-то и то-то.

Друзья Джуди искренне считали, что и для нее секс перестал иметь значение. Как сильно они ошибались!

Вскоре после появления в лагере Фрэнка Уильямса Джуди вернулась с опасной ночной вылазки

с новостью: она была беременна. Поначалу никто не мог в это поверить. Как это могло случиться? Все собаки в этом районе должны были быть съедены давным-давно. Мужчины шутили, что она может привести потомство от тигра или даже козла.

Но шутки шутками, а с этим была связана серьезная опасность. Чем толще будет становиться Джуди, тем лучше ей надо будет питаться, ведь внутри у нее — голодное потомство. Для Фрэнка и его друзей раздобыть пищу даже для себя было серьезной проблемой, а теперь еще и собаку надо было кормить усиленно. Больше всего они волновались о том, что она станет толстой и неповоротливой, а значит, еще более желанной добычей для японских и корейских конвоиров, не говоря уже о простых местных жителях.

Друзья запретили Джуди покидать лагерь и вообще находиться вне своей компании. Ежедневно ей полагалась баночка консервов, любезно предоставленная Красным Крестом специально для нее. С каждым днем она становилась все толще. Когда рождение щенков стало делом обозримого будущего, Фрэнк Уильямс нашел возможным надлежащим образом принять роды у талисмана Глогора.

В присутствии доктора Кирквуда, одного из британских военных врачей, и команды голландских медиков, Джуди родила девятерых щенят. На четыре меньше, чем при первых родах на «Моските». Эти щенки не были чистокровными, но кого это волновало? Для подобных условий все прошло как нельзя лучше. Когда Джуди вылизала детенышей и пододвинула их к груди, оказалось, что четверо из них, увы, слишком слабы. Остальные пятеро были в полном порядке.

Итак, несмотря на все трудности, Джуди стала гордой матерью пятерых слепых, озорных, вечно голодных и пушистых

шариков. На диете, состоящей из мясных консервов и сгущенки, подарков от Красного Креста, щенки Джуди росли здоровыми и крепкими. Пять комков шерсти уже начали путешествовать по британской казарме, забавляя пленных. Куда бы ни забредали, они везде создавали хаос и разорение. Сейчас они были пухленькими и неудержимыми, какими и должны быть щенки. И Фрэнк решил воплотить в жизнь свой план.

Джуди никогда не умела сдерживать гнев и раздражение по отношению к корейским и японским конвоирам. Недавно она пряталась от одного из них: ей показалось, что он угрожал ее щенкам. Но по неведомым причинам собака сдержанно относилась к полковнику Банно. Фактически все это время их отношения были враждебными лишь формально, из чего Фрэнк сделал вывод, что полковник является тайным любителем собак.

Больше всего полковник любил доставать клинок и грозить им Джуди, заставляя ее лаять и рычать, после чего начинал смеяться. Для него это было своеобразным соревнованием. Фрэнк также знал, что у Банно есть особый друг в Глогоре — молодая и красивая девушка из местных. И он отметил, что девушка полковника равнодушна к Джуди. Находясь поблизости, она часто звала нараспев: «Джуди, ко мне!» Это были едва ли не единственные английские слова, которые знала девушка.

Однажды вечером, будучи уверенным, что полковник Банно выпивает в одиночестве, Фрэнк положил в корзину самого непослушного щенка и пошел к домику полковника. Пленные не любили туда ходить, а если приходилось, то им было тревожно. Совсем недавно полковник с невероятной жестокостью избил одного из подчиненных.

Он отдыхал в компании офицеров и заказал себе и другим чай. Легкой походкой к нему вошел человек, держа на одной руке чайный поднос. Человек наклонился так низко, что его голова едва не коснулась ковра, — при этом чай не разлился. Его лицо закрывала льняная маска, чтобы микробы не распространялись вокруг его начальника. Подав чай, человек развернулся и пошел к выходу, но споткнулся о начищенный до блеска сапог офицера.

Не успел слуга извиниться, как в его пах угодила нога в сапоге. В полной тишине человек корчился от боли. Присутствующие офицеры ухмылялись и кивали головой в знак одобрения, а хозяин отполированных сапог подошел ближе к несчастному и продолжил наносить удары как бы автоматически. Когда дело было сделано, полковник Банно улыбнулся своему окружению и быстро распорядился, чтобы окровавленное тело (человек потерял сознание) удалили с глаз долой.

Вот на эту территорию сейчас собирался ступить с благими намерениями узник лагеря для военнопленных Фрэнк Уильямс. Он не мог недооценивать степень опасности. Часто пленные, которые имели наглость подойти к лагерю конвоя, подвергались пыткам и могли быть отправлены в клетку.

Но по плану содержимое корзины должно было смягчить сердце полковника. Фрэнк положил крошечного щенка на стол перед собой, и полковник стал наблюдать за блуждающим по столу маленьким существом с таким же вниманием, с каким наблюдал за поведением его матери, дразня ее мечом. Остановившись, щенок высунул розовый язык и несколько раз лизнул руку Банно.

Стараясь избежать дрожи в голосе, Фрэнк объяснил, что это подарок для девушки полковника. Тот кивнул и доволь-

но улыбнулся. Это была прекрасная идея. Воспользовавшись случаем, Фрэнк спросил, может ли мать щенка считаться официальным узником лагеря. Она была талисманом корабля Королевского флота, служила наравне со всеми в рядах вооруженных сил Ее Величества, поэтому заслужила это.

Полковник некоторое время взвешивал услышанное в уме. Он не мог найти причины для отказа. Фрэнк, конечно, серьезно рисковал, но все же отчаялся на эту авантюру. Если бы к его персональному номеру добавили букву «А», то Джуди могла бы получить номер — узник «81А». В этом случае все были бы довольны — и мать щенка, и девушка полковника. И даже сам Банно мог бы быть счастлив. Если бы умел.

Полковник некоторое время вертел щенка, его руки утопали в шерсти малыша. Ему определенно нравилось возиться с ним. Щенок протопал через весь стол к тому месту, где лежала подушка для локтя. И уместился там. А Джуди получила свой номер в лагере для военнопленных. Все получилось так, как и хотел Фрэнк.

Как только полковник подписал официальное разрешение, у Фрэнка отлегло от сердца. Он безумно переживал и не ушел, пока подпись не была поставлена. После того как полковник отправил его, Фрэнк бегом помчался к своим.

Не обращая внимания на крики и ругательства конвоиров, Фрэнк старался поскорее покинуть территорию японцев, пока щенок не сделал лужицу. На следующее утро Джуди уже забавлялась металлическим значком, прицепленным друзьями к ошейнику для ее же собственной безопасности. Значок вырезали из жестяной банки. На нем было выгравировано: «Узник 81А-Медан».

Новости о «повышении» Джуди стремительно разносились по лагерю. Как и ее малышня. После ухода Киша

(именно он достался зазнобе полковника Банно) оставшаяся четверка — Шейки, Блэки, Ройок и Панч — продолжала куролесить, каждый раз выдумывая что-то новое и по глупости попадая в разного рода передраги. Для их матери было слишком тяжело постоянно смотреть за ними. К счастью, какая-то женщина в семейном лагере услышала о щенках. Оттуда с торговкой фруктами пришло письмо, спрятанное в ее корзине. Там было написано: «Можно ли нам взять одного из ваших щенков?»

Как можно отказать в такой просьбе? Тем более что в мужском лагере с ужасом представляли, какую жизнь ведут в плену голландки и их дети. Лес Сирл сказал, что Шейки — самый красивый из четырех щенков, поэтому отправить лучше всего его. Когда молодая торговка вновь пришла к ним, рядом с фруктами на дне ее корзины уже было подготовлено место для щенка. Шейки был уложен спать (после крошечной дозы хлороформа, любезно предоставленного доктором Кирквудом), укутан в тряпки и прикрыт несколькими связками бананов. Девушка водрузила корзину себе на голову и пошла прочь. Рискавя быть подверженной пыткам, она все-таки вынесла Шейки из Глогора и отправилась в семейный лагерь. Проснувшись после медицинского сна в новом доме, Шейки тут же принялся веселить пленных детей.

По мере того как три оставшихся щенка становились все больше и крепче, кормить их и контролировать становилось все труднее. Следующим суждено было уйти Ройоку. Он был передан через дыру в заборе шведским сотрудникам Красного Креста, который базировался в Медане, в знак благодарности за пищевой паек.

Блэки, одного из двух оставшихся щенков, ожидала печальная судьба. Он был самым любопытным и обладал пре-

красным нюхом — качества, которые, несомненно, достались ему от мамы. Как-то ночью Блэки отправился за пределы казармы по своим неведомым делам и наткнулся на пьяного корейского конвоира, который забил щенка до смерти. Корейцы вообще напоминали избалованных детей и отличались спонтанной жестокостью. Особенно это проявлялось, когда они были пьяны.

Бедный Блэки просто оказался не в то время не в том месте.

В последние недели поведение конвоиров несомненно изменилось в худшую сторону. Многие связывали это с тем фактом, что на войне не все складывалось по сценарию имперской Японии. До этого надзиратели месяцами хвастались вторжением в Индию. Огромная карта Индии висела на окне. На ней стрелочками было отмечено движение японских войск. Но сейчас, спустя несколько недель, эта линия замерла в районе местечка Кохима, на дороге к Импхалу, возле восточной границы.

О Кохимской битве станет повсеместно известно как о «Восточном Сталинграде». С 3-го по 16-е апреля 1944 года японцы пытались захватить Кохимский хребет, возвышающийся над дорогой, по которой поступало снабжение противника. Крошечные силы в Кохиме отражали атаки, пока к середине апреля осада не была преодолена. Британские и индийские войска вынудили японцев отойти от завоеванных ими позиций, выбили их с дороги и из Импхала. До этого Импхал был обозначен на карте в Глогоре японским флагом, а до индийской столицы Дели оставалось всего несколько пунктов. Последующие недели положение оставалось прежним, а затем карту сняли. Больше она не появлялась.

Пленные Глогора еще не могли знать, что поражение под Импхалом станет для японцев решающим. Отсюда великолепная 14-я армия генерала Уильяма «Билла» Слива, состоявшая из людей самых разных национальностей, говорящая на различных языках, объединенная борьбой против японцев и известная как «забытая армия», будет гнать японские силы вплоть до самой Бирмы и далее.

На линии фронта настроение сменялось позитивным, а в лагере для военнопленных по-прежнему не было поводов для радости.

Во второй половине июня 1944 года полковник Банно покинул Глогор, и на смену ему пришел новый комендант лагеря — капитан Нисси. Момент смены власти стал черным днем для всех. В первое же утро на своей новой должности Нисси приказал всем пленным построиться. И когда он сказал «все», он и имел в виду всех — не имело значения, болен ли человек, ранен или вообще умирает.

Тех, кто был не в состоянии стоять самостоятельно, поддерживали товарищи. Вынесены на площадку были даже те, кто не могли встать и лежали на носилках, а также те, кто находились при смерти. Капитан Нисси стоял в центре перед строем как повелитель. Его трость постукивала по голенищам длинных кожаных сапог, пока он рассматривал жалкую толпу людей, которые спотыкались, сбивались в кучу и явно нуждались в помощи.

Нисси буравил взглядом изнуренных военнопленных, и вдруг его трость замерла на месте. Он заметил Фрэнка Уильямса, а рядом с ним... что-то четвероногое. Его глаза сверкнули и с изумлением уставились на собаку, которая как ни в чем не бывало сидела среди этих заключенных так,

словно была одной из них. Собака? Собака! Какого дьявола псина делает в этом строю?

Капитан Нисси медленно, какой-то хищной походкой приблизился к человеку с собакой. Его лицо потемнело от ярости, а рука поползла к торчащему из ножен мечу. У Фрэнка едва сердце не выпрыгнуло из груди. Рядом сидела тощая Джуди, которая все еще восстанавливалась после родов и вскармливания. Глядя на приближающегося японца, она слегка задрожала, затем оскалилась и глухо зарычала.

Капитан Нисси остановился.

Напряжение нарастало.

Никто не произносил ни звука — ни заключенные, ни охрана.

Фрэнку показалось, что он стоит на краю пропасти. Если капитану дать шанс заговорить первым, он прикажет сделать с Джуди что-то страшное, и приказ будет выполнен. Нельзя позволить этому случиться.

Дрожащей рукой он полез в карман поношенных шорт и достал клочок бумаги, который оставил ему полковник Банно — официальное разрешение на пребывание Джуди в лагере. Показывая одной рукой на собаку, он держал бумагу в другой руке так, чтобы было видно витиеватую подпись полковника. Капитан уставился на листок, а затем схватил его из рук Уильямса.

Пока он читал текст, вокруг него собрались подчиненные, что-то ему говорили и указывали на собаку. Он почесал голову и несколько раз взглянул на надзирателей. Каким бы невероятным это ни казалось, но записку написал сам полковник Банно. Этим он даровал собаке вождеденный статус. Указ полковника капитан нарушить не мог.

С этого момента Джуди перестала быть мишенью, ведь оказалось, что она находится здесь вполне легально. Поэтому Нисси обратил внимание на мужчин. Каждый из них отправлялся на принудительный смертельно тяжелый труд. Конвоирам был отдан приказ увеличить продолжительность рабочих смен и доложить о результатах. Капитан Нисси, похоже, решил замучить людей до смерти в рекордно короткое время, и вскоре пленные действительно начали умирать как мухи.

День второй при новой власти был еще хуже, чем первый, и если бы пришлось поддерживать такой ритм, то госпиталь уже вскоре заполнился бы под завязку. Но на третий день на рассвете всех пленных опять собрали, и они услышали новый приказ капитана Нисси:

— Все пленные должны быть отправлены в Сингапур.

Эта новость стала для всех сюрпризом, причем приятным — толпа с трудом сдерживала свое приподнятое настроение. Сингапур... Это был суматошный мегаполис, особенно в сравнении с островом Суматра, покрытым джунглями, где пленные работали в полнейшей изоляции. Сингапур. Тут было проще узнать новости извне, в первую очередь о том, как идет война в Европе. Сингапур! Скорее всего, там с ними будут обращаться лучше, и еды там должно быть больше, и будут письма из дома...

У них не было возможности оспорить приказ, но, так или иначе, казалось, что где угодно будет лучше, чем здесь. Лес Сирл вытирал пот со лба раненого, лежащего на носилках перед ним.

— Не унывай, парень, — прошептал он. — Скоро мы будем далеко отсюда.

В этот вечер в казарме царила небывалая активность: узники упаковывали свои скромные вещи, готовясь к отправ-

ке. К каждому бараку был приставлен конвоир, следивший за тем, чтобы все было готово к раннему утру.

Фрэнк Уильямса выделили особо. Капитан Нисси собственной персоной подошел, чтобы перекинуться парой слов с защитником Джуди. Комендант кратко сообщил свои директивы. Он настаивал на том, что собака не может отправиться с ними в Сингапур. Если она — талисман Глогора, то и должна остаться здесь.

Капитан ушел, а Фрэнк несколько минут переваривал эту новость. Его трясло. Он сел в углу казармы, Джуди находилась у его ног. Фрэнк пытался думать. Он слушается приказа и заберет Джуди с собой. Она должна быть со своей настоящей семьей. Он знал, что может положиться на Леса Сирла, Джока Девани и других, но сам, конечно, рисковал больше всех.

Фрэнк посмотрел на собаку. Он не мог ожидать от других самопожертвования ради Джуди: послушаться приказа капитана Нисси значило подвергнуть угрозе свою жизнь. Японцы, а особенно новый начальник лагеря, рьяно следили за выполнением приказов — не хотели ударить в грязь лицом. Если план Фрэнка осуществится, все узнают, что кто-то из пленных посмел послушаться приказа капитана. «Ударить в грязь лицом» в данном случае означало подвергнуться неминуемому наказанию.

Но Фрэнк был совершенно уверен: куда бы он ни отправлялся, его собака должна быть при нем. Не имело значения, кто здесь отдает приказы, — он их не выполнит. И мужчина, и собака этой ночью почти не спали. Они провели много часов, разучивая новый трюк.

Почти до самого утра под крики недовольных, которые не могли заснуть, Фрэнк обучал Джуди по его команде

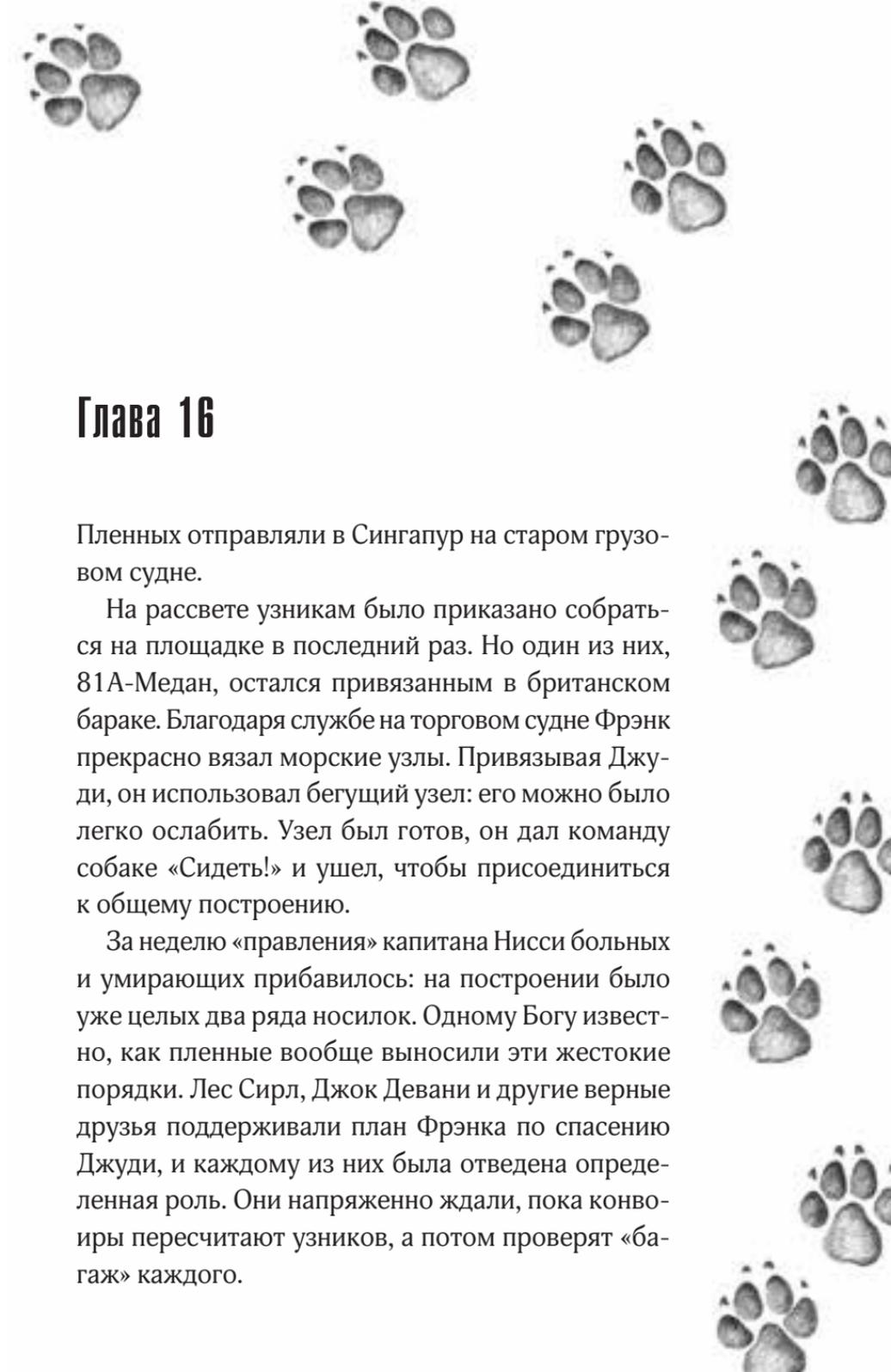
забираться в мешок. Когда она научилась этому, Фрэнк заставил ее запрыгивать в мешок и выпрыгивать из него по щелчку пальцев.

Независимо от породы, лучше всего собаки обучаются, когда за выполненный трюк получают что-то вкусное. Фрэнку нечего было предложить Джуди, поэтому она трудилась в долг.

К первым лучам солнца, проникшим через крышу казармы, Джуди была прекрасно обучена новому трюку. Она еще не понимала, зачем ей это нужно, но полностью доверяла своему учителю.

Сейчас ее жизнь зависела от этого тонкого умения.

Все, что им оставалось, — ждать и надеяться.

Глава 16

Пленных отправляли в Сингапур на старом грузовом судне.

На рассвете узникам было приказано собраться на площадке в последний раз. Но один из них, 81А-Медан, остался привязанным в британском бараке. Благодаря службе на торговом судне Фрэнк прекрасно вязал морские узлы. Привязывая Джуди, он использовал бегущий узел: его можно было легко ослабить. Узел был готов, он дал команду собаке «Сидеть!» и ушел, чтобы присоединиться к общему построению.

За неделю «правления» капитана Нисси больных и умирающих прибавилось: на построении было уже целых два ряда носилок. Одному Богу известно, как пленные вообще выносили эти жестокие порядки. Лес Сирл, Джок Девани и другие верные друзья поддерживали план Фрэнка по спасению Джуди, и каждому из них была отведена определенная роль. Они напряженно ждали, пока конвоиры пересчитают узников, а потом проверят «багаж» каждого.

В этот решающий момент у Фрэнка был с собой довольно объемный мешок, хотя, по правде говоря, он взял с собой минимум из того, что мог. Внутри лежало старое одеяло — именно оно придавало мешку соответствующую форму. Тот казался стороннему наблюдателю просто набитым. Конвоиры остались довольны проверкой и доложили капитану Нисси, что все в порядке.

Капитан отдал приказ отправляться в путь.

В последний раз для этих пленных открылись ворота лагеря. Первыми на импровизированных носилках торопливо несли раненых из госпиталя. Они напоминали скелеты, обтянутые кожей, их будто пронесли в ворота, распахнутые для них самой смертью. Все они были некогда сильными и здоровыми мужчинами. Часть из них была замучена адским трудом, другие — тропическими болезнями, некоторые — голодом.

Те, кто еще стояли на ногах, несмотря на то что условия жизни в Глогоре были далеки от нормальных, наблюдали за этой процессией в мрачной тишине. Пока люди были заняты на тяжелых работах, у них не хватало сил заглядывать в хижину, где располагался госпиталь. Однако сейчас все стало понятно. Мужчины кусали губы и сжимали кулаки, чтобы подавить в себе желание воздать по заслугам тому, кто сделал это с людьми. Но если кто-нибудь попытался бы возразить, то немедленно был бы убит или отправлен в Кемпей-тай, что было значительно хуже смерти.

Кемпей-тай — это японский эквивалент гестапо. Среди участников процессии были такие, кто побывал в его лапах. В основном это были голландские офицеры, которых допрашивали и пытали немислимыми способами, стремясь выведать тайную военную информацию. Они возвращались

в Глогор уже искалеченными, причем не только физически, но и психически, что гораздо страшнее. Они спотыкались на ходу, словно зомби, потерявшиеся в этом безумном мире.

Когда колонна двинулась, Фрэнк занял место в самом конце, в числе тех, кто был в состоянии идти. В тот момент, когда они «проползали» через ворота, Фрэнк слабо свистнул: так он подал сигнал Джуди присоединиться к ним. Пока колонна продвигалась к железнодорожной станции (они должны были добираться до моря поездом), он искал собаку глазами, но ее нигде не было.

Фрэнк заволновался: он подумал, что завязал узел слишком туго. Но что он мог сделать? Можно было ринуться назад к ней, но тогда обнаружили бы и его, и Джуди. Вопросов было бы не избежать. Поэтому он просто шел в шеренге к поезду, но его глаза везде высматривали Джуди.

И вот наконец он заметил ее — влажный черный нос, пара искрящихся глаз — это все, что было видно... под вагоном поезда. Он опустился на одно колено, и группа мужчин сразу обступила его, намереваясь скрыть происходящее от посторонних глаз. Фрэнк выкинул из мешка одеяло, помянул Джуди из укрытия и предложил ей запрыгнуть в пустой мешок.

Одеяло было уложено сверху, чтобы лучше скрыть собаку. Фрэнк забросил мешок на плечо и побрел к своему составу. Теперь, когда Джуди была спрятана, путешествие казалось более приятным. Британские и австралийские пленные радовались отъезду из Глогора, но, конечно же, их будущее было неопределенным. А вот для голландских узников этот тревожный отъезд был скорее пыткой. Минувя семейный лагерь, они не скрывали слез и судорожно махали в окно платками.

Состав уже подбирался к гавани, сильно трясясь и скрипя при торможении. Пришло время проверить реальность плана Фрэнка. Он достал Джуди из мешка, и она тут же помчалась что есть силы в укрытие под вагонами, чтобы успеть до остановки поезда.

Мужчины были построены по рангам, так как японцы вновь устроили проверку, чтобы убедиться, что никто не берет ничего запрещенного. Узники рассматривали стоящий перед ними корабль с некоторым волнением. Название корабля «Van Waerwijck» было закрашено и заменено на японское — «Harukiku Maru». Высокая серая палуба была заметно источена ржавчиной и покрыта пылью.

Голландское судно «Van Waerwijck» было построено в 1910 году как пассажирский теплоход, но с начала войны Голландский Королевский флот стал использовать его для своих нужд, а потом потерял в районе Танджун Приок, пытаясь предотвратить вторжение японцев на остров Ява. Когда японцы победоносно высадились на острове, они забрали корабль, отремонтировали его и оставили себе в качестве транспортного судна. Это был самый большой корабль, который пленные когда-либо видели в порту Белаван.

Казалось, что подсчет узников и досмотр их вещей будут длиться вечно. Когда мешок Фрэнка был досмотрен, он вновь свистнул. Джуди успешно выпрыгнула из укрытия и слилась с человеческой толпой, ища Фрэнка.

Ее тяжело было заметить окружающим — так быстро она сновала между ними. Не теряя ни секунды, Фрэнк вновь раскрыл мешок — и уже через мгновение Джуди сидела в нем на плече друга. Все шло хорошо. Мужчины начали двигаться в сторону главной палубы судна «Van Waerwijck». Плен-

ные были разделены на две группы: офицеры и раненые двигались впереди, остальные за ними.

Около семисот пленных собралось на пристани для погрузки. Процесс мог занять уйму времени, особенно если учесть наличие большого количества раненых. Пот лился с людей градом под полуденным солнцем, беспощадно палящим с безоблачного суматранского неба. Фрэнк чувствовал слабость в руках, но ни один мускул не дрогнул на его лице, несмотря на то что мешок был увесистым.

Вдруг Фрэнк почувствовал чужое касание: высокий австралиец пытался что-то водрузить ему на голову. Это была широкополая австралийская шляпа.

— Если я упаду, кто-нибудь меня подхватит, — весело бормотал тот, — но если упадешь ты, друг, тебе придется самому позаботиться о себе и твоей собаке.

Совершенно неожиданно прямо перед Фрэнком возник Нисси. Некоторое время он разглядывал огромную шляпу на голове пленного. Перед мысленным взором британца прямо-таки материализовались темные мысли японского капитана, которые легко угадывались по его жестоким глазам. Капитан Нисси видел Джуди привязанной в Медане. Он проверял мешок Фрэнка перед отправлением и по прибытии. По-видимому, собака осталась там, где было приказано.

— *Ino wa arimasen deshita?* (Собаки с тобой нет?) — грозно спросил он.

— *Ino wa arimasen deshita...* — ответил Фрэнк с грустью.

Ему удалось сыграть расстройство и печаль, якобы вызванные отсутствием его преданной подруги, а между тем мешок все сильнее оттягивал его костлявое плечо. Фрэнку казалось, что он слышит собачье дыхание.

— *Ino wa arimassen deshita!* — повторил капитан Нисси, и на его лице появилась триумфальная улыбка.

Быстро кивнув, он удалился. Колени Фрэнка тряслись, он с облегчением поставил мешок на трап, радуясь, что можно наконец отдохнуть от своей ноши. Кто-то толкнул его, и он перемахнул через несколько ступеней к трюму. Никаких спасательных жилетов узникам не полагалось. Жилеты были заперты в шкафчиках на верхней палубе, неподалеку от спасательных шлюпок.

Фрэнк с мешком за плечами присоединился к остальной массе тел в темноте нижней палубы. Уже будучи в трюме, он обнаружил, что место переоборудовано под тюрьму. Неровные доски устилали пол и делили помещение на два этажа. Лестница первого этажа утопала в темноте второго.

Условия здесь были совершенно невыносимыми. Высота составляла всего четыре фута — на нижнем уровне нельзя было даже выпрямиться. Кроме того, народу набилось столько, что лечь тоже не представлялось возможным. Поэтому всем пришлось сидеть на корточках, расположившись рядами. Фрэнк нашел себе место на верхнем уровне. Здесь было немного лучше благодаря наличию бойниц. Во время движения корабля сюда должен был поступать хоть какой-то воздух.

Фрэнк сидел с Лесом Сирлом, Джокком Девани и другими, прислонившись спиной к стальной балке. Стало довольно жарко. Сверху, разрезая темноту трюма, через люк проникал слабый луч света. Но вскоре и люк был закрыт гигантской плитой, изолировав их от всего мира. Узники сидели впотьмах в лужах из собственного пота.

Когда люк закрылся, Фрэнк подумал, что пришло время выпустить Джуди. Ее голова высунулась из мешка, язык свисал. Тяжело дыша, она осматривала новую обстановку.

Немного погодя Фрэнк достал ее и напоил водой, взятой еще из лагеря. Они приготовились к нелегкому путешествию в Сингапур.

Была уже вторая половина дня, когда «Van Waerwijck» отшвартовался и выскользнул из гавани. Как только он вышел в открытое море, вокруг выстроился конвой из двух танкеров, грузового корабля и пары японских патрульных корветов — для охраны. Мерный плеск волн убаюкивал, людей клонило в сон, но он оказывался прерывистым и беспокойным. В этом маленьком помещении не хватало места, чтобы лечь, а о том, чтобы размяться, не могло быть и речи.

Лес Сирл безрезультатно пытался вытянуть ноги. Пришлось свернуться калачиком вокруг балки, с обратной стороны которой лежал уже другой пленный. Что касается Джуди, то, несмотря на ужасные условия, она выглядела вполне счастливой. Она была с Фрэнком и своей большой семьей, своими друзьями; она избежала участи, которая была уготована ей капитаном Нисси.

Когда начало смеркаться, корабль остановился и бросил якорь. Двигатели заглушили, однако жар от них не давал покоя еще всю ночь. С рассветом «Van Waerwijck» снова отправился в путь. Было 26 июня 1944 года, и этот день навсегда останется в памяти всех, кто был на борту.

После очередных жалоб пленным разрешили небольшую прогулку. Узников группами выводили подышать свежим воздухом на двадцать минут. Но, разумеется, пленному 81А-Медан не удалось воспользоваться этим. Джуди, как безбилетный пассажир, должна была оставаться в темном трюме, чтобы не быть обнаруженной.

Вниз постоянно подавались ведра горячей воды, поэтому узники имели возможность заваривать себе чай. Но обезво-

живание в результате повышенного потоотделения происходило быстрее, чем пополнение в организме баланса жидкости. К полудню яростное солнце достигло зенита. Зловещая тишина воцарилась на корабле. Пленные молча страдали: казалась жара расплавляла мозг. Тишину нарушали лишь больные малярией и дизентерией — их стоны и исступленный бред периодически слышались то тут, то там.

Забившись в угол, Джуди молчаливо наблюдала за всем этим. Даже здесь ее присутствие поднимало моральный дух пленных. Сам факт того, что она по-прежнему среди них, доказывал, как она важна в их борьбе с японцами. Она была символом их стоического сопротивления и выживания, которое оказалось возможным, несмотря на все происходящее.

Напротив Джуди в трюме сидел молодой сержант британской армии Питер Хартли. Он отличился в битве за Сингапур и отказался сдаться в плен, хотя был получен соответствующий приказ от командования. Он украл лодку с причала и по реке Индрагири совершил точно такое же путешествие, как и команда Джуди.

Он достиг захваченного порта в тот же момент, что и Джуди со своими компаньонами, поэтому также упустил возможность спастись на корабле союзников и оказался в Глогоре.

Он был истово верующим христианином еще до начала войны, и однажды британский священник в лагере попросил его помочь в проведении ритуала похорон. Вскоре святой отец заболел и скоростижно скончался, а Хартли не успел как следует всему научиться.

У него не было опыта проведения религиозной службы и благословения, однако он заместил умершего священни-

ка в Глогоре, выполняя свою работу безукоризненно. Сейчас, сидя в душном трюме некогда голландского судна, он всю дорогу наблюдал за бело-коричневой собакой, поражаясь истории ее жизни. В Глогоре все знали о цепочке ее приключений: на патрульном корабле, в Сингапуре и во время плена в Глогоре. Воспоминания о ее подвигах усиливали их уверенность в необходимости пребывания Джуди с ними.

Она была здесь, на борту, чем-то вроде контрабанды, подвергая всех риску. Но главное — они все еще были вместе. Хартли благодарил Бога, что тот позволил собаке остаться незамеченной. Ее присутствие на адском корабле успокаивало. Хартли смотрел и смотрел на нее. Джуди положила голову между передними лапами и отдыхала. Постепенно ее глаза закрылись, жара притупила чувства, движения корабля укачали ее — она заснула.

Но ни людям, ни собаке не суждено было отдохнуть.

В водах восточной Суматры 26 июня было спокойно и солнечно. «Van Waerwijck» находился на пути к Сингапуру. Никто на корабле не подозревал, что их координаты засекала британская подводная лодка.

Первым, что заметил капитан подводной лодки «Truculent» Роберт Александер, было перышко дыма на горизонте. Через минуту он увидел воздушное судно, кружащее над дымком — скорее всего, это был самолет сопровождения. Капитан приблизился на расстояние три с половиной тысячи ярдов, откуда четко можно было рассмотреть в перископ вражеские корабли. Британский командующий понимал, что наткнулся на японский конвой. Осмотрев все цели от начала до конца, он обратил внимание на двухмачтовый пароход, из трубы которого вился черный дым. Он представлялся ему самой заманчивой целью. Не зная о том, что на

борту парохода находятся сотни пленных британских солдат, командир Александер выпустил четыре торпеды и опустился на глубину пятьдесят футов.

В это время Леса Сирла вызвали на палубу. У него появился шанс вдохнуть свежего воздуха. Хотя на самом деле его вызвали чистить туалеты — не очень радостное занятие, — он почувствовал потрясающее облегчение после сидения там, внизу. На пути к туалетам шестое чувство заставило его взглянуть на море. Он похолодел. Прямо под водной поверхностью протянулись неистовые пенистые хвосты торпед. Он не мог ошибиться. Все четыре торпеды неслись прямо на них!

Лес, не успев до конца осознать это и остолбенев от шока, заорал:

— Торпеды! Торпеды со стороны порта!

Его крик прозвучал слишком поздно, чтобы можно было успеть предпринять какой-либо маневр. Несколько мгновений спустя первая торпеда ударила в корпус «Van Waerwijck». Она вонзилась с тыльной стороны трюма, смежной с хранилищем угля. Все, кто был в этот момент на палубе, сразу поняли, что произошло, и некоторые успели выпрыгнуть за борт. Но те, кто находились внизу, услышали только глухой стук и ощутили содрогание судна. Они никак не могли осознать, что корабль атакован.

Лес бежал вдоль палубы, чтобы предупредить их, как вдруг вторая торпеда ударила в корабль впереди него. Снаряд угодил как раз в то место, которое было набито, как сардинами, сотнями пленных. Взрыв был таким мощным, что растрошил палубу, подбросив в воздух нескольких японских конвоиров. Морская вода полилась через разлом в обшивке.

«Van Waerwijck» со скрежетом начал крениться на одну сторону. Перегородка в трюме, отделявшая пленных от

угольного склада, разрушилась. Уголь загорелся, в воздухе появились клубы черного как ночь дыма. Началась страшная давка: все хотели как можно быстрее выбраться по лестнице к спасительному воздуху. На верхней палубе капитан во весь голос возносил молитвы Деве Марии и Всемогущему Отцу, пытаясь открыть шкафчики, чтобы достать спасательные жилеты и раздать их тем, кто находился на борту тонущего судна.

Корабль накренился — посыпались бочки, ящики, доски, привалив собой тех, кто пытался выбраться наружу. Уже уходил под воду хвост корабля, и вода поглотила первых жертв трагедии. В тыльной части трюма царила настоящая паника. Люди карабкались друг на друга, чтобы побыстрее достичь лестничного пролета. Судно продолжало крениться, а деревянные платформы-перекрытия разъединялись и обваливались, удерживая в плену и без того пленных людей.

Морская вода образовывала водовороты и бурлила, и люди боролись за право спастись. Лес Сирл через отверстие люка вглядывался в груды покореженного металла, обломки и морскую воду в поисках Джока Девани, Фрэнка, Джуди и других. Он помог выбраться всем тем, кто тянулся к нему снизу, пытаясь покинуть этот гигантский стальной гроб.

Но Джока, Фрэнка и Джуди нигде не было видно.

После взрыва первой торпеды Питер Хартли, исполнявший в Глогоре обязанности священника, сразу проснулся. Он поднялся на ноги, пытаясь понять, что происходит и почему в трюме паника. В это время корабля достигла вторая торпеда. Через мгновение темноту вокруг заполнили звуки: шум воды, треск деревянных перекрытий, крики людей, погребенных под завалами, звуки корабельных сирен. Пол раскачивался словно при землетрясении.

Где-то высоко над головой он увидел отверстие люка, вокруг которого отчаянно толпились люди. Лестница была заполнена. Этим маршрутом он точно выбраться не смог бы. Хартли начал взбираться на сваленные в кучу ящики. Достигнув верхней точки, он добрался бы до люка.

На секунду он отвлекся и взглянул на то место, где несколько минут назад, положив голову на передние лапы и прикрыв глаза, спокойно лежала Джуди. Она все еще была здесь, с ними, но теперь ее глаза были поразительно красноречивы. Фрэнк Уильямс пытался протолкнуть ее через отверстие бойницы. Во время взрыва Джуди как раз было примостилась у ног Фрэнка. Он понимал, что глупо идти на лестницу, повернулся к ближайшей бойнице и попытался ее расширить.

Доверяя ему во всем, собака позволила Фрэнку просунуть ее голову и лапы в увеличившееся отверстие. В этот момент корабль начал окончательно заваливаться. Собака повернула голову, ища глазами Фрэнка: ей казалось, что он последует за ней.

Но вместо этого он сказал ей всего несколько слов:

— Ты должна выбраться, старушка! Давай, плыви!

Затем он вытолкнул ее наружу, и Джуди из Сассекса оказалась в море.

Глава 17

Было четыре минуты третьего пополудни, когда «Van Waerwijck» всего через двенадцать минут после торпедирования отдал Богу душу и был поглощен волнами. Но корабль исчез не полностью, нос его остался над водой. Корабль раскололся на две части, и сотни людей все еще боролись за жизнь у носовой части на поверхности воды.

Тем временем вершитель судьбы пленных, «Truculent», спасался бегством от японских конвойных судов. Ими были выпущены сразу шесть глубинных бомб. Но первый залп цели не поразил, поэтому корабли начали готовить второй удар, и взрыв произошел гораздо ближе к британской субмарине. Во время третьей атаки было выпущено еще больше бомб, которые наверняка грозили подводной лодке гибелью.

Но Александер сумел вовремя опустить субмарину на безопасную глубину. Ему удалось ускользнуть. «Truculent» в глубокой подводной тишине уплывал прочь, оставляя где-то позади тонны

обломков, скарб с потопленного судна и сотни мужчин, которые продолжали бороться за жизнь.

«Van Waerwijck» был потоплен в Малаккском проливе в пятистах километрах от Сингапура. Берег был в нескольких милях, и лишь немногие могли доплыть до него. Утопающие хватались за все, что держалось на плаву: разбитые деревянные балки, шлюпки, разбросанные спасательные жилеты. Посреди густой масляной лужи, разлившейся на воде, плавали ящики с живыми цыплятами. Те от ужаса кудахтали, что делало картину сюрреалистической.

В небе появились японские бомбардировщики, готовые атаковать британскую субмарину, но их старания были напрасны. Подлодка «Truculent» незаметно опустилась на большую глубину и исчезла. Когда угроза миновала, с японских кораблей были спущены спасательные шлюпки, но команда получила приказ прежде всего помогать японским и корейским солдатам. Британцы, голландцы и австралийцы должны были ждать возвращения спасательных лодок.

Одним из первых пленных, извлеченных из воды, стал Фрэнк Уильямс. Он пробыл в воде добрых два часа, уцепившись за обломок корабля. Все это время он искал глазами знакомую фигуру — бело-коричневого английского поинтера.

Наконец Фрэнку удалось ухватиться за сеть, сброшенную в воду с танкера, и забраться наверх. Фрэнк был страшно измучен за то время, которое провел в воде; его глаза двумя белыми кругами выделялись на фоне черного от налипшей нефти лица. Он бросил последний взгляд поверх перил судна и позволил увести себя, пытаясь утешиться тем, что сделал для спасения Джуди все, что было в его силах.

Теперь ее судьба в руках Господа. Жива ли еще Джуди? Фрэнк очень сомневался в том, что японцы будут спасать

собаку, особенно собаку-нелегалку. Он переживал, что она могла поплыть обратно к кораблю, чтобы найти его, Фрэнка, и не успела спастись до того, как судно затонуло. Подобное произошло, когда Джуди оказалась в ловушке на «Кузнечике», но тогда ее чудом спас офицер Уайт.

Вместе с другими выжившими пленными Фрэнк получил в свои запачканные нефтью руки порцию риса и кружку чая, чтобы хоть чем-то наполнить желудок. Все новые и новые «чернокожие» люди поднимались на борт, и вскоре корабль был переполнен. Топливные резервуары были покрыты сталью, на них можно было присесть, но они очень быстро накалялись, словно печка. Нигде нельзя было укрыться от немилосердного солнца. Пленные просто сидели под палящим солнцем и страдали. Поиски утопающих продолжались. Отыскивали все новых и новых выживших.

Точно неизвестно, сколько пленных удалось поднять на борт за то время, пока главный четвероногий спасатель жизнью изо всех сил трудился в воде недалеко отсюда.

Лес Сирл плыл от полузатонувшего судна «Van Waerwijck» к ближайшему японскому кораблю. Из последних сил прокладывая себе путь среди обломков, он краем глаза увидел то, что его потрясло. Над поверхностью воды показалась знакомая голова и барахтающиеся лапы. Это была Джуди. Он обнял ее одной рукой, и она потащила его к безопасному месту.

Лес с трудом мог в это поверить. Он удивлялся, почему бедная собака не сбросила его. Ведь она запросто могла пойти ко дну, не выдержав веса взрослого мужчины.

Но Джуди помогла ему доплыть до ближайшей спасательной лодки — тонгканг, принадлежащий кому-то из местных, приплыл к месту катастрофы. Еще одна жертва кораблекрушения была доставлена на борт. Но собака не остановилась

на этом. Под крики благодарности она развернулась и поплыла искать тех, кто до сих пор нуждался в помощи. Она помогла спастись шестерым людям, причем под конец была настолько вымотана, что могла только подтолкнуть к спасающемуся бревнышко.

Наконец и Джуди втащили на борт тонгканга. Вся в черной маслянистой гадости, она была едва жива. Собака полностью выбилась из сил, острые ребра торчали сквозь истощенные бока, глаза покраснели. Но она по-прежнему была настоящим героем.

К сожалению, был не самый подходящий момент для того, чтобы уделить ей достаточно внимания и похвалить. Вместо этого ее быстро втолкнули под парусину, которой прикрывали тела ненавистных ей угнетателей — двоих корейских конвоиров, утонувших во время кораблекрушения. Джуди пришлось провести в их компании весь оставшийся путь до Сингапура, иначе она была бы замечена японцами и те исполнили бы приказ капитана Нисси о ее уничтожении.

Одним из последних вытасненных из воды стал капитан Королевской артиллерии Гордон. Он запутался в рыболовной сети недалеко от берега и пробыл там, уцепившись в нее, несколько часов, пока его не подняли на японский корабль. Поблагодарив капитана корабля за спасение, Гордон спросил у командующего разрешения еще раз поискать выживших при кораблекрушении. Тот согласился, и к 16.30 все живые были вытаснены из моря.

Конвой приступил к выполнению обязанностей, направив судно на Сингапур. С заходом солнца палуба, которая днем представляла собой раскаленную печь, теперь стала, напротив, практически ледяной кроватью для узников. Без одеял и какой-либо одежды (все они были утеряны во время кораб-

лекрушения) пленные прижимались друг к другу как можно ближе, чтобы сберечь хоть немного тепла. Холодный ветер пронизывал открытую палубу, узники не могли унять дрожь, а раненые стонали от боли.

Среди тех, кому удалось спастись во время крушения корабля «Van Waerwijck», были Лес Сирл, Джок Девани, Фрэнк Уильямс и Джуди из Сассекса. Также спасся и неопытный священник Питер Хартли. Однако все они были разбросаны по разным судам, и впереди их ожидало путешествие, во время которого им предстояло люто мерзнуть по ночам, жариться днем и похоронить многих тяжело раненных товарищей.

К тому времени, когда подвергшийся атаке конвой приплыл в Сингапур, большинство пленных просто оцепенели от шока и измождения. Многие не в состоянии были произнести ни слова.

Более двух лет прошло с тех пор, как Фрэнк Уильямс служил в своей части здесь, в Сингапуре, Лес Сирл, Джок Девани и Джуди храбро сражались на своем боевом корабле, выходя из окружения японцев, а Питер Хартли отказался подчиниться приказу сдаться в плен и попытался бежать. Корабли, которые подобрали пленных с обломков корабля, теперь шли в сопровождении двух лоснящихся немецких подлодок, расписанных огромными знаками свастики на красно-белом фоне.

Первые корабли пришвартовались у пустой пристани. По виду пленных, которые, скрючившись, сидели на палубе, словно оборванцы, можно было судить о том, что произошло нечто ужасное. Около пятисот пленных вместо семисот, находившихся на борту «Van Waerwijck». Грязные, окровавленные и практически голые, они не чувствовали стыда, возвращаясь в «цивилизацию». У них не было сил.

Однако для одной узницы, 81А-Медан, самый ужасающий момент был все еще впереди. Тонгканг, на котором плыла Джуди, оттянули в док, где его уже поджидали конвоиры, прибывшие на японских военных грузовиках. Одна из фигур, стоящих на берегу среди серых транспортных средств, сразу бросалась в глаза. Так выделялся среди своих офицеров только полковник Банно. После всех ужасов, связанных с командованием Нисси, некоторые пленные, в том числе Лес Сирл и «священник» Хартли, были даже рады видеть бывшего команданта Глогора вновь.

Сначала он с улыбкой поклонился прибывшим. Но уже скоро улыбку сменило выражение ужаса. Банно осматривал всех этих людей, которые сейчас более всего напоминали скелеты, и, казалось, что он чувствует нечто вроде жалости и сочувствия. Полковник повернулся к конвоирам и начал отдавать приказы, активно жестикулируя и показывая на фигуры пленных.

Тонгканг тем временем вымыли и оставили в доке. Трапы были спущены, и волонтеры начали оказывать помощь раненым, в том числе и тем корейским парням, которые выпрыгнули с корабля в первые секунды после взрыва, а затем были достигнуты взрывной волной от второй торпеды. Они находились в состоянии сильного шока. Также здесь были военнопленные из трюма, раненые в результате взрыва второй торпеды. Тем, кто был в состоянии ходить, приказали выгрузиться с корабля. Настало время и Джуди выйти из укрытия. Лес Сирл не имел при себе ни мешка, куда можно было бы ее спрятать, ни малейшей возможности укрыть ее от посторонних глаз, поэтому единственным вариантом было просто выпустить ее на трап на всеобщее обозрение. Вместе с Питером Хартли, спотыкаясь, они преодолели этот короткий страшный путь. Руки и ноги Хартли были изрезаны деревянными щепками еще с тех пор,

как он прокладывал себе дорогу к спасительному выходу. Состояние Джуди и Леса Сирла было не лучше.

Как только эти трое вышли на причал, конвоиры из Глогора сразу увидели Джуди. Атмосфера мгновенно изменилась. Двое вояк, нещадно бранясь и активно жестикулируя, выбежали навстречу собаке. Все было предельно ясно: они собирались выкинуть Джуди в море, а возможно, и ее товарищей вместе с ней. Лес Сирл сомневался, что переживет еще одно погружение, как, впрочем, и Джуди, которая выглядела изрядно побитой.

Как только конвоиры собирались уже схватить собаку, раздался громкий крик. Руки надзирателей буквально застыли в воздухе. Это был голос полковника Банно. Понимая, что происходит, полковник отдал какой-то приказ. Конвоиры вытянулись, внимательно слушая, затем отдали честь полковнику и отошли прочь от собаки.

Полковник Банно вышел вперед. Он рвал и метал, а подчиненные покорно молчали. Потом он вынул и показал Джуди свою дразнилку — меч, нагнулся и погладил ее за ушами, ясно давая понять, что она заслужила отдых. Многие пленные считали, что Банно сейчас загладил свою вину за жестокость, которую проявлял во время пребывания в Глогоре.

Пленных вновь выстроили по рангам. Некоторые были совершенно голые, но зато покрытые толстым слоем горючего. Несколько грузовиков подошли к причалу. Когда пересчет по головам был завершен, мужчины и собака получили разрешение на одиннадцатичасовой отдых и должны были сесть в ожидавшие их грузовики. Но близ одного из грузовиков стояла еще одна знакомая всем фигура, и ее присутствие обрадовать не могло.

На арене вновь появился ужасный капитан Нисси. Когда Лес Сирл забрасывал Джуди в кузов одного из грузовиков,

капитан выкрикнул гневное замечание. Поток ругательств полился из его уст. Пара солдат подошла ближе, держа наготове винтовки.

Сейчас Джуди выглядела далеко не так, как во время сытой и спокойной жизни на Янцзы. Она стала болезненно худой, ее белая шерсть была черной, в маслянистых пятнах; она оскалила желтые зубы, а глаза налились кровью и выражали ненависть к тем, кто пытался ее схватить. И снова, в тот момент, когда ее собирались ударить, раздался голос старшего по званию. Полковник Банно отменил приказ капитана Нисси: узнику 81А-Медан нельзя было причинять вред. Капитан Нисси пришел в ярость, но вынужден был подчиниться. Для того чтобы предотвратить возможные попытки нанесения Джуди вреда, Лес Сирл усадил ее в грузовик и сам сел рядом. Вскоре они уже тряслись по дороге вдоль пристани. Каждый думал о чем-то своем. Даже тот факт, что капитану Нисси не дали вновь проявить жестокость, не особо повлиял на их настроение. Конвой гремел по улицам, которые еще недавно были частью британских укреплений. Проехав немного по городу, грузовики остановились. Пленным приказано было выйти. Они попали в новый лагерь, и он представлял собой самое унылое место, которое только можно было себе представить.

Это были невероятно дряхлые хижины. Некоторые имели неровную крышу из тростника, выросшего здесь, в джунглях. Но у многих крышу и вовсе снесло ветром, а у некоторых она полностью сгнила. Проклятое место называлось «Дорожный лагерь в долине реки». Под рекой, наверное, подразумевался забитый мусором канал, проходящий по центру лагеря.

Первые пленники с «Van Waerwijck» зашли в одну из хижин, пройдя мимо других, уже занятых военнопленными союзни-

ками. Им было запрещено останавливаться или разговаривать с кем-либо. Они толпой прошли сквозь ворота с колючей проволокой, где по бокам располагался конвой, и дошли до самого дальнего уголка этого забытого богом места.

В конце лагеря был разбросан мусор и всякие отходы. Тут же стояли пустые хижины с деревянными нарами. Это был их теперешний дом.

Когда «Van Waerwijck» пошел ко дну, эти люди потеряли все. Их скудное имущество, вывезенное из Глогора, ушло на дно Малаккского пролива. Сейчас они чувствовали себя животными: голые, шокированные, униженные. У них были спутавшиеся волосы и грязная щетина, тела и лица покрывал слой нефти. Они напоминали армию прокаженных или сумасшедших, и многие действительно были близки к тому, чтобы впасть в безумие.

Мусорник тут же исследовали в поисках жестяных банок, пригодных в качестве посуды, и мешковины, которая бы пригодилась как одежда. Подали пищу. Это был рис и вяленая рыба. Мужчины были вынуждены брать еду руками и пользоваться сорванными листьями как тарелками. Крепкий несладкий чай пили из ржавых грязных банок. Но порции были настолько ничтожными, что их голодные желудки забастовали пуще прежнего. Однако команда тонгканга не ожидала такого количества пленных союзников на борту и не имела должного запаса провизии.

Теперь узники были на голодном пайке.

Когда Лес Сирл с болезненно сжавшимся желудком возвращался в жилище, он ожидал, что Джуди пойдет с ним. Но почему-то она отказалась. Собака побежала обыскивать другие хижины. Каждую она осматривала предельно внимательно, по всему периметру. Только сейчас Лес Сирл понял,

что она ищет своего пропавшего друга — Фрэнка Уильямса. Но в этом Лес едва ли мог ей помочь.

Без вмешательства полковника Банно он не смог бы помочь собаке, защитить ее от гнева капитана Нисси. И он не знал, выжил ли после кораблекрушения Фрэнк Уильямс. Все узники слышали историю о том, как Фрэнк выбросил Джуди в воду через одну из бойниц, но что случилось потом... Джуди была неудержима в своих поисках. Убедившись, что Фрэнк в лагере нет, она села у ворот и положила голову на передние лапы. Темные глаза собаки вглядывались туда, откуда, по ее представлению, должен был чудом появиться ее «хозяин».

Два дня она провела в одиночестве на своем посту. Ее никак нельзя было отвлечь. Жизнь не однажды разлучала собаку с ее компаньонами — старшина Джеффри и Танки Купер на корабле «Москит», офицер Джордж Уайт на «Кузнечике», Прайвет Казенс — сапожник в Глогоре. Верить в гибель Уильямса она отказывалась, будто бы верила, что своим нынешним дежурством у ворот как-то способствует тому, чтобы Фрэнк выжил.

Она терпеливо ожидала его появления, словно чувствовала, что оно непременно произойдет.

Минуло сорок восемь часов с того момента, как первые выжившие добрались до Дорожного лагеря, и Фрэнк Уильямс действительно появился. Ослабленный переездом, морально и физически изможденный... Все это время ему становилось еще хуже при мысли, что он не знает, все ли в порядке с его любимой собакой. Постепенно он терял желание выжить.

Фрэнк выбрался из грузовика — каждое движение приносило ему нестерпимую боль — и поковылял к ужасному лагерю. Он был слеп ко всему происходящему вокруг и погрузился в себя. В таком отрешенном состоянии он прошел

сквозь увитые колючей проволокой ворота и вдруг почувствовал удар в плечо. Он подумал, что кто-то из обессиленных пленных оступился и упал на него.

Второй толчок заставил его опустить голову к земле, настолько слаб он был. Фрэнк не мог разобраться в своих ощущениях — как будто кто-то или что-то скребло по его плечам и голове в отчаянной попытке привлечь внимание.

Когда же он наконец услышал это, то сначала не мог поверить своим ушам. Низкий настойчивый вой достиг его ушей, заглушив чувство голода, боль от травм и опустошение. Он понял, в чем дело, когда что-то влажное и холодное ткнулось в его лицо. Теперь он уже точно знал, кому принадлежит этот голос.

Его слух не обманывал его! Это была она! Это была Джуди! Каким-то образом собака избежала смерти и снова была с ним!

Почувствовав, что он узнал ее, Джуди прыгала вокруг его жалкой фигуры с неистовым восторгом. Кое-как развернувшись, он обвил ее шею руками и уставился в ее усталые, но полные надежды глаза. Он ощутил толстую маслянистую корку на ее шерсти, увидел, как торчат ее ребра... Фрэнк понял, как отчаянно она искала его.

Они некоторое время просто обнимались, радуясь чудесному воссоединению, и слова были не нужны. Это был один из прекраснейших моментов. Фрэнку казалось, что его сердце вот-вот выпрыгнет от радости. Длительное ожидание Джуди было вознаграждено. В этот самый момент Фрэнк захотел жить дальше. Он присел на корточки (откуда и силы взялись!) и взял собаку на руки.

— Иди сюда, старушка, — приговаривал он со слезами на глазах. — И перестань уже так радоваться.

Мужчина и собака пошли к своему новому жилищу.

Всю ночь Джуди просидела у него на коленях. Несмотря на недавние суровые испытания, она была так же внимательна, как и всегда: прислушивалась к каждому шороху в спящем лагере, держала один глаз открытым, принималась к воздуху, наострив уши и пытаясь уловить малейший намек на опасность. Джуди боялась вновь потерять своего лучшего друга.

Только когда собака окончательно убедилась, что им ничего не угрожает, она закрыла глаза и погрузилась в нездоровый, чуткий сон.

Следующие несколько дней они отдыхали, накапливая силы, насколько это можно было сделать в лагере. В таких лагерях, в Сингапуре в частности, не было той «роскоши», к какой они привыкли до этого. Здесь можно было не ждать писем из дома, новостей с фронта; их рацион стал еще скуднее, чем в Глогоре. Да и сам лагерь был более ветхим, хижины протекали, не было защиты от ветра.

В ежедневном рационе, состоявшем из риса, ужасной рыбы и морских водорослей, напоминающих на вкус старую соленую веревку, недоставало зелени, овощей и фруктов, нужных для предотвращения авитаминоза — это резко увеличивало вероятность подхватить серьезное заболевание. Вскоре вокруг лагеря был сорван с дерева и съеден каждый листок. Голландские и британские медики предсказывали плачевные последствия, если рацион не будет улучшен по качеству и количеству.

Но ничего не менялось.

Зато японцы предоставили «новую» одежду взамен утерянной при кораблекрушении. Это была старая японская униформа, вся в заплатках. Выглядела она так, словно ее только

что сняли с мертвеца. Также пленным выдали несколько пар сношенных британских армейских сапог, хотя ходить было некуда: все строения были рядом. Впервые с того момента, как они стали пленниками, каждому мужчине дали одеяло. Они были особенно нужны в этих жилищах, которые протекали словно решето. Пленные спали и восстанавливали силы, а во время бодрствования изготавливали себе ложки и тарелки из консервных банок или делали зубные щетки из веток.

В первое воскресенье после прибытия пленники во главе с Питером Хартли соорудили помост для проведения службы. У него не было Библии — все осталось на затонувшем судне. Он выпросил клочок бумаги и карандаш и записал по памяти при помощи других пленников четыре молитвы. Служба проходила в одной из заброшенных хижин. Пение доносилось сквозь дыры в крыше, выжившие отдавали долг погибшим, но незабытым товарищам и молились об их спасении.

Но к ним спасение все не приходило. Здесь узники должны были оставаться на протяжении четырех недель — именно столько времени, как рассчитали японцы, требовалось им, чтобы полностью восстановить силы. Это был всего лишь перевалочный пункт, и в последнюю неделю июля 1944 года было объявлено, что пленные из Глогора должны будут переехать. Как в Глогоре, так и в Дорожном лагере пленные чувствовали себя как в преисподней. Но только в следующем пункте пребывания они поняли, что то был еще не ад.

Они должны были вернуться на Суматру и построить проклятую железную дорогу.

Глава 18

Впервые железную дорогу на Суматре решили строить нидерландцы в конце девятнадцатого века, но вскоре стало понятно, что возвышенность в центральной части практически непроходима. Выполнить задачу казалось невозможным. Возвышенность представляла собой гряду острых отрогов, скрытых в тумане и облаках, со склонами, поросшими ковром густых джунглей, с быстрыми реками и ручьями. Склоны были изрезаны туннелями и пещерами. Но тут залегал уголь — черное золото. В суматранских горах скрывалось одно из самых богатых месторождений угля на земле.

Маршрут, проложенный на бумаге нидерландцами, лишь немного отличался от того, по которому Джуди и ее товарищи шли весной 1942 года, пытаясь скрыться от японских оккупантов. Беженцы брели по узкому ущелью, в котором река Квантан, приток Индрагири, прорезала себе путь между острых откосов гор. По обе стороны реки лежали практически вертикальные пласты камня, а в тех местах, где в реку падали массив-

ные валуны, образовывались пороги, окруженные белой пеной.

В некоторых местах река практически исчезала в недрах земли, в иных напоминала скопление гейзеров, вновь становясь видимой и стремительной. В одном месте забитая ветками пещера уходила из долины реки на четыре километра вглубь, ведя прямо к каменному сердцу гор. Поначалу нидерландцы проложили маршрут через эту ужасную территорию, но их дальнейшая деятельность была прервана из-за обнаружения огромного подземного озера.

Возглавлял ту рискованную экспедицию нидерландский инженер по фамилии Айзерман, но он так и не смог увидеть плоды своего труда. Инженер стоял на мелководье в реке Квантан с измерительным инструментом в руке, как вдруг песок под его ногами стал засасывать его — бурлящим вихрем подземных вод инженер был увлечен в преисподнюю. Его тело так и не нашли.

Дальнейшие изыскания показали, что путь, который разрабатывал Айзерман, от городка Пакан Баро и на юго-запад до Моера через ущелье реки, все-таки возможен. Но нидерландское правительство не дало осуществить проект: он казался слишком дорогим, а результат гарантирован не был. Кроме того, дорога должна была пролегать через необитаемую территорию, где легко было встретить дикого зверя или подцепить тяжелое заболевание, например малярию или тиф. Такой проект мог стоить многих человеческих жизней, поэтому от него отказались, до тех пор пока в угле действительно не возникнет острая необходимость.

А вот японцев в 1944 году ничто не останавливало: у них были тысячи пленных, которых можно было задействовать как рабочую силу. Когда фортуна отвернулась от японской

императорской армии, они стали еще более остро нуждаться в новых природных ресурсах. Фактически Япония была лишена собственного сырья и источников энергии, а ведь многие из старых боевых кораблей работали на угле.

Нетронутые месторождения на центральном высокогорье Суматры позволяли добывать пятьсот тысяч тонн прекрасного черного топлива в год. Вот почему японцы решили воскресить забытый на долгое время голландский проект. Их целью было открыть железнодорожный и речной путь к высокогорью и угольным залежам. Таким образом выкопанный уголь мог бы доставляться сначала в Сингапур, а потом и в другие уголки завоеванных японцами территорий.

Самой эффективной рабочей силой должны были стать местные жители, которых называли «ромушами». Японское слово «ромуша» переводилось как «трудяга». Десятки тысяч местных вынуждены были работать на строительстве железных дорог под дулом пистолета. В пятницу 19 мая 1944 года в Паканбару прибыла первая колонна военнопленных, которым предстояло присоединиться к ромушам и проложить через джунгли железнодорожное полотно. Фрэнк Уильямс, Лес Сирл, Джок Девани, Джуди из Сассекса и их товарищи присоединились к ним через несколько недель.

Выжившие после крушения судна «Van Waerwijck» вновь оказались на Суматре 27 июля 1944 года, следуя почти по тому же маршруту, который кое-кто уже преодолел в этом прекрасном, но жестоком краю. Разница была в том, что на этот раз тяготы путешествия не облегчали мысли о том, что все это должно закончиться отплытием в безопасное место на корабле союзников.

После прибытия в Паканбару пленники встретились с японским командиром лагеря, лейтенантом Миурой, который рас-

сказал им, что их ждет. До этого момента они верили, что их отправят работать на фруктовые плантации. Миура быстро развеял их надежды. Пленные были удостоены «чести» строить железные дороги для императора Японии. После окончания строительства они получают от Его Императорского Величества медали за заслуги.

В шепоте собравшихся можно было четко расслышать, куда они хотели бы повесить эти медали. К счастью, ни лейтенант Миура, ни его офицеры не владели английским языком настолько, чтобы понять смысл этих едких замечаний, процеженных сквозь зубы. Японцы и корейцы уже служили на строительстве дороги, правда, той, что не так известна — Таи-Бирма, и вполне привыкли к тысячам могил, где лежали пленные, работавшие в ужасных условиях.

Питер Хартли также прибыл в Паканбару, и еще до его отправления из Дорожного лагеря японские конвоиры снабдили его Библией на английском языке. Это был неожиданный сюрприз — сейчас он в ней нуждался больше, чем когда-либо, так как был вынужден часто служить заупокойные мессы.

Выжившие с «Van Waerwijck» временно были поселены в госпитале, который вскоре будут называть не иначе, как «дом смерти». Здесь старшим был подполковник авиации Патрик Слейни Девис, который недавно прибыл из лагеря на соседней Яве.

Японцы назначили Девиса старшим над всеми пленными союзников, прибывшими на постройку железной дороги. Высокий, истощенный, с темными кругами под глазами, он заработал себе репутацию конфликтного человека. Некоторым Дэвис казался высокомерным и отчужденным, но тем не менее он прославился тем, что мог бесстрашно смотреть в лицо опасности, был очень смел и всегда добивался от

японцев выгодного для себя решения и отмены обвинений в адрес его людей.

Нынешнее задание двадцативосьмилетнему офицеру было выполнить куда тяжелее, чем что-либо до этого. Подполковник авиации Девис должен был взять на себя ответственность за тысячи военнопленных, трудившихся на территории протяженностью двести двадцать километров и поселенных в семнадцати лагерях, разбросанных по всему участку. Глубоко в джунглях, где каждое слово суровых и жестоких конвоиров — закон, подполковник авиации не всегда мог защитить своих военнопленных.

После отдыха в перевалочном лагере люди были отправлены в джунгли, чтобы продемонстрировать лагерному конвою свою работоспособность. Пунктом назначения был лагерь № 4 в Теракакболохе, который находился в двадцати пяти километрах по маршруту будущей едва начатой железной дороги.

Японцы приспособили старую железнодорожную вагонетку для доставки пленных к рабочему месту и в лагерь. Она тахтела, словно тонким ножом прорезая себе путь через джунгли, и при этом тащила на буксире две дрезины. Настроение узников было хуже некуда. Как и многие его товарищи, Лес Сирл чувствовал, что, действительно, хуже, чем здесь, уже не будет.

Все слышали о лишениях и истощении тех, кто работал на железной дороге Таи-Бирма. У наших героев были причины бояться, что тут будет даже хуже, чем там. Лес Сирл был уверен, что впереди их ждет, как говорил Черчилль, только «кровь, пот и слезы». Вряд ли кто-то сможет защитить британцев от нацистского произвола. Узники будут использованы как рабы и помогут заправить вражескую военную машину. Что может быть ужаснее?

Когда вагонетка ехала к объекту, Джуди и ее товарищи чувствовали себя совершенно потерянными. Судя по всему, их шансы выжить были мизерными. Самым ужасным во всем этом было то, что окружающий мир, казалось, вымер. Они не получали весточек из Британии. Те несколько официальных открыток, что были розданы для написания писем домой, так и остались в лагере. Их полностью поглотило это бесконечное дикое пространство — тут можно было потеряться во времени и перестать понимать, живой ты или мертвый.

В центре этого проклятого груженого устройства восседал символ стойкости — прямая и бесстрашная Джуди. Самой важной способностью собак считается умение быть лучшим другом человека. Преданность — это то качество, которое мы ценим в них больше других. За тысячелетия истории дружбы с людьми собаки стали особенно чутки к человеческим эмоциям. Пока вагонетка гремела по влажной, душной и заросшей растительностью местности, компаньоны Джуди убеждались, что собака понимает, как они себя чувствуют.

Когда она смотрела на них, ее взгляд был полон тепла и симпатии. Ее глаза могли сказать больше, чем любые слова. Они выражали понимание и сочувствие. Более того, было что-то материнское и успокаивающее в ее «улыбке». Было похоже, что она хотела сказать: «Я знаю, что вы чувствуете, но доверьтесь мне, все будет хорошо». Само ее присутствие придавало мужчинам сил, заставляя их бесстрашно, расправив плечи, смотреть вперед, что бы их там ни ожидало.

Джуди, скорее всего, ждала та же участь, что и их, хотя ее шансы выжить были, пожалуй, даже меньше, чем у людей. Конвоиры ненавидели собак, но считали их вполне съедобными. Руки у них были развязаны, они могли обращаться с пленными со всей жестокостью, поэтому Джуди придется

постоянно быть настороже, чтобы защитить себя и своих друзей.

Что касается быта в четвертом лагере, то все стало понятно первой же ночью. Лес Сирл, Фрэнк Уильямс, Джок Девани, Питер Хартли — каждый получил деревянную койку шириной восемнадцать дюймов¹. Узник 81А-Медан не получил ничего, но собака была счастлива свернуться клубком в ногах у Фрэнка, радуясь тому, что она чудом снова оказалась со своим любимым хозяином и его товарищами.

Даже в неверном свете самодельной лампы (кусок газеты плавал в банке с кокосовым маслом) было видно, в каком плачевном состоянии находится их жилище. Стены и крыша были сделаны из бамбуковых жердей, покрытых пальмовыми листьями. Под нарами проросли тропические семена, а в воздухе, то и дело целым роем опускаясь на одну из жертв, кружили прожорливые местные насекомые. Кто смог бы заснуть в такой атмосфере?

Воздух был пронизан сыростью, запахом мокрого дерева и гниющей растительности, а ко всему этому скоро добавятся вонь пота и страха, порожденного бесконечными думами бессонных ночей. Где-то в темных джунглях раздавалось горловое кваканье лягушек, переговаривающихся между собой. Вопли и визг неведомых животных, отраженные деревьями, напоминали смех сумасшедшего. Иногда эти звуки раздавались где-то совсем близко, и это было жутко.

Теплая ванна, чистое полотенце, забота любимого человека, комфорт и домашняя еда — все эти нормальные явления обыденной жизни были сейчас за пределами мечтаний. В первую ночь мужчинам показалось, что они спали какие-

¹ Около 45-ти сантиметров.

нибудь считанные секунды — неожиданно грубый звук горна разнесся в зловонной хижине. Было еще темно, но не было сомнений в том, что этот звук должен был их разбудить. Жизнь на стройке начиналась в семь утра по токийскому времени. Здесь же, на Суматре, в это время было четыре тридцать — глубокая ночь. Для местной власти все японское было предпочтительнее, даже время. После звука горна в темной хижине начинали спотыкаться друг о друга люди, которые искали выход, чтобы успеть на построение. Эта тупая простота жизни отражала то, как опустились тут мужчины: не было надобности менять одежду (сменной попросту не было), не надо было обуваться (обувь была далеко не у всех) и брить густые бороды: для этого понадобилась бы острейшая бритва, но такого или хотя бы какого-нибудь инструмента ни у кого не было.

Под призрачным светом луны пленные строились для обязательного пересчета. Перед ними в полутьме виднелся дымок и слышался треск кипящего масла — это значило, что завтрак вот-вот будет готов. Первые предрассветные лучи просачивались в лагерь, и каждый мужчина получал в жестянку свою порцию серо-коричневого месива. Это и был завтрак — «онгл-онгл», как его здесь называли. Представлял он собой заваренный на воде крахмал — в холодном виде варево было похоже на желе из головастиков. Крахмал изготавливали из корней дерева кассава — тропического картофеля. Лишенный соли и сахара, онгл-онгл был практически безвкусен и не содержал витаминов и питательных веществ, разве что небольшую дозу углеводов. И это был тот рацион, на котором мужчины должны были выдержать целый день (а иногда даже дольше) тяжелейшего труда!

Рабочие бригады были разбиты на группы в зависимости от выполняемых функций. Одна группа мужчин отправлялась вглубь джунглей с целью построить новый лагерь, куда потом перейдут рабочие, закончившие предыдущий участок. Вторая, бóльшая группа должна была делать насыпь для железнодорожного полотна — вручную копать песок и влажную землю, а потом перетаскивать это в плетеных корзинах на место строительства. Это была работа для самых выносливых, и она часто поручалась ромушам, местным рабам, большинство из которых было привезено сюда с соседнего острова Ява. Но и они уже напоминали живые трупы.

Были и другие работы: валить лес для прокладки железной дороги, погружать рельсы и шпалы в вагонетку или устанавливать шпалы на уже готовых участках насыпи, класть поверх них рельсы, скреплять их между собой.

В четвертом лагере люди распределялись по группам японским капралом, который смотрел, подходит ли человек для той или иной работы. Лес Сирл был одним из счастливых: его и еще тридцать мужчин послали вперед для постройки следующего лагеря. Фрэнк Уильямс и Джуди удостоились тяжелой работы по разгрузке и укладке рельсов.

С самого первого дня жестокость и отношение к человеческой жизни, как к чему-то незначительному, шокировало всех. Работа сопровождалась командами: «Кура! Кура! Кура!» Немногие знали, как это слово можно перевести на английский, но скорее всего оно переводилось как: «Эй!» На строительстве адской железной дороги это могло значить примерно следующее: «Пойди сейчас же в амбар и возьми...»

Для нового лагеря японские инженеры выбрали место у ручья. Первым заданием было очистить территорию от

растительности, вырубить бамбук. Тот был толщиной в человеческую руку и достигал шестидесяти футов в высоту.

Связанные вместе при помощи лиан, побеги бамбука образовывали блоки, из которых формировался каркас хижины; после он накрывался связками растительности из джунглей. Все приказы прекрасно понимались пленными, хотя и озвучивались на языке, которого они не знали. Но тут вариантов не было. Если пленный не понимал приказ или делал не то, что нужно, то конвоиры прибегали к жестокому наказанию.

Однажды Лес Сирл стал свидетелем потрясшей его картины: одного пленного забили до смерти лопатой только за то, что он не понял приказа по-японски. Это была абсолютно бессмысленная смерть. Ужасающие избиения и брань продолжались, как в Глогоре. Наказывали пребыванием в клетке. Но садизм здесь был чем-то вроде дневной нормы, направленной, казалось, на то, чтобы погубить пленных как можно раньше. Надзиратели проявляли убийственную, нечеловеческую жестокость, к которой нельзя было привыкнуть.

Бывший сержант, а ныне священник Питер Хартли возглавлял одну из бригад. Бригадир выполнял меньший объем работы, но нес ответственность перед конвоирами за своих подчиненных и за выполнение приказа.

Однажды утром Хартли увидел, как японский конвоир вымещает свой гнев на ком-то без особой причины. Надзиратель занес лопату прямо над головой человека. Такой удар мог тяжело травмировать пленного, может, даже убить. Японец уже замахнулся, но внезапно оступился и занес лопату над головой узника еще раз. Действуя инстинктивно, Хартли подбежал и схватил конвоира за руку... Как вернулся в лагерь, Хартли не помнил. Очнулся он весь в ранах, нанесенных острием лопаты, забинтованный и перевязанный.

Самыми худшими были условия у тех, кто трудился непосредственно на прокладке железной дороги. Лес Сирл и его бригада работали большей частью в тени джунглей, а другие пленные были предоставлены безжалостному солнцу. Южнее четвертого лагеря дорога должна была пересекать экватор. Лишь ранним утром легкая дымка окутывала джунгли. Все остальное время температура здесь была невыносимой для полуобнаженных мужчин, которые должны были работать весь день без перерыва.

Фрэнк Уильямс был старшим в отряде, состоящем из восьми человек. Они перевозили рельсы. Сначала узники должны были построиться по росту, чтобы вес рельса равномерно лег на их костлявые плечи. По команде рельс поднимали в воздух. Движение с трехсоткилограммовым куском металла, который держали два ряда голодных, истощенных, полуголых и большей частью разутых людей, всегда было рискованным занятием. Погрузка скользких, нагретых солнцем рельсов могла быть по-настоящему убийственной.

Две шеренги мужчин должны были идти, соблюдая ритм, чтобы ноша была сбалансирована и не свалилась кому-нибудь на ногу. Однако только что прибывшие в эту бригаду, например Фрэнк и его товарищи, еще не обучились этому досконально. Под неумолимым солнцем железные рельсы нагревались до высокой температуры, и тут не помогала даже одежда — сквозь нее легко было получить ожог. А работа всегда должна была делаться быстро — любое замешательство или послабление карались ударами винтовочных прикладов.

Конвоиры стояли в конечном пункте доставки, где рельсы надо было последовательно выкладывать на шпалы. По команде конвоиров огромный вес поднимали с плеч, а потом ак-

куратно опускали. Шпалы еще не были наглухо закреплены, поэтому если пленные клали рельс неточно, то он мог соскользнуть и травмировать кого-нибудь.

После каждой успешной операции бригадиру рисовали палочку. Когда команда набирала дюжину таких палочек, им разрешали выпить по чашке «чая» — горячего грязеподобного пойла, подогретого в бочке. Пить чай медленно было нельзя, так как конвоиры в любой момент ударами могли выгнать команду на работу. В середине дня солнце висело прямо над головой. Огромное, слепящее, солнце было еще одним врагом носильщиков рельсов. Воздух, казалось, пылал огнем. Каждый вздох будто наполнял легкие тяжелым огнем. Беспощадный жар высасывал всю влагу с незащищенной кожи, припекал голову и плечи.

Во время обеда можно было позволить себе несколько прекрасных минут облегчения. Но все это измерялось одной чашкой чая, горькой вареного риса и порцией водянистого супа из листьев маниока. Как только пища проглатывалась, работа возобновлялась, а все мысли пленников уже были о вечере, когда их истощенные тела смогут отдохнуть, и о новом приеме пищи.

Подняв тяжелый рельс, Фрэнк и его товарищи начинали скандировать: «Левой, правой, левой, правой, левой, правой...» Если движения носильщиков не были абсолютно синхронными, на одно плечо ложилась непомерная нагрузка, которая могла привести к ужасным последствиям.

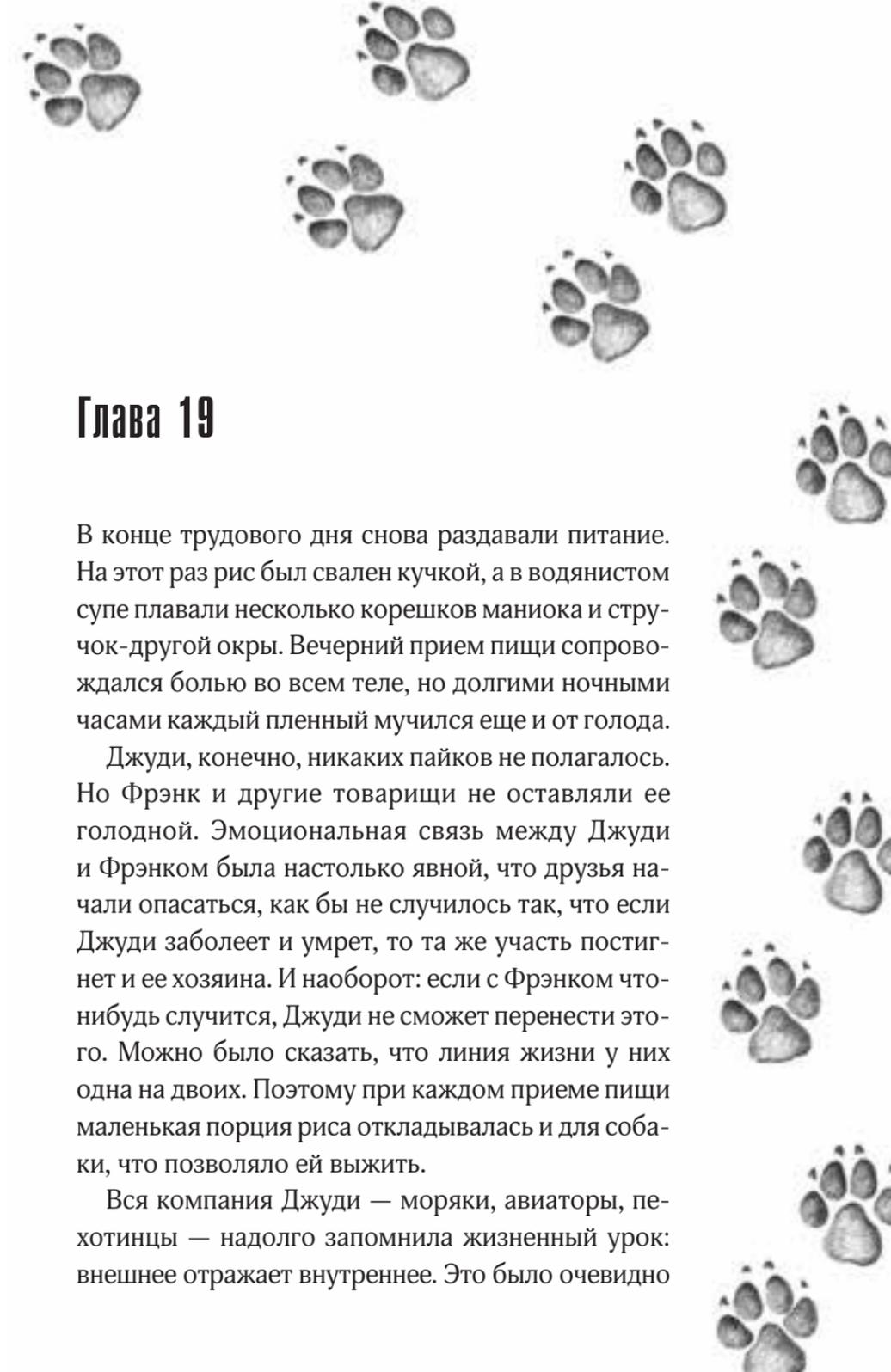
Джуди бегала невдалеке, принохаясь, нет ли чего интересного в джунглях. Время от времени она оборачивалась, чтобы посмотреть, все ли в порядке с носильщиками, убедиться, что нет никаких проблем с конвоирами. Джуди любила побродить в джунглях: здесь было много необычных,

потрясающих запахов, а густые заросли могли таить в себе любимое собачье лакомство — свежие кости.

Когда пленники возвращались к пункту отправки — самая тяжелая работа была выполнена, — можно было свалиться на насыпь перед дорогой. В этой местности она была необходима, чтобы укрепить землю, так как территория была низинная и заболоченная. В других местах армия людей должна была прорубать себе путь через горы при помощи одних лишь ручных инструментов. Эта армия состояла из десятков тысяч ромушей, которые умирали в количестве ста и более человек в день.

Пленные, конечно, могли жаловаться на то, что недоедают, но ромушам пропитание вообще не предоставлялось. Ровным счетом ничего. И каждую ночь после адского дневного труда они должны были ночевать в джунглях. Они в буквальном смысле использовались как живая сила, а потом просто списывались, как только сильно ослабевали или заболели и уже не могли двигаться.

Заросли были завалены трупами, на которые тут же набрасывались любители падали: крысы, гигантские игуаны, тигры. Повсюду лежали обглоданные скелеты ромушей. И для Джуди кости с остатками плоти, разбросанные повсюду, были искушением, особенно если учесть, что никакой пищи она не получала. Но главным вопросом для нее оставался следующий: как она может защитить любимую семью от участи, постигшей многих ромушей?

Глава 19

В конце трудового дня снова раздавали питание. На этот раз рис был свален кучкой, а в водянистом супе плавали несколько корешков маниока и стручков-другой окры. Вечерний прием пищи сопровождался болью во всем теле, но долгими ночными часами каждый пленный мучился еще и от голода.

Джуди, конечно, никаких пайков не полагалось. Но Фрэнк и другие товарищи не оставляли ее голодной. Эмоциональная связь между Джуди и Фрэнком была настолько явной, что дружба начали опасаться, как бы не случилось так, что если Джуди заболит и умрет, то та же участь постигнет и ее хозяина. И наоборот: если с Фрэнком что-нибудь случится, Джуди не сможет перенести этого. Можно было сказать, что линия жизни у них одна на двоих. Поэтому при каждом приеме пищи маленькая порция риса откладывалась и для собачки, что позволяло ей выжить.

Вся компания Джуди — моряки, авиаторы, пехотинцы — надолго запомнила жизненный урок: внешнее отражает внутреннее. Это было очевидно

для каждого военнопленного. Те, кто падали духом, наиболее часто погибали в неравной борьбе или попадали в «госпиталь», откуда потом мало кто возвращался. Было жизненно необходимо следить за собой, помнить о чистоплотности. Хотя здесь, в ободранном лагере для строителей адской железной дороги, было мало шансов держать тело и мысли в чистоте.

В четвертом лагере «банные процедуры» проходили в спокойной грязной реке. Помыться можно было только вечером. Для этого необходимо было пробраться через темный лес, огибая наполовину погруженные в топь стволы деревьев. Это было тяжелейшее мероприятие для тех, кто работал почти до полусмерти и чувствовал лишь жгучее чувство голода.

Такая мрачная реальность сопровождала первые дни их пребывания на «ненасытной» стройке суматранской железной дороги. Однако на носу был сезон дождей, и узники поняли, что это неплохая альтернатива речному купанию. Стоило немного подождать, скоро, словно занавес, откроются небеса, и ливневые потоки заменят им душ.

Пленники часто сравнивали свою нынешнюю жизнь и прежнюю, вспоминали, как исследовали голландские помойки в Паданге, как получили посылку от Красного Креста в Глогоре, как им дали Библию в Дорожном лагере. В Глогоре Фрэнк мог себе позволить даже отложить немного сахара из дневного рациона — грубого, коричневого местного сахара. Невероятно, но при помощи сахара можно было мешать японцам вести войну. Как только конвоир поворачивался спиной, они всыпали несколько ложек сахара в бочки с авиационным топливом и в емкости с бензином, которые разгружали. Считалось, что сахар препятствует реакции горения

в двигателе. При нагревании он превращает содержимое в грязь, которая липнет к внутренним стенкам двигателя. Но настоящее разрушение происходило тогда, когда мотор остывал: вместе с ним остывала и сахароза, становясь твердой, как камень, и забивая все «артерии» двигателя.

Такой поступок в Глогоре мог повлечь за собой наказание клеткой, здесь же за это грозило избиение до смерти острым концом лопаты. Тем не менее риск с целью испортить вражеский самолет был оправдан. Но это можно было сделать в Глогоре, не здесь.

После долгой ночной борьбы с голодом следующий день в четвертом лагере начинался, как и предыдущий. Единственной интригой был вопрос, каких надзирателей поставят над бригадой сегодня. В четвертом лагере, как и в большинстве других, корейцы были гораздо более злыми и садистски настроенными.

В 1910 году Корея, которая до этого являлась независимой страной, была полностью аннексирована императорской Японией. Большинство корейцев воспитывались в презрении к японским оккупантам, а те, кто были наняты японской армией, представляли собой отбросы общества. Им нечего было терять. Они поставили на оккупантов и полностью от них зависели. Они получили униформу, оружие и... право даровать жизнь или смерть. Но никакой милости ожидать от них не приходилось. В противоположность им некоторые японцы испытывали сочувствие к военнопленным, ведь те были воинами и знали, что такое честь.

Во втором лагере — «госпитале», или «доме смерти», — корейские конвоиры тушили сигареты о лица больных и умерших. В уши узников надзиратели загоняли карандаши и другие острые предметы, пробивая барабанные перепонки.

В каждом лагере были свои списки монстров, чьи прозвища напоминали о пытках и жестокостях, с которыми они ассоциировались: Борец (гигантский кореец, который вызывал скелетоподобных пленных на бой), Свинья (коренастый и безмозглый жестокий монстр) и так далее. Но, наверное, самым страшным в четвертом лагере был темнобородый кореец по прозвищу Черный Капрал.

В голове стройки рабочим часто не хватало шпал, без которых работа просто стояла. Несколько узников послали в джунгли свалить пару деревьев и наскоро смастерить из них шпалы. Среди них был механик со «Стрекозы» Леонард Уильямс, знавший каждый винтик на корабле. К сожалению, его надзирателем был Черный Капрал.

Уильямс уже давно был горячим поклонником Джуди из Сассекса. Он не раз встречался с ней на корабле, пил воду, которую она отыскала после крушения на необитаемом острове, разделял с ней все тяготы. Часто, разговаривая с узниками, он называл собаку «потрясающим спасателем» и «собакой на миллион». С ним нельзя было поспорить. Но Джуди была всего одна, она не могла быть одновременно со всеми, кто нуждался в ее помощи.

Леонард Уильямс и Ленс Смит как раз рубили гигантское дерево в лесу. Местные, как правило, оставляли такие деревья нетронутыми, так как иметь с ними дело опасно. Листья некоторых здешних деревьев были очень ядовиты. Когда дерево рубили, листья осыпались и при соприкосновении с кожей вызывали ужасные покраснения и болезненные высыпания. Другую опасность представляли собой агрессивные красные муравьи.

Иногда дерево являлось муравьиным домом, и они яростно его защищали. За считанные секунды они обсыпали руки,

ноги, голову человека, рубящего дерево... Вскоре он чувствовал, что все его тело горит огнем. Один из самых ненавистных корейских конвоиров применял муравьев во время пыток. Его прозвище было Жирный. Он любил подвешивать пленного обнаженным так, что ноги узника едва касались земли. Затем надзиратель собирал красных муравьев и клал их бедолаге в рот, нос и на гениталии, после чего оставлял жертву жариться на солнце и наполняться ядом муравьев.

Жирный угрожал Джуди и ее товарищам, что станет их конвоиром, когда они продвинулись в строительстве дальше. Но все-таки на этом участке самым опасным был Черный Капрал. Нужно крайне осторожно браться за рубку гигантского дерева в глухих джунглях и быть вдвойне осторожным, когда делаешь это под суровым взглядом такого человека.

На мгновение Ленс Смит позволил себе задуматься о чем-то и что-то пробормотал. Конвоир посмотрел в его сторону. Неразборчивого шепота оказалось достаточно, чтобы вызвать в Черном Капрале адский гнев. Как только Смит взмахнул топором, надзиратель неожиданно ударил его прикладом винтовки по голове. Смит потерял равновесие и вместо того, чтобы ударить по дереву, вонзил топор себе в ногу.

Для Черного Капрала Смит был лишь одним из многочисленных рабов, которые в какой-то момент оказывались бесполезными. Тяжело раненный британский военнопленный теперь был непригоден к работе на строительстве Императорской железной дороги. Черный Капрал приказал оставить истекающего кровью мужчину у насыпи. Вагонетка, которой людей доставляли на работу, вечером отвезет его в лагерь. Кто-то из команды Смита смастерил жгут, чтобы тот не умер от потери крови.

Было уже семь часов вечера, когда пленники наконец справились со своей работой, а бедолага по-прежнему лежал у железнодорожных путей. К этому моменту Смит был уже при смерти. Его жизнь можно было бы спасти, только ампутировав травмированную ногу. Эту операцию британский доктор выполнял без необходимых хирургических инструментов и обезболивающих, и все лишь потому, что Смит якобы разговаривал во время работы под надзором Черного Капрала.

В тот раз Джуди не было рядом, она не могла защитить пленного от чужой жестокости, но скоро придет время, когда она сможет помочь, и собака включится в борьбу.

Военнопленным было очень тяжело, но они все еще продолжали сопротивляться морально. Их первый шок оттого, что они попали в такие адские условия здесь, на Суматре, начал притупляться. В этом чудовищном месте англичане умудрились сохранить британский «бульдожий» дух, чувство юмора (преимущественно черного) и желание дать отпор тиранам, какими бы ничтожными ни казались шансы осуществить мечту.

Что касается юмора, то в последнее время они шутили на тему СЖРП. Пленные собирались основать организацию — Союз железнодорожных рабочих Паканбару, сокращенно СЖРП. Сюда приглашались все желающие, независимо от национальности и других критериев, — четвероногие члены приветствовались так же, как и двуногие. Они могли требовать оплаты своего труда, более короткого рабочего дня, лучших условий и работы по графику. У них была столовая, клуб с баром и ежедневные конференции с короткими выступлениями, а также хорошее пиво и сэндвичи.

Такой юмор повышал моральный дух, и вместе с тем идея саботировать работу на стройке потихоньку формировалась

в головах у тех, кто еще готов был оказывать сопротивление. Фрэнк Уильямс, Леонард Уильямс, Джок Девани, Питер Хартли — все они знали, что, сознательно препятствуя строительству, подвергают себя большой опасности, но ведь они и так смотрели в глаза смерти каждый день. Джуди в своей неповторимой манере играла ключевую роль в очередной рискованной затее.

Метод саботажа был гениально прост. Если они не были заняты переноской рельсов, то занимались их укладкой на шпалы. Обычно это делают при помощи длинных болтов, которые крепят железо к дереву. Однако из-за невообразимой спешки японцев, те отдавали предпочтение металлическим штырям. Они должны были забиваться молотком в пазы рельса и уходить наглухо в дерево при помощи кувалды.

Забивание штырей под палящим солнцем губило спину, однако давало уникальную возможность для саботажа. Штыри имели форму клина, тупого с одной стороны. Если клин заходил в дерево в неровном месте, там образовывались трещины и крепление ослаблялось. Под массой проходящего локомотива деревянные шпалы раскалывались надвое. В идеальном случае возможен был даже сход локомотива с рельсов.

Конечно, это была палка о двух концах, так как железной дорогой пользовались и рабочие, так что они запросто могли стать первыми жертвами такого саботажа. Но как должно быть, так и будет. Подобные рискованные действия все равно были лучше, чем тупое животное существование.

Кроме того, Фрэнк Уильямс и его команда могли класть шпалы на неровную и мягкую, неутрамбованную землю в надежде на то, что те разойдутся под весом несущегося локомотива и это приведет к аварии.

Каким-то образом Джуди всегда чувствовала, когда имел место такой саботаж. Все ее мысли о лесной охоте забывались. Она занимала пост караульного, находясь между злоумышленниками и тем местом, откуда могли показаться конвоиры. Когда все было тихо, она преспокойно дремала, положив голову на передние лапы.

Еще задолго до того, как должен был показаться надзиратель, она открывала свое всевидящее око. Через мгновение она вставала на задние лапы и, наострив уши, принюхивалась, пытаясь определить запах — Борец? Кинг Конг? Или Черный Капрал? Как только Джуди убеждалась в том, что один из них приближается, она сигнализировала об этом воем — единственным способом, которым могла предупредить о появлении ненавистного конвоя. Голос Джуди из Сассекса нельзя было спутать с воем дикого зверя. Ее сигнал четко возвещал о том, что корейцы или японцы уже близко. Вновь собака выполняла роль спасителя.

Вскоре и сама природа показала, что является блестящим помощником в деле саботажа. В сентябре начался сезон дождей. Тяжелые облака опускались низко над землей, и налетали сильные штормы. Сверкали молнии, гремел гром... Крупные животные начали передвигаться в поисках сухих мест на высокогорьях.

Джунгли наполнялись жизнью. Джуди не раз чуяла присутствие больших кошек неподалеку от места строительства.

Однажды огромная куча слоновьего навоза спасла от избиения группу пленных. Те просили у конвоира разрешения сходить в лес, чтобы справить нужду. А на самом деле, чтобы покурить. Совершенно случайно по дороге к лагерю ими были найдены ростки табака, а Питер Хартли обнаружил, что страницы Библии хорошо подойдут в качестве папиросной

бумаги. Курение немного притупляло неотступное чувство голода.

Курильщики отсутствовали, по-видимому, слишком долго, и конвоир отправился на поиски. Унюхав табачный запах, он потребовал доказательств того, что рабочие действительно занимались тем, для чего отпрашивались. И как раз в этот момент один из пленных увидел огромную кучу слоновьего навоза. Он указал на него:

— Разве это не доказательство? — Надзиратель пораженно уставился на него. — Много-много дерьма, — объяснил пленный.

Охранник почесал репу и приказал пленным возвращаться назад, к работе.

Когда дождь полил еще более яростно, поголовье слонов стало искать себе более сухое место. Они ринулись через непонятный объект, перегораживающий их тропу. Поначалу, завидев насыпь, слоны инстинктивно отпрянули, но потом поняли, что пути назад нет. Главный самец повел свое стадо через насыпь. Во время перехода шпалы, ослабленные плохим креплением штырей, рассыпались, как спички, а плохо проложенные рельсы погнулись и сместились.

Другие животные, которые до этого держались поодаль, подошли ближе к лагерю. Однажды вечером японские конвоиры начали кричать, что тигры пробрались к их домашнему скоту и взяли несколько «японских свиней» (животных они держали для пополнения собственного рациона). Несмотря на усталость пленных, из хижин послышался смех и крики:

— На кого из конвоиров напал тигр?

Но ливни приносили не только эти редкие моменты радости, но и дополнительные страдания. Дождь, водопадом

ливший с темного неба, был неожиданно холодным. Сезон дождей повлек за собой установление низких температур, ночи стали промозглыми, холодными. Для здоровых, хорошо питающихся обладателей нормальных спальных комплектов это не составило бы проблемы. Но голодным, истощенным пленным, которые были рады одному единственному одеялу, это могло принести серьезные неприятности.

И как никогда стала важна пища. Все разговоры были об этом, все мечты, все планы были нацелены только на это — достать еду. Главной задачей было добыть хоть какие-то калории, чтобы отсрочить смерть. Все, что хотя бы условно могло считаться съедобным, должно было быть отловлено и съедено. А настоящим профессионалом в этом деле являлась Джуди из Сассекса.

Ей не надо было больше указывать на потенциальную жертву. Каждый день, пока люди работали, она рыскала в джунглях, пытаясь поймать кого-нибудь. Часто это были змеи. Джунгли Суматры кишат ими, но многие из них крайне ядовиты. Собака устраивала дуэль со своей жертвой, плясала вокруг нее, пока та не выбивалась из сил, а потом дезориентировав ее, нападала сама. Она хватала змею за хвост, сильно трясла ее, ударяя головой о землю, а потом хватала за шею и гордо несла к ногам Фрэнка. Джуди стала настоящим охотником, даже конвоиры знали о ее таланте и, конечно, желали получать от этого выгоду. В основном с жертвами она расправлялась сама, но иногда бывало, что добыча оказывалась ей не по силам. Дикие кабаны, олени, медведи или тигры — если она встречала кого-либо такого размера, то начинала яростно лаять. Конвоиры вскоре поняли, что это может означать. Они тут же бежали с ружьями наперевес в надежде разжиться свежим мясом.

Конечно, самое лучшее они брали себе, оставляя пленным лишь потроха и кости.

Каждый вечер в четвертом лагере над огнем болтались дюжины консервных банок. Пленные толпились у огня, словно ведьмы на шабаше. Змеи на вкус напоминают курицу, из них получается прекрасный суп. Кроме того, джунгли были домом для огромного количества другой экзотики — гигантских тростниковых крыс, ящериц, даже обезьян. Ничто не могло укрыться от внимания собаки и ее вечно голодных компаньонов.

Во время дневного перерыва пленные уже привыкли питаться подножным кормом: грибы, корни растений, ягоды, фрукты — собирали все, что только можно было съесть. От нидерландцев, несколько поколений которых жили на этой дикой территории, они узнали, что ядовито, а от ромушей — что съедобно и как это приготовить, чтобы хоть чуточку разнообразить свой скудный рацион.

После случая с Черным Капралом на лесоповале Леонарда Уильямса отправили работать с Джуди и товарищами. Однажды он заметил, что собака, которую все так лелеяли, будто бы не в себе, и предположил, что ее ужалила змея. Им в тот день было приказано расчищать заросли вместе с ромушами.

Леонард Уильямс познакомился с ними, надеясь, что они знают какое-нибудь местное лекарство от укусов змей. В процессе он обратил внимание, что у них странные ярко-зеленые кончики пальцев. При помощи жестов он спросил, почему так?

Чтобы объяснить, ромуша подвел его к кусту и провел по его стеблю большим и указательным пальцем. Листья стали осыпаться, и он взял их в руку. Ромуша жестами показал, что

они готовят и едят эти листья. В них много железа, пояснил он, а именно его больше всего не хватает в их рационе. Леонард тут же сообщил об этом друзьям. Листья нельзя было назвать вкусными, но теперь кончики пальцев Леонарда и его товарищей тоже были ярко-зелеными.

Сбор странных листьев и грибов не возбранялся конвоирами, а вот бартер с местными был запрещен. Жертвы кораблекрушения, которые потеряли практически все, на первый взгляд мало чем располагали. Однако у многих узников до сих пор имелись драгоценные кольца (с помолвки, обручальные, фамильные), а ведь золото везде в цене. Проблема была в том, что любые контакты с местными строго запрещались правилами и сурово карались.

Как и раньше, главную роль в операциях обмена отдали Джуди. Она бежала вдоль линии строительства железной дороги, где работала ее бригада, словно хотела о чем-то предупредить. Фрэнк Уильямс уже хорошо знал язык ее тела. Именно такое ее поведение свидетельствовало о том, что возможность для бартера открыта. Джуди останавливалась у куста — якобы понюхать, при этом голова и туловище практически скрывались в нем, задняя же часть оставалась снаружи, а хвост бился из стороны в сторону. Это означало, что там ждет местный, готовый обменяться.

Джок Девани вспомнил свои навыки ловкого дельца, но самым потрясающим вновь оказалось то, что они приноровились проворачивать сделки прямо перед носом у конвоиров. Обе стороны соблюдали правила.

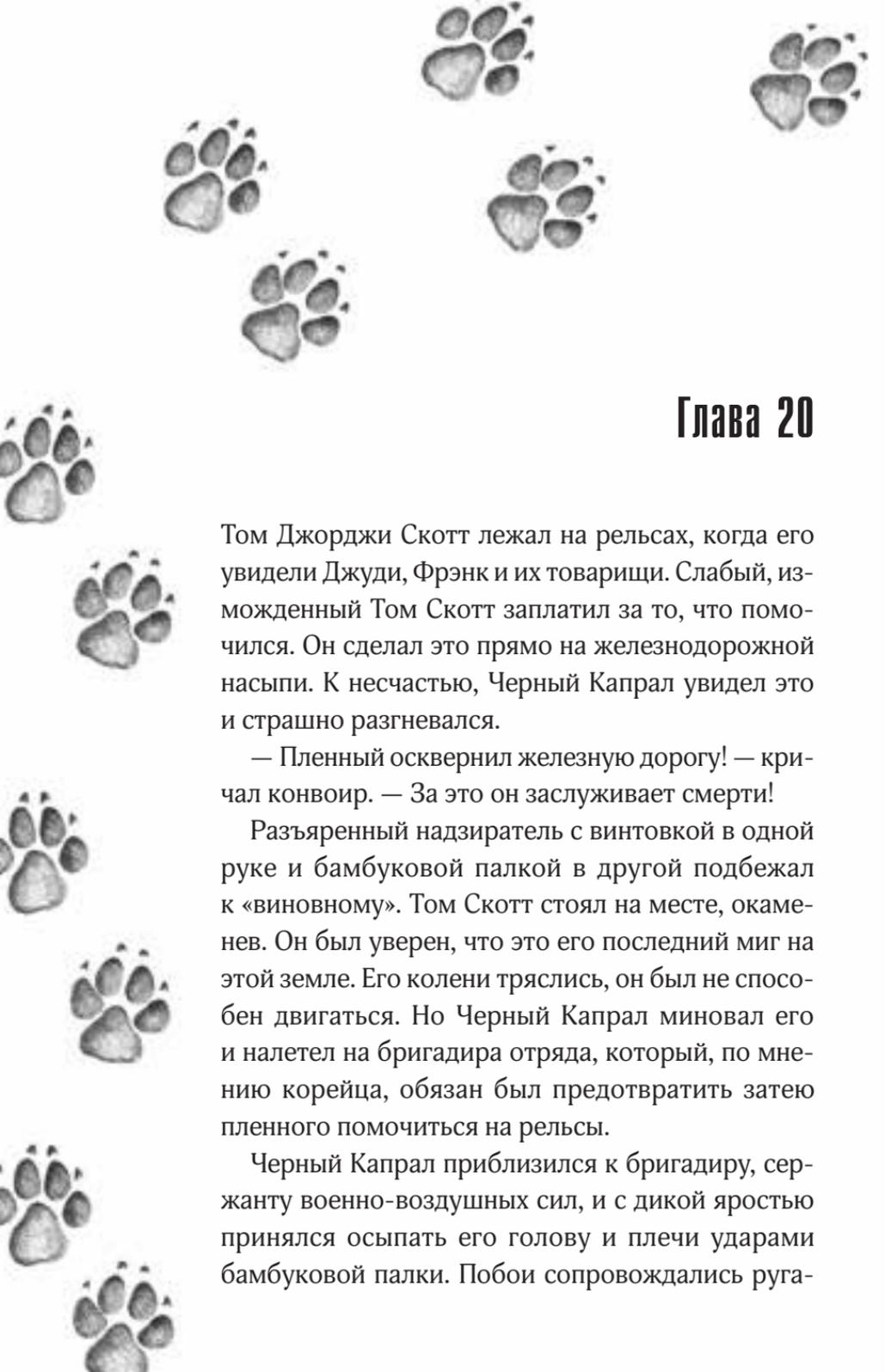
Однажды пленный собрался продать старое золотое кольцо. Оно было потерто и поломано, но это по-прежнему было золото. При посредничестве Джуди повторилась история с кустом, и, шепча, стороны ударили по рукам.

В обмен на кольцо пленный получил кофе и табак, которые особо ценились, потому как были запрещены, а также пару десятков яиц и связку бананов.

Обмены и заметание следов были жизненно необходимы, чтобы не умереть голодной смертью. А саботаж был нужен, чтобы отсрочить душевную смерть. Но и та и другая деятельность могли привести к смертельному наказанию.

Скелетоподобные люди продолжали трудиться под безжалостным солнцем. Это была повседневная жизнь тех, кто когда-то спасся при крушении судна «Van Waervijck». Недели переходили в месяцы, а нечеловеческие условия содержания только ухудшались. Пленные слабели, организм переставал выполнять свои обычные функции.

Но даже болезнь не могла освободить человека от нескончаемого строительства адской железной дороги.

Глава 20

Том Джорджи Скотт лежал на рельсах, когда его увидели Джуди, Фрэнк и их товарищи. Слабый, изможденный Том Скотт заплатил за то, что помочился. Он сделал это прямо на железнодорожной насыпи. К несчастью, Черный Капрал увидел это и страшно разгневался.

— Пленный осквернил железную дорогу! — кричал конвоир. — За это он заслуживает смерти!

Разъяренный надзиратель с винтовкой в одной руке и бамбуковой палкой в другой подбежал к «виновному». Том Скотт стоял на месте, окаменев. Он был уверен, что это его последний миг на этой земле. Его колени тряслись, он был не способен двигаться. Но Черный Капрал миновал его и налетел на бригадира отряда, который, по мнению корейца, обязан был предотвратить затею пленного помочиться на рельсы.

Черный Капрал приблизился к бригадиру, сержанту военно-воздушных сил, и с дикой яростью принялся осыпать его голову и плечи ударами бамбуковой палки. Побои сопровождались руга-

ню: тот якобы позволил опорочить этим поступком доброе имя всех японских сил и Его Императорского Величества Хирохито собственноручно.

Затем Черный Капрал потребовал, чтобы бригадир избил провинившегося пленного. Один британский пленный должен был избить другого британского пленного, в противном случае надзиратель колотил бы его по голове, наверное, до смерти. Бригадир отвесил Тому Скотту несколько тумачков вполсилы, но это только раззадорило Черного Капрала, который все усиливал свои удары бамбуковой жердью. Он хотел, чтобы бригадир бил своего товарища с бóльшим энтузиазмом.

Если его ничто не отвлекало, Черный Капрал мог забить человека до смерти. Том Скотт подошел к окровавленной жертве.

— Ударь меня, сержант! — закричал он. — Ради Христа, ударь меня!

Не дав ему договорить, избитый накинулся на Скотта с кулаками, как того и хотел Черный Капрал. Том Скотт пошатнулся и попятился назад под натиском бригадира. Было ясно, что дело кончится тяжелыми травмами, а может, и смертоубийством.

Со стороны за этим кое-кто наблюдал. Нетерпение и гнев Джуди все возрастали. Она скалилась, а ее глаза наливались кровью от ужаса, свидетелем которого она стала. Вдруг она стрелой пронеслась мимо, направляясь к кустам. Через минуту раздался ее лай, которым она обычно предупреждала о появлении крупного зверя. В таких случаях приходил конвоир с ружьем и помогал с ним справиться.

Похоже было, что яростный лай привел Черного Капрала в чувство. Окровавленная бамбуковая жердь замерла

в воздухе. Черный Капрал глянул в сторону кустов, его мозг усиленно обрабатывал поступающую информацию. Нужно было сделать выбор: защитить честь Империи и забить пленного до смерти или застрелить зверя к ужину.

Голод пересилил чувство долга перед Империей, поэтому он направился туда, откуда доносился лай, с винтовкой наготове. Две жертвы избиения были спасены. Все в крови и в синяках, они, спотыкаясь, направились за помощью.

Конечно, никакого крупного животного в кустах не оказалось. Джуди увидела зверства, поняла, что должна спасти этих пленных, и придумала как. Она шла на большой риск. Такие, как Черный Капрал, могли бы застрелить ее на месте, если бы раскусили обман. Но это было заложено в ней самой природой — оказывать помощь нуждающимся, а здесь, на строительстве чертовой железной дороги, военнопленным так нужна была помощь!

Ей удалось пробраться в джунгли незамеченной. Она подала Черному Капралу сигнал, а потом тихонько возвратилась к своим. Выигрывать время иногда было жизненно необходимо. Собака обманывала смерть не раз, и удача всегда была на ее стороне. Но рано или поздно...

Впервые Джуди почувствовала запах смерти в тот момент, когда еще крошечным щенком протискивалась в лазейку под забором питомника. Потом она попала на корабль «Москит», команда которого несла опасную службу на реке Янцзы. Игры со смертью продолжались и в Ханкоу, когда на пристани ее чуть было не застрелил японский надзиратель; затем она попала на борт «Кузнечика», вскоре затопленного, и нарвалась на крокодила у реки Индрагири; ее контрабандой вывозили из Глогора, выбрасывали с тонущего корабля в открытое море... После прибы-

тия в Сингапур она чудом избежала смерти, попавшись на глаза капитану Нисси.

Получалось, что на данный момент она проживала уже восьмую жизнь, а значит, обманывать смерть ей оставалось недолго.

К тем, кто спасся после крушения судна «Van Waerwijck» и теперь мучился на строительстве «дороги на крови», должна была добавиться еще одна группа. Их истории были не менее страшны и трагичны. В середине сентября 1944 года японский грузовой корабль «Junyo Maru» плыл с соседней Явы: в трюме томились две тысячи военнопленных и более четырех тысяч ромушей, что в девять раз превышало количество людей, находившихся на борту «Van Waerwijck».

18 сентября 1944 года у побережья Суматры «Junyo Maru» был торпедирован британской субмариной «Tradewind». Корабль затонул в считанные минуты. Погибло пять тысяч шестьсот двадцать человек — по сей день эта морская катастрофа считается самой массовой по количеству жертв.

22 сентября около четырехсот выживших попали в четвертый лагерь и присоединились к нашим героям. Они, спотыкаясь, зашли на территорию, словно легион прокаженных. Среди них был и Руз Войси, молодой британский солдат, взятый в плен в Сингапуре. Руз уже побывал в плену у японцев на острове Харуку, на Молуккских островах, или, как их еще называют, Островах пряностей. Там он был задействован на прокладке дорог по пустынной, образованной кораллами территории.

Он спасся при крушении корабля «Junyo Maru», выпрыгнув через иллюминатор каюты и прихватив с собой латанную шляпку и пару досок для гребли. При помощи веревки он привязал себя к шляпке — это был единственный способ

держаться на плаву. После сорока восьми часов пребывания Руза в море у него начались галлюцинации. Он мог поклясться, что у него было видение, будто рай зовет его, — яркое побережье с музыкой, смеющимися и танцующими людьми. В конце концов он был спасен японским кораблем, на котором и прибыл в Паканбару для работ по строительству железной дороги.

Видя ужасное состояние Руза и сотен других прибывших в лагерь, военнопленные-старожилы добровольно решили избавить их от работы на стройке. Новоприбывшим в обязанности вменялись более легкие виды работы — ходить за водой, рубить дрова для костра, копать яму для уборной. Это дало Рузу возможность привыкнуть к обстановке, которая в целом была схожа с условиями на укрытом джунглями Харуку, откуда он прибыл. Единственный факт, который поразил его в четвертом лагере, — это то, что у пленных была собака.

Руз, как и Фрэнк Уильямс, обожал животных, и даже все пережитое не уменьшило его способности любить их. Но его удивило, что эта бойкая, относительно здоровая, съедобная, наконец, собака до сих пор оставалась живой. Как ее защитники сумели оградить собаку от участи быть съеденной, он не понимал. Шла такая суровая борьба за выживание, что любое существо на четырех ногах воспринималось как еда. Джуди казалась ему ходячим чудом. Руз до сих пор сожалел, что на Харуку съел кота. Постоянный голод заставлял действовать по-животному. Здесь люди тоже были готовы есть все, что попадется под руку. В четвертом лагере каждое живое существо имело свою цену, несмотря на то что могло выглядеть чересчур маленьким или несъедобным. Мышь стоила один гульден, крыса — два с половиной... И даже на мух была своя цена.

Вдобавок ко всем кошмарам лагеря, японцы постановили, что тот, кто настолько болен, что не может работать, должен наловить двести мух в день, чтобы самому себе обеспечить дневной рацион. Японцы решили, что нужно экономить на пропитании больных, так как они не работают. Мухи переносили огромное количество заболеваний, довольно типичных для обитателей лагеря, поэтому больные должны были сделать хоть что-то полезное.

Больной, который нуждался в покое, должен был купить его себе, заплатив другому за отлов необходимого количества мух. Некоторые пленные мастерили хитроумные ловушки для мух, чтобы потом иметь возможность их продать. Некоторые делали деньги, вырезая вещи, в которых могут нуждаться узники. Особым спросом пользовались деревянные сандалии. Кое-кто потерял во время крушения «Junyo Maru» вставные челюсти, и один человек стал мастером по производству особых челюстей из дерева.

Вскоре после того как лагерь пополнился новыми пленными, Лес Сирл был возвращен со строительства лагеря и присоединился к своим старым друзьям. Его шокировала чудовищная обстановка на прокладке железной дороги. Страшные тела, напоминающие скелеты, поднимали тяжести, потели, стонали, пока рабочий день не заканчивался. Иногда люди попросту падали на месте. Тех, кто был слишком слаб или травмирован, отправляли в «дом смерти».

В ужасных условиях, без надлежащего питания малейшая травма или порез не заживали. У многих пленных развивались тропические язвы, иногда размером с чайное блюдце. Язва разъедала мясо до кости. Малярия, дизентерия, авитаминоз и солнечный удар были самыми обычными явлениями. А в так называемом госпитале не было даже примитивных

медикаментов, хотя Девис постоянно упрекал японцев в том, что условия пребывания в лагере для военнопленных просто ужасны.

Фактически японское командование создало прекрасные условия для того, чтобы больные умирали. Это заставляло многих думать о том, что суматранская железная дорога — скорее проект по истреблению узников, а не стройка. К октябрю 1944 года каждый день умирало уже более десяти человек. В среднем на каждом километре проложенной железной дороги умерло двадцать пленных и около четырехсот ромушей.

Тем более удивительно, что по прошествии четырех месяцев тяжелейших работ боевой дух пленных не был сломлен. Как говорил Лес Сирл: «Мы мрачно шутим, но это поддерживает нас. Мы лишь чудом все еще висим на тонкой ниточке жизни».

Как и в Глогоре, здесь у пленных было секретное радио. Новости разносились шепотом, и тут уже нельзя было ручаться за точность. Радио было настроено офицером с искусственной ногой, это был алюминиевый протез. Каждую ночь радиоприемник разбирали и по частям прятали в ноге!

Это продолжалось до конца октября 1944 года, пока слухи о секретном радио не распространились слишком широко. Среди военнопленных на строительстве суматранских железных дорог было несколько американцев, в том числе капитан Джордж Даффи. Как и Фрэнк Уильямс, Даффи служил на торговом судне, пока его не потопил немецкий корабль. Капитан Даффи стал военнопленным и был передан японцам, после чего оказался в четвертом лагере. Для Даффи и еще горстки американцев их национальность стала в суматранских джунглях как благословением, так и проклятием.

Однажды ночью в последнюю неделю октября японские конвоиры устроили пьяную вечеринку. Рекой лилось саке и распевались победные песни, которые были слышны по всему лагерю. На следующее утро надзиратели хвастались решающей победой японского флота. Это было сражение в заливе Лейте — крупнейшая морская битва времен Второй мировой войны, которая произошла в водах Филиппин. По словам конвоиров, Флот Его Императорского Величества потопил целую армаду американских военных кораблей, в том числе один авианосец, два сопровождающих корабля и три эсминца.

Секретное радио пленников вскоре дало опровержение заявлениям японцев. На самом деле сражение в заливе Лейте закончилось их тяжелейшим поражением. Три легких авианосца, три боевых корабля, десять крейсеров и одиннадцать истребителей было потоплено американцами, более десяти тысяч японских моряков погибло. Всего двадцать семь японских кораблей ушли ко дну, в то время как союзные войска потеряли шесть.

По мере того как росли сомнения, японской пропаганде все тяжелее становилось скрывать информацию о потерях армии от своих военных, даже от тех, кто жил в мире, потерявшемся во времени. Японские и корейские конвоиры не могли не отметить изменения в атмосфере лагеря. Невидимая японская военная машина потерпела сильнейшее поражение в заливе Лейте, и пленные узнали об этом благодаря спрятанному в ноге радио.

Те, кто жили в четвертом лагере, теперь перебирались в пятый, расположенный в Лобозксакате, в двадцати трех километрах дальше по железной дороге. Колонна передвигалась шаг за шагом. Фрэнк Уильямс, Лес Сирл, отец Питер

Хартли и Джуди тоже меняли дислокацию, как и американский пленный Джордж Даффи. В пятом лагере были собраны тысячи пленных. Большинство из них были нидерландцами, британцами и австралийцами, но к ним добавилась горстка американцев, тех, чьи соотечественники добились, казалось, невозможного, выиграв у японцев сражение в заливе Лейте.

В свободное время Джордж Даффи обучался у пленных нидерландскому языку. В результате его часто принимали за нидерландца. В пятом лагере он возглавил бригаду, сформированную в основном австралийцами, которые должны были загружать гравий в вагонетки с открытым верхом. Когда вагонетки наполнялись, локомотив оттягивал их к месту строительства.

Даффи отвел специальное место под деревом для тех, кто был уже не в состоянии работать. Однажды к середине утра там лежало уже шесть скелетоподобных фигур, что заставило японцев подойти к ним. Бригадир поспешил объяснить, что эти мужчины больны и слишком слабы, чтобы работать. Это вызвало у конвоиров раздражение. Они спросили, австралиец ли он, но тот сделал вид, что ничего не понимает.

— *Англиска?* — спросил конвоир. — Ты англичанин?

Даффи вновь пожал плечами в знак непонимания.

— *Бланда?* — Что значило: «Голландец?».

Когда Даффи вновь попытался прикинуться, что не понимает, страж снял с плеча винтовку. Американец понял, что может получить прикладом. Даффи подался вперед и ткнул конвоира пальцем в грудь, а потом показал на себя.

— Америка! Америка! — сказал он. — Я американец.

Конвоир выпучил глаза. У него и в мыслях не было, что ужасные американцы могут находиться совсем близко от не-

го. Конвоир отмахнулся и приказал Даффи вернуться к работе, но слово «американец» засело в его голове, в результате чего он впал в ярость. Когда дело шло к обеденному перерыву, конвоир появился вновь. Теперь он прибегнул к такой провокации: взял винтовку за дуло, имитируя ею бейсбольную битку, затем размахнулся и ударил американца по торсу чуть ниже ребер. Удар показался Даффи достаточно сильным. Зная, что его могут забить до потери сознания, Даффи поднялся на ноги. Его ударили еще дважды, пока конвоир не решил, что с него достаточно.

После обеда некоторые товарищи убеждали Даффи не возвращаться в рабочую бригаду, потому что конвоир может продолжить издевательства. Даффи их не послушал, но к работе, как ни странно, не вернулся японский конвоир. Это лишний раз убедило американца в поражении японцев.

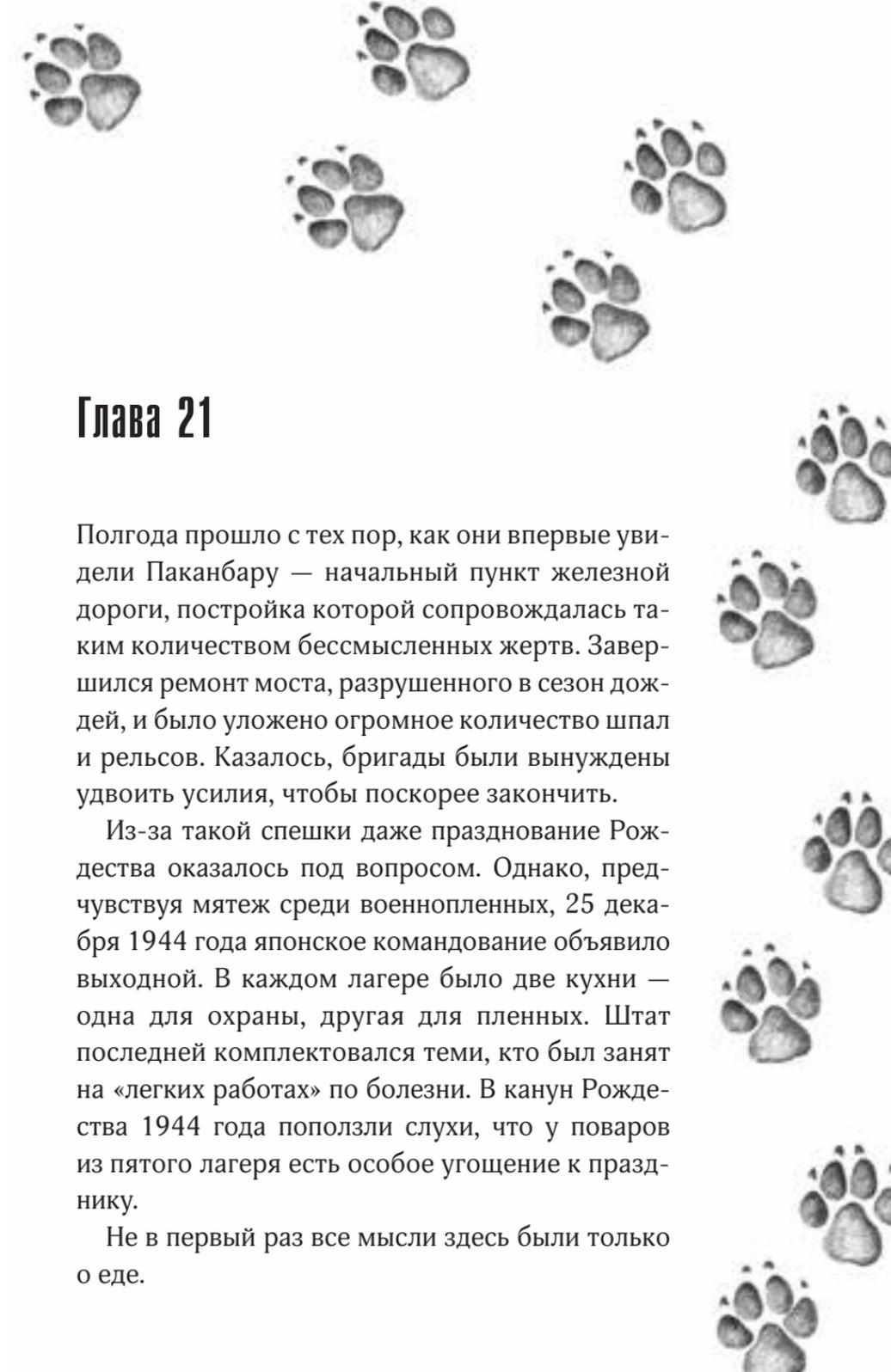
Настроения неповиновения прокатились среди британцев, австралийцев и особенно горстки американцев из пятого лагеря. Когда сезон дождей был в самом разгаре и даже в джунглях образовывались потопа, пленные слушали секретное радио и воодушевлялись победами Америки.

Третий лагерь был полностью залит водой, и его жителей надо было переселять. Обитателей пятого послали на возведение насыпи, несмотря на серьезный потоп. Вдалеке на берегу неожиданно появились два быка, по всей видимости, вынесенных водой. Ближайший конвоир, кореец, схватил винтовку и выстрелил. Он промахнулся. Американский военнопленный, стоявший за ним, был не в состоянии смотреть, как потенциальная добыча уходит, поэтому неожиданно для корейца выхватил у того оружие, опустился на колено и двумя выстрелами уложил обоих животных.

Затем американец вернул ружье опешившему надзирателю и приступил к операции по добыче мяса. Он обвязал себя веревкой и начал переходить стремительную реку вброд. Корейцы, конечно, слышали о боевом мастерстве американцев и, возможно, даже сомневались в том, что выбрали правильную сторону, но сейчас им оставалось только наблюдать за тем, как американец делает свою работу. Обе туши были погружены в вагон. Этим вечером произошло беспрецедентное событие — мясо поделили между конвоирами и пленными пятого лагеря.

Но такие случаи единения были редки, а затем и вовсе сошли на нет по мере того, как позиции японцев на войне ухудшались. И именно поэтому те, словно вина пленных в своем поражении, стали относиться к ним еще более беспощадно, изнуря работой и урезая пайки, что доводило многих до смерти.

Приближалось Рождество 1944 года. Для спасенных при крушении судна «Van Waerwijck» началось самое суровое время за годы плена.

Глава 21

Полгода прошло с тех пор, как они впервые увидели Паканбару — начальный пункт железной дороги, постройка которой сопровождалась таким количеством бессмысленных жертв. Завершился ремонт моста, разрушенного в сезон дождей, и было уложено огромное количество шпал и рельсов. Казалось, бригады были вынуждены удвоить усилия, чтобы поскорее закончить.

Из-за такой спешки даже празднование Рождества оказалось под вопросом. Однако, предчувствуя мятеж среди военнопленных, 25 декабря 1944 года японское командование объявило выходной. В каждом лагере было две кухни — одна для охраны, другая для пленных. Штат последней комплектовался теми, кто был занят на «легких работах» по болезни. В канун Рождества 1944 года поползли слухи, что у поваров из пятого лагеря есть особое угощение к празднику.

Не в первый раз все мысли здесь были только о еде.

Люди неделями делали запасы, чтобы утром к Рождеству завтрак получился незабываемым: по пять шариков *онгола* на человека и величайшая радость — кофе. Онгол готовят из молотой тапиоки, обжаренной порциями с корицей и сахаром. В общем, получается нечто вроде пончика. Ланч тоже был «роскошен»: *икан дагин* (мелкая сушеная соленая рыба), *нази горенг* (обжаренный со специями рис) и много кофе.

Но самую главную неожиданность подарил ужин: повара где-то раздобыли коричневую фасоль. *Самбал катьянг* — фасоль, тушенная с острым перцем, и *трасси* с резким запахом, но прекрасным вкусом — шарики размером с мяч для гольфа, скатанные из вермишели с рыбой. И, конечно, снова много кофе. Праздник проходил неожиданно хорошо, но нервные японские конвоиры все равно умудрились испортить всем настроение: они запретили песнопение. Никаких веселых песен.

Джуди тоже приуныла, ведь ей так хотелось повторить свои «серенады», как в «Клубе сильных духом» в Ханкоу, и душевно повить, как во время показа рождественской пантомимы в Глогоре. Что касается отца Питера Хартли, то раньше он настаивал на проведении праздничной службы, но сейчас был так болен и слаб, что его отправили в госпиталь, и это было по-настоящему скорбное известие.

В пятом лагере здоровые присоединились к тем, кто не мог встать. Все они набились в хижину для совместного празднования. Музыкальных инструментов не было, и пленные решили все же обойти запрет на пение. Несчастные узники, сбившись в кучки на грубо сколоченных нарах, тихонько напевали что-то, пока их фонарь освещал мрачную стену из листьев. Когда люди запели «Тихая ночь, святая ночь», смерть с пустыми глазами, казалось, отошла от них прочь.

Хижина заполнилась тихой, мягкой мелодией, которую все пленные знали так хорошо... Но петь в полный голос было нельзя.

Праздничный день позволил этим людям набить животы, но принес и слезы. Они были доведены до ужасного состояния — казалось, весь мир перевернулся вверх дном, если даже пение запрещалось.

Через четыре дня все обитатели пятого лагеря должны были вновь переместиться. Теперь в седьмой лагерь в Липаткаине, в пятидесяти километрах отсюда. Липаткаин — красивое, поэтичное название адского места. Буквально это слово означает «завернутый в саронг». Саронг — яркая национальная одежда, в ней ходят местные жители.

Такая деталь гардероба очень пригодилась бы пленным, так как из одежды у них не было почти ничего, кроме набедренных повязок, выданных японцами.

Седьмой лагерь был похож на предыдущий, но домики здесь были еще менее прочными. Здесь же околачивались и знакомые конвоиры: Кинг-Конг, Тупой, Обезьяна и прочие. Среди них был и Жирный, который пытал заключенных с помощью рыжих муравьев. Он был самым мерзким и внешне: коренастый, больше похожий на животное, чем на человека, глаз почти не видно, нижняя челюсть из-за неправильного прикуса сильно выдавалась под крупной и влажной верхней губой.

Но пленным повезло: Жирный получил по заслугам незадолго до их прибытия в седьмой лагерь. Его отправили на склад за новой партией рельсов. В середине погрузки начался сильный шторм. Зигзаги молний то и дело пронзали небеса. Испугавшись, что железные рельсы могут притянуть молнию, все пошли искать приют в джунглях.

Вдруг послышался какой-то неестественный крик. Жирный наткнулся в джунглях на тигра. Тот успел его сильно покалечить, пока еще один конвоир не выстрелил. Жирный тут же был увезен в Паканбару, где размещался японский госпиталь. В отличие от госпиталя для пленных, в этом учреждении было все, но Жирного спасти не сумели, и он умер от полученных травм.

Не было людей, которые хоть как-то посочувствовали бы, узнав о его кончине. Более того, после его смерти появилось много пародистов. Было несколько пленных, которые умели издавать звуки, напоминающие рычание тигра. В темной ночи во время сезона дождей они имитировали рев тигра, чем вызывали приступы паники у стражи. Японцы и корейцы отказывались покидать свои хижины, и пленные этим пользовались: они пробирались к сараю и выносили оттуда курицу или козу. Все следы похищенной жертвы замечались уже к утру. Всегда можно было списать пропажу скота на тигра.

10 января 1945 года в небе над Суматрой показался американский самолет — первые явные признаки перелома в ходе войны. Тонкая серебристая «летающая крепость» «Б-29», которая тогда не имела себе равных, пролетала над Паканбару, возвращаясь после бомбардировки ближайшего порта — Паданга. Наконец-то этот потерявшийся во времени остров вернулся на радары американцев — все очень надеялись на них как на освободителей.

Мало кто из конвоиров игнорировал тот факт, что американский противник уже добрался до территории строительства железных дорог, а значит, они не окажутся безнаказанными. Они предусмотрительно стали брать с собой шлемы и противогазы, куда бы ни направлялись. А условия работы для пленных стали еще более адскими.

Люди должны были просыпаться в семь часов по гонгу и не возвращались в лагерь до десяти часов вечера. Они трудились по четырнадцать часов в сутки под надзором своих беспощадных надзирателей. Но чем сильнее проявлялось угнетение со стороны японцев и корейцев, тем более изобретательными становились методы саботажа работы, которую пленные ненавидели больше всего, ведь она погубила столько близких им людей!

Джуди с Фрэнком Уильямсом, Лесом Сирлом, Джоком Девани и командой опять были направлены на строительство земляной насыпи, которую они укрепляли... гнилой древесиной, лишь сверху присыпая песком и грязью. На расстоянии все выглядело прекрасно, но когда локомотив на всех парах проследует через этот участок, дорога прогнется и дерево развалится на куски.

К тому же за последние недели бригада Джуди научилась отрывать головки металлических штырей, которыми крепили рельсы и шпалы. Они забивали в отверстие одну лишь головку: казалось, что все на месте, а на самом деле ничто не соединяло рельс со шпалами. Это был верный способ серьезно навредить врагу, но если бы кого-то из людей поймали с «обезглавленными» штырями... В общем, это было равносильно приговору.

Все больше и больше новостей о победах союзников просачивалось в седьмой лагерь. В этот раз секретное радио, которое находилось сейчас в первом лагере в Паканбару, докладывало, что легендарная четырнадцатая армия Билла Слива прогнала японцев из Бирмы. Конвой знал, что японская армия терпит поражения сразу на нескольких фронтах, и теперь уже их судьба может оказаться в руках пленных.

Неудивительно, что напряжение в лагере достигло апогея.

Многое говорило о грядущем перемещении японцев: танки и полевую артиллерию, грузовики с военным оборудованием отправляли на восток — на первый перевалочный пункт в длинном путешествии до Сингапура. Все выглядело так, будто японцы готовились к тяжелой обороне на месте, которое некогда было британским «островом-крепостью». Это была прекрасная перспектива для военнопленных, многие из которых были выброшены из этой крепости, как ни на что не годная, покоренная армия, и считали ее сдачу врагу большим позором.

К февралю 1945 года сто двадцать километров железной дороги было готово, осталось еще порядка сотни километров, и этот последний отрезок пути проходил через самую трудную территорию — горную цепь Баризан. Смерть забирала все больше и больше людей. За март только в седьмом лагере умер сорок один человек. В последующие месяцы ситуация только ухудшалась. В первую неделю апреля погибло двадцать пять пленных из седьмого лагеря. Такими темпами все военнопленные должны были умереть там за десять месяцев — уровень смертности постоянно рос.

Союзные войска выигрывали войну, но пленные волновались: успеют ли они дожить до победы. Люди даже не успевали толком похоронить умерших. Да и некому было этим заниматься. Те, у кого был «легкий» труд на кухне, часто потихоньку сами закапывали тела.

Однако Джуди и ее товарищи все еще выносили такие условия. Отец Питер Хартли, чудом выбравшийся из лап смерти — он сумел покинуть «госпиталь» живым и вернуться на строительство, — решил все же заняться похоронными службами.

Во время кошмарных недель во втором лагере священник почти потерял веру в Бога.

Недостаток лекарств, обезболивающих, отсутствие стерилизации и важнейших в хирургии инструментов были так ощутимы, что доктора придумали использовать для заживления тропических язв личинки насекомых. Они отлавливали их и привязывали лоскутками к ране. Личинка начинала поедать поврежденные и омертвевшие участки кожи, тем самым заживляя язву. Вместо препаратов от малярии они использовали хинин из хинных деревьев, которые в большом количестве росли в джунглях.

Такие самодельные лекарства зачастую вызывали отвращение, поэтому их давали больным вместе с пищей, подмешивая пасту в утренние порции онгл-онгла. Ужасные кожные инфекции переносились вшами и мухами, которых здесь было полно. В качестве лекарства от чесотки использовалась сырая сера, растворенная в машинном масле. Масло сливалось из японских грузовиков, и этой клейкой мазью следовало натереть все тело с головы до пальцев ног и оставить на сорок восемь часов.

Тропические язвы, чесотка, малярия, бери-бери¹ — отец Питер Хартли, казалось, успел все это испытать на себе. Кроме того, ему удалось невозможное — он дважды выходил из «дома смерти» живым. Это произошло во многом благодаря отцу Патрику Рорку, католическому священнику, который, не боясь заразиться, проводил долгие часы, успокаивая больных и умирающих независимо от того, были они верующими или нет. Этот пастор помог Хартли вернуть

¹ Болезнь, возникающая вследствие недостатка витамина В1. Может возникать у людей, которые питаются преимущественно белым рисом.

веру и придал сил заниматься похоронами: кладбища вдоль железной дороги уже были переполнены.

Как только кто-нибудь умирал, Хартли забирал тело на «подготовительную территорию», где оно обмывалось и укладывалось на соломенную подстилку. Если у умершего было четверо дееспособных друзей, они могли попросить об официальном похоронном обряде в этот же вечер. В противном случае телом занимались бригады, которые валили лес. В обеденный перерыв они забирали сразу несколько накопившихся трупов, относили на кладбище, копали могилы и хоронили без церемонии. Здесь это было совершенно обыденным явлением.

Но подобная ужасная смертность подбиралась уже и к врагу: союзники взяли в кольцо представителей нацистского блока. В середине апреля такие слухи проникли на территорию строительства. При помощи секретного радио пленные узнали о том, что силы союзников высадились на Кюсю и Хонсю, двух главных островах Японии, а также о том, что скончался президент Америки Франклин Делано Рузвельт.

Рузвельт действительно умер, но никакой высадки союзников на японские острова не было. Однако слухи дошли и до надзирателей, что имело свои последствия. В это тяжело поверить, но 23 апреля 1945 года дневной рацион военнопленных урезали до 200 г крупы из маниока и 270 г риса — это для работающих, а раненые и больные получали еще меньше.

За четыре дня после этого в седьмом лагере количество умерших достигло семидесяти девяти человек с начала апреля. Пленные старались хоронить умерших как можно быстрее, пока болезни и немощь не начали угрожать могилкой им самим.

В довершение этого ужаса доктор одного из лагерей от безысходности выдвинул идею. Он якобы нашел безопасный и богатый белками источник пищи. Наблюдая за тем, как хорошо растут цыплята в лагере, он понял, что они питаются личинками насекомых возле уборной. По его рекомендации пленные начали собирать личинки в ведро. Опарышей мыли, варили и давали тем, кто был при смерти. Для многих это богатое белками блюдо стал спасительным.

В такой дико напряженной атмосфере мало что могло уберечь пленных от ненависти надзирателей. Глядя своему поражению в лицо, те не знали жалости, уровень их агрессии зашкаливал.

Ощущая, что конец уже близок, Джуди стала еще яростнее защищать свою семью.

Ей всегда с трудом удавалось скрыть свою ненависть к надсмотрщикам, но сейчас создавалось такое впечатление, что она решила вести себя настолько свирепо, насколько могла. Если раньше она старалась уворачиваться от ударов солдатским сапогом, то теперь стояла недвижимо. Она низко приседала и, скаля желтые зубы, рычала на противника, ее мышцы были в напряжении. Она смело смотрела в глаза врага, готовая кинуться на него. Джуди взбунтовалась против тех, для кого жизнь пленного ничего не стоила, особенно если этот пленный — собака. С конвоирами, вооруженными винтовками, борьба не могла быть равной и грозила окончиться плачевно для собаки, которая уже много раз избегала смерти. Товарищи Джуди чувствовали, что их ад может скоро остаться позади, и никто не хотел лишиться чудесной собаки в преддверии этого события.

За месяцы, проведенные вместе, Фрэнк Уильямс развил практически телепатическую связь с Джуди. Они всегда

понимали друг друга. Она умышленно искала повод для конфронтации с конвоирами, но одно слово Фрэнка, одно его прикосновение унимало в ней злобу, глаза ее переставали наливаться кровью и конфликт исчерпывался.

Чтобы защитить Джуди, Фрэнк придумал новый трюк. Это была вариация на тему «запрыгни-в-мешок-по-команде», которая пригодилась, когда они перемещались из Глогора на борт корабля «Van Waerwijck». Теперь Джуди по щелчку пальцев должна была исчезнуть в джунглях. Там ей следовало оставаться в полной тишине и недосыгаемости, пока не становилось спокойно, после чего по свисту она возвращалась.

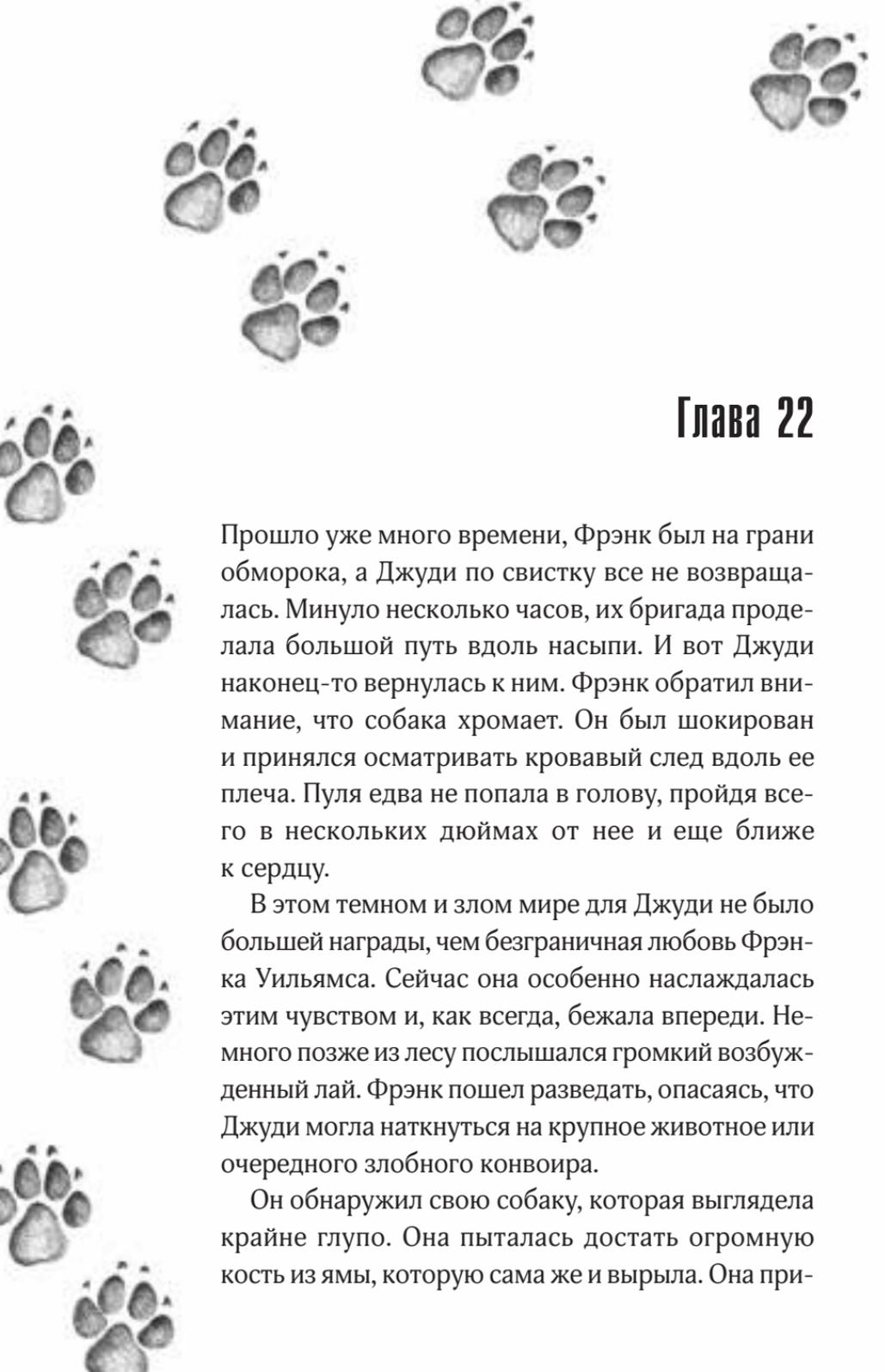
Но день, когда Джуди все же зайдет слишком далеко, неминуемо приближался.

Фрэнк Уильямс и Джуди с бригадой часто отправлялись в сопровождении конвоиров на опасные работы. В этом не было ничего странного: поздней весной 1945 года конвой на строительстве дороги искал любого повода для провокации, чтобы развязать себе руки. Однажды ни с того ни с сего надзиратель стал бранить заключенного, тряся над его головой бамбуковой жердью. После первого удара в голову пленный покачнулся. Дальше картина уже становилась знакомой: пленный, кожа да кости, из последних сил пытался сдерживать удары врага и устоять на ногах. Он уже шатался и готов был потерять равновесие, и тут на помощь ему пришел четвероногий чемпион. Рыча и лая с нескрываемой яростью, собака стала перед надзирателем, преграждая ему путь. Тот, видимо, не ожидал какого-либо сопротивления, поэтому на мгновение опешил. Рука опустила палку, а другая схватилась за длинноствольную винтовку Арисака. Много раз Джуди слышала выстрелы этой странной вещи. Она видела, что от

них падают любые животные, даже гораздо более крупные, чем она. Собака тут же припомнила эти выстрелы и результаты их действия. Инстинктивно Джуди поняла, что сейчас самое время бежать. В любом случае она выполнила свою работу: отвлекла внимание конвоира и приняла его агрессию на свои костлявые плечи. Молниеносно она выпрыгнула вперед и убежала прочь, скрывшись в густых зарослях у насыпи. Но даже когда ее белый хвост исчез в буйной зелени, конвоир продолжал целиться.

Длинная винтовка выстрелила, выплюнув из дула огонь. Все произошло с такой скоростью, что Фрэнк Уильямс и его товарищи не успели вступить. Они очень боялись, что пуля найдет свою цель. К счастью, за выстрелом не последовало собачьего визга, поэтому друзья надеялись, что Джуди удалось уйти невредимой.

А может, пуля заставила ее замолчать навеки?

Глава 22

Прошло уже много времени, Фрэнк был на грани обморока, а Джуди по свистку все не возвращалась. Минуло несколько часов, их бригада проделала большой путь вдоль насыпи. И вот Джуди наконец-то вернулась к ним. Фрэнк обратил внимание, что собака хромот. Он был шокирован и принялся осматривать кровавый след вдоль ее плеча. Пуля едва не попала в голову, пройдя всего в нескольких дюймах от нее и еще ближе к сердцу.

В этом темном и злом мире для Джуди не было большей награды, чем безграничная любовь Фрэнка Уильямса. Сейчас она особенно наслаждалась этим чувством и, как всегда, бежала впереди. Немного позже из лесу послышался громкий возбужденный лай. Фрэнк пошел разведать, опасаясь, что Джуди могла наткнуться на крупное животное или очередного злобного конвоира.

Он обнаружил свою собаку, которая выглядела крайне глупо. Она пыталась достать огромную кость из ямы, которую сама же и вырыла. Она при-

остановилась, давая им посмотреть и как бы спрашивая: «Вы не знаете, что это я нашла?», а потом вновь принялась за дело. Фрэнк решил, что такая огромная кость могла принадлежать только слону.

Это была бы приличная награда за ее труды, если бы только она могла взять ее в зубы и сгрызть.

29 апреля 1945 года конвоиры, налегая на алкоголь, отмечали день рождения Микадо — императора Японии. Военнопленные седьмого лагеря вместе с Джуди тоже отметили его — рекордом. Десять смертей за день. По такому случаю японцы не придумали ничего лучше, чем якобы подарить узникам лагеря целую свинью, а потом передумать и забрать ее назад, оставив пленникам лишь голову и потроха на несколько сот человек.

Горькое возмущение и ненависть к конвоирам накопились. По лагерю ходили полные желчи отчаянные призывы к саботажу. Пленные, имевшие доступ к кухне, вплескивали ядовитую слизь в бочки с кашей для конвоиров. Сюда попадали даже испражнения больных дизентерией.

Кто-то из пленных знал, что один вид бамбука токсичен и может вызвать внутренние расстройства. Он добавил его в приготовленный для новоприбывших корейских конвоиров кофе. Те, кто пили этот отравленный кофе, серьезно заболели. Через несколько дней можно было увидеть, как надзиратели ходят, спотыкаясь, вокруг лагеря с шеями, обмотанными влажными повязками. Через неделю после отравления их сменили, чтобы ничто не препятствовало строительству железной дороги.

В начале мая 1945 года строительство замедлилось до нуля. На протяжении первых двух месяцев работы было построено двадцать километров. Сейчас за день строилось

несколько десятков ярдов. И причина была не в слабости пленных — людей заставляли работать чуть ли не тяжелее, чем всегда. Военнопленные и ромуши теперь трудились круглые сутки посменно, подчас при свете коптящих каучуковых фонарей, которые разгоняли тьму и не давали пыткам прекратиться даже в ночные часы.

Но территория была слишком проблемной. Команды ромушей отправили вперед расчищать дорогу, какой бы ужасной она ни была: здесь, перед одиннадцатым лагерем в Модикозло, местность была каменистой, изобилующей пещерами. Тут и должна была находиться двухсоткилометровая отметка. Река Квантан глубоко врезалась в самое сердце Баризанских гор. Это была та самая местность, где простился с жизнью Айзерман, нидерландский инженер, который первым исследовал этот маршрут за пятьдесят лет до этого.

В мае 1945 года стройка заберет бесчисленное количество жизней.

У тех же, кто был еще жив, настроение то поднималось, то стремительно падало. Прекрасные новости о победах союзников давали надежду на то, что все скоро закончится, однако сейчас для узников существовало только два места: лагерь и стройка. Убийственная, бесполезная работа продолжалась день и ночь, а потом снова день, и этому не было конца. Все казалось бессмысленным. Зачем продолжать строительство, если уже видно, что японцы проиграют войну?

Шла вторая неделя мая. Несокрушимый Джок Девани вот-вот должен был принести потрясающие новости. Он возвращался в лагерь после трудового дня с уймой овощей и фруктов, спрятанных на нем. С этими неожиданными дарами он пришел к своим друзьям, среди которых были Лес

Сирл, Фрэнк Уильямс и Джуди, и рассказал о том, что скоро состоится небывалое празднество.

Каким-то образом Джок умудрялся всегда первым выведывать новости, а сегодня он сорвал джекпот. Он объявил, что война в Европе закончилась. Германия капитулировала, и союзники празднуют победу.

— А теперь особая новость, — добавил он. — Я принес фрукты, гуляем!

Он объяснил, что овощи и фрукты взял на японских могилах. Недавно умер один из японских конвоиров, и его друзья, согласно японской традиции, оставили на могиле свежие бананы, манго и т. д.

— Они все пропадут до утра, — отметил Джок. — Кто из присутствующих заслужил их больше всего?

Поначалу пленные отказывались верить в новость, принесенную Джоком. Но, конечно, это была правда: дата 8 мая 1945 года ознаменовалась великой победой в Европе. Разумеется, прошло несколько дней, прежде чем новость попала на территорию проклятого лагеря, дойдя до седьмого его отделения.

После капитуляции фашистской Германии рацион пленных вновь ухудшился. Давали еще меньше еды, и она была худшего качества. Генерал Саито, главнокомандующий Юго-восточного фронта Азии, распорядился уменьшить рацион всем пленным союзных войск. Еды было ровно столько, сколько хватало для того, чтобы мало-мальски поддерживать силы в пленных рабах. Их преднамеренно лишали любых средств к существованию, что могло подтолкнуть узников к восстанию.

За несколько дней до празднования победы в Европе узников седьмого лагеря вынудили подписать еще одну

бумагу, наподобие той, что была подписана в Глогоре. Согласно документу, они должны были оставаться в лагере, ни при каких обстоятельствах не меняя место дислокации. Вскоре стало похоже, что у японцев началась паранойя или шизофрения: замученные до полусмерти пленные должны были покорно, рабски трудиться до окончания строительства.

В середине июня куратор всего лагеря суматранских железных дорог летчик Слейни Девис пожаловался на невыносимые условия содержания главному из надзирателей — японскому лейтенанту Дои. Он спорил с ним о статистике, свидетельствующей, что уровень смертности среди пленных невыносимый и его тяжело контролировать. Лейтенант Дои ответил, что они умирают, потому что отчаянно пытаются саботировать строительство и любые военные усилия японцев. Во втором лагере возросло количество тяжелобольных узников, но согласно правилам японцев, новоприбывшие больные должны были вымениваться на такое же количество «выздоровливающих», которых вновь отправляли на строительство железной дороги. Конечно, среди последних мало кто был на самом деле здоров, но эти едва живые пленные должны были примкнуть к рабочим бригадам.

В результате переговоров японцы предъявили Девису ошеломляющий ультиматум. Лейтенант Дои назначил дату окончания строительства. Неизвестно каким образом, но строительство должно было быть закончено до 15 августа 1945 года. Поэтому каждый узник, способный стоять на ногах, должен был работать. Без исключений. Несмотря на протесты Девиса, перекличка продолжилась, а после нее ходячие скелеты отправились на свои рабочие места.

С одной стороны, в каждом пленном по-прежнему теплилась искорка надежды, что скоро мучения закончатся. Глав-

ное — продержаться до конца. Но, с другой стороны, присутствовал страх (он никогда не озвучивался, но засел в голове у каждого), что японцы по окончании кампании никого не оставят в живых. Никто не сможет спастись из этого адского лагеря, вернуться в мир и рассказать, что здесь происходило. Для этих сомнений были основания.

Рабочие всех бригад должны были выполнять и «легкие обязанности». Якобы они копали бомбоубежища для сотрудников лагеря на случай бомбардировки. Проблема была в том, что такие сооружения не выглядели надежной защитой. Настоящие бомбоубежища представляли собой узкие и глубокие рвы с высокими стенами и крышей из деревянных балок, присыпанных слоем земли. А рабочие бригады должны были вырыть неглубокую траншею без намека на крышу.

Не надо было быть гением, чтобы понять, что эти траншеи предназначены для братских могил. Большинство из них сооружалось в том месте, где каждое утро среди пленных проходила перекличка. Нетрудно было себе представить, как однажды утром узников вызовут на построение, а потом расстреляют и тут же закопают в этих могилах.

Военнопленные не знали, что подобный приказ уже существовал. Японское командование полагало, что пленные из союзных войск, которые топчут землю имперской Японии, представляют угрозу для императора и должны быть уничтожены. Другими словами, здесь ждали только нападения на японскую территорию со стороны американцев и союзников. Потом пленные, находящиеся на японской территории, должны были быть уничтожены.

В эти полные страха и безумия дни Джуди была крепка, словно камень, и многие могли бы взять с нее пример. Ее гордость и стойкость духа поражали.

Фрэнк и его собака никогда не разлучались. Они всюду ходили вместе. Фрэнк потерял половину своего веса, как и Джок Девани, Лес Сирл, Питер Хартли и другие. Но вместе Фрэнк и Джуди еще могли держаться.

Угнетение нарастало. В седьмом лагере было много таких, у кого сдавали нервы. Одним из них был молодой узник, которого называли Ловцом. Лес Сирл видел, что с ним произошло. Его обвинили в том, что он не отдал честь корейскому конвоиру, стоявшему перед ним. Страшно ругаясь, надзиратель стал бить молодого британского солдата по голове.

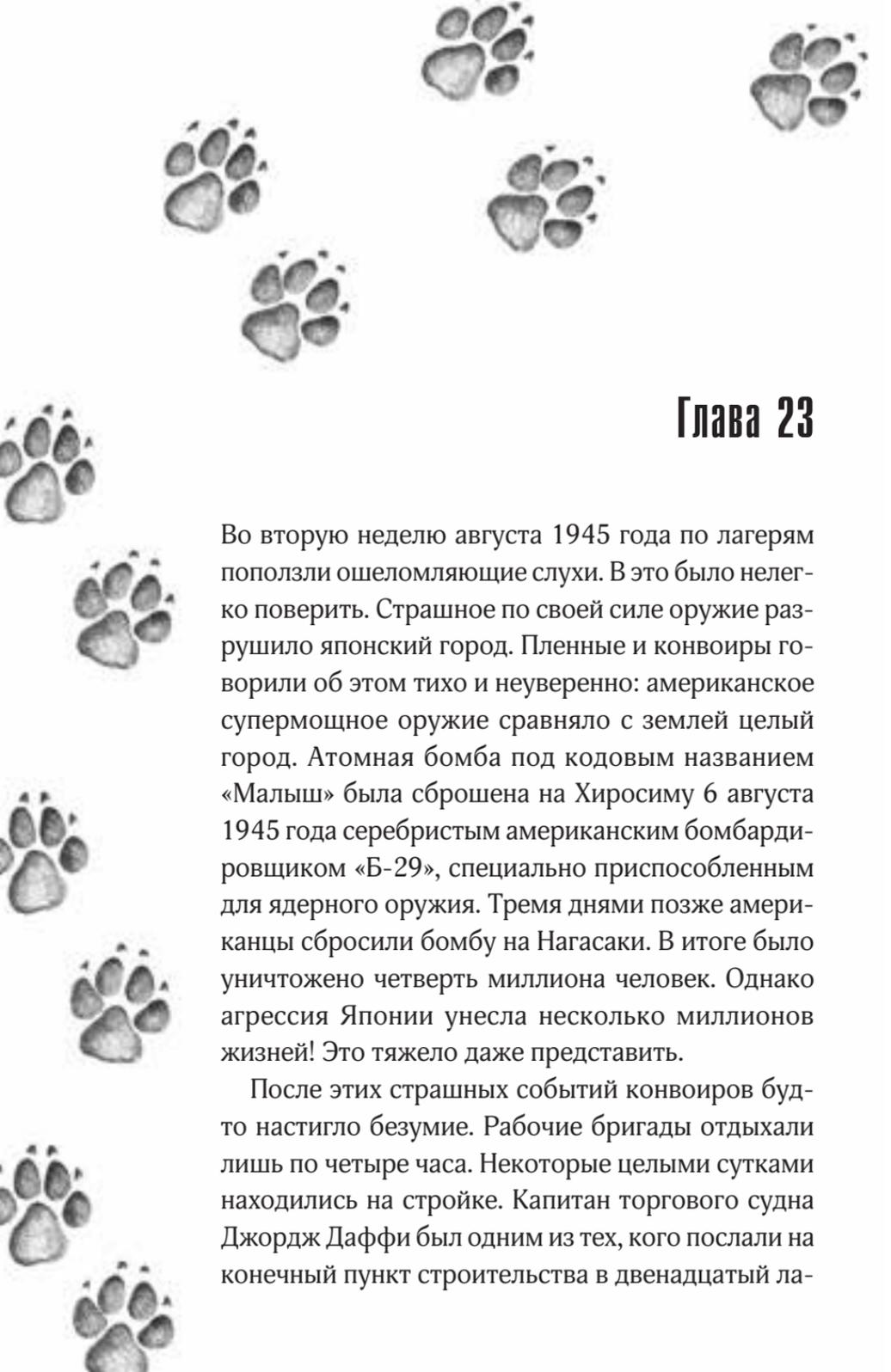
Внезапно, с неожиданной силой, Ловец дал конвоиру сдачи. Его кулаки работали, словно ветряная мельница. Свои поспешили корейцу на помощь. Ловца быстро схватили и увезли. На следующее утро о его судьбе узнали все: он был заключен в маленькую бамбуковую клетку и выставлен на всеобщее обозрение в месте построения.

Ловец должен был находиться здесь независимо от погоды... до конца. Он знал, что может умереть от голода, быть избит, покусан насекомыми или животными. Такое положение в короткие сроки доводило человека до сумасшествия.

27 июля 1945 года исполнился год со дня прибытия сюда спасенных во время крушения судна «Van Waerwijck». Многие к этому времени провели в плену уже более тысячи дней, а их страданиям и сейчас не было видно конца. Каким бы невозможным это ни казалось, пленные положили рельсы, вьющиеся по горной гряде Квантан, и добрались до самой высокой точки, с которой было отлично видно, как много жизней военнопленных и ромушей было отдано этой сумрачной долине.

Группы заключенных теперь собирались в конце проложенной дороги, в Моеара, чтобы... начать с конца. По плану

два конца линии должны были соединиться где-нибудь по середине. Но по всему чувствовалось, что союзники уже близко. Однажды высоко над лагерем пролетел «Б-29». Многие говорили, что это разведывательный полет с целью составить план освобождения Юго-Восточной Азии, в том числе и Суматры. Но никто не мог знать этого наверняка.

Глава 23

Во вторую неделю августа 1945 года по лагерям поползли ошеломляющие слухи. В это было нелегко поверить. Страшное по своей силе оружие разрушило японский город. Пленные и конвоиры говорили об этом тихо и неуверенно: американское супермощное оружие сравнивало с землей целый город. Атомная бомба под кодовым названием «Малыш» была сброшена на Хиросиму 6 августа 1945 года серебристым американским бомбардировщиком «Б-29», специально приспособленным для ядерного оружия. Тремя днями позже американцы сбросили бомбу на Нагасаки. В итоге было уничтожено четверть миллиона человек. Однако агрессия Японии унесла несколько миллионов жизней! Это тяжело даже представить.

После этих страшных событий конвоиров будто настигло безумие. Рабочие бригады отдыхали лишь по четыре часа. Некоторые целыми сутками находились на стройке. Капитан торгового судна Джордж Даффи был одним из тех, кого послали на конечный пункт строительства в двенадцатый ла-

герь. Питания как такового вовсе не было, поэтому военнопленные вынуждены были есть плоды каучукового дерева, полные смертоносного цианида. Их нужно было особо тщательно готовить: помыть, нарезать, замочить и высушить. Только потом они становились съедобными. Те же пленные, которые пренебрегали такой кропотливой процедурой, умирали мучительной смертью, отравившись цианидом.

В седьмом лагере Джуди и ее компания стали свидетелями необычных для здешних мест событий. Без каких-либо объяснений и церемоний из клетки был выпущен Ловец, молодой пленный, «обидевший» конвоира. Он едва мог стоять, но шел сам и непрерывно что-то бормотал. Этот наполовину обезумевший человек нуждался в медицинской помощи. Если Ловец будет питаться, получит лекарства и отдохнет, то у него есть шанс восстановиться. Что творилось у него в голове, крайне тяжело было сказать.

Вскоре объявили, что всем пленным нужно выбрить головы и брови, чтобы избавить их от вшей. Очень редко можно было увидеть среди надзирателей такую обеспокоенность здоровьем узников. Все это подтверждало, что японцы готовились признать неизбежное: война проиграна, лагерь вскорости освободят, а они понесут наказание за свои ужасные деяния.

Но для Фрэнка, Джуди и ее группы необходимость избавления от вшей была пугающей. Конвоиры дали понять, что героиню транссуматранских железных дорог ожидает та же процедура, потому что вши поселились и на ней. Они собирались забрать собаку и могли... Фрэнк, Лес, Джок и другие предполагали, что на самом деле процедура задумывалась не для того, чтобы избавиться от вшей. Охрана в большей или меньшей степени тоже страдала от голода. Возможно, они все-таки решили съесть собаку-талисман.

Именно сейчас Джуди стоило исчезнуть. И к вечеру она стала собакой-призраком. По щелчку пальцев Фрэнка она прыгнула в кусты и должна была оставаться там, пока не получит сигнал от своего хозяина — когда рядом не будет ни одного голодного и злого конвоира. Тогда Фрэнк свистнет ей. Таким образом человеку и собаке нужно было избегать хищных конвоиров вплоть до того момента, когда невозможное станет возможным: строительство дороги закончится.

Последние несколько дней напоминали сумасшедший дом. Дождь лил часами и превратил местность в огромную грязевую ванну. Пока пленные мокли, их избивали. Сном здесь и не пахло, работа не прекращалась даже во время приемов пищи — круглые сутки. Но 14 августа 1945 года две рабочие бригады — та, что шла из Паканбару, и другая, из Моеара, — наконец встретились.

На следующий день, 15 августа, над суматранскими джунглями засияло солнце. Большинству мужчин дали выходной. Атмосфера вокруг царила невероятная. После суровых испытаний в последние несколько дней — брани и избиений, новых смертей — конвоиры теперь были как-то особенно разговорчивы и даже приветливы.

Подавляющее большинство пленников не знали, что бы это могло значить. Некоторые были приглашены на торжественную церемонию в месте смычки адской железной дороги.

Узникам приказали расставить здесь деревянные столы и стулья. Подали саке и бисквиты. Пленным велели сидеть в кустах и не шуметь. Церемония началась примерно в полдень. Когда японский офицер произносил короткую речь, солнце было высоко и ужасно жарило. Когда он закончил,

на место уложили последний рельс и торжественно вынесли золотой штырь для крепления.

Последний штырь был вбит японским генералом. На несколько секунд воцарилась трепетная тишина, после чего все собравшиеся японцы громко прокричали:

— Банзай, Япония! Банзай, Япония! Банзай, Япония!

Банзай переводится как «десять тысяч лет» и является традиционным приветствием, а также используется японцами в качестве боевого клича.

Слова японских офицеров донеслись до узников, сидевших в кустах, но не нашли среди них поддержки. Что неудивительно. В полночь того самого дня император Японии капитулировал перед союзниками. В день завершения строительства железной дороги, которая ассоциировалась только со страданиями, кровью и деградацией, война наконец закончилась. Когда японцы ели бисквиты и пили сакэ, они уже знали об этом, но продолжали официальную церемонию.

Конечно, никто из узников, сидящих в кустах, не мог знать, что война закончилась, а японские офицеры не стали говорить им об этом. Вокруг было тихо и спокойно. Однако Джуди и ее сотоварищи поняли: что-то произошло. Но что именно? Об этом никто не говорил.

На следующий день конвоиры ходили взад-вперед перед пленными, объявляя: строительство железной дороги закончено, пленные могут отдыхать, рацион их будет увеличен, как только наладится поставка продовольствия из Японии. Но никому не позволяется покидать лагерь.

Проходили дни. Появлялись короткие сообщения, что война вроде закончена. Эта информация активно обговаривалась пленными. Сразу в нескольких местах японцы

разожгли большие костры. Руз Войси, британский пленный, спасшийся во время крушения «Junyo Maru», видел, что японцы жгут документацию. Собираются ли каратели таким образом уничтожить доказательства своей вины? Руз не мог сказать точно, но думал, что да.

Дневной рацион возрос до двух с половиной килограммов (!) риса в день, это было в десять раз больше, чем порции последних голодных недель. Теперь казалось, что это много, ведь желудки пленных уже сморщились и высохли. Пастор Питер Хартли не мог в это поверить, но однажды пришел груз от японского Красного Креста, и рацион существенно обогатился. Это было похоже на знак, что война закончилась, а пленные вскоре будут освобождены.

Именно Джуди принесла в лагерь радостные новости: все, кто выжил в эти страшные годы, вскоре будут на свободе. Утром 4 сентября 1945 года пленные в очередной раз проснулись в заточении и услышали какие-то странные звуки: это был громкий и радостный лай. Последнее время Джуди была как призрак. Чтобы не рисковать жизнью, она появлялась из зарослей только по свистку Фрэнка. Но этим утром она лаяла совершенно открыто.

Радостным лаем она могла привлечь внимание нежелательных людей. Однако в это утро, когда солнце озарило джунгли, она могла позволить себе такое поведение. Фрэнк кинулся, чтобы успокоить ее, но сразу понял, что в лагере все как-то иначе. Куда бы он ни взглянул, нигде не было видно конвоиров. Только теперь он понял, что означает радостный лай Джуди. Собака бежала к нему вместе с двумя хорошо вооруженными людьми. Они были одеты в форму Королевской морской пехоты Великобритании. Джуди радостно прыгала вокруг них, инстинктивно понимая, что они

хорошие ребята. Четыре парашютиста под командованием майора Гидеона Якобса выпрыгнули из бомбардировщика неподалеку от прошлого места их заточения — лагеря Глогор. Оттуда они добрались до Паканбару, а потом двигались по железной дороге. Немыслимо, но союзные войска понятия не имели о строительстве транссуматранской железной дороги, пока парашютисты не увидели ее воочию.

Живые скелеты, спотыкаясь, выходили из хижин, чтобы поприветствовать прибывших воинов-освободителей. Некоторые кричали и плакали, многие смеялись, но кое-кто уже был не в состоянии выражать какие-либо эмоции. Над лагерем, там, где до этого развевалось японское «солнце», подняли голландский и британский флаги.

Для некоторых новость о долгожданном освобождении, увы, пришла слишком поздно. Особенно печально, что пленные, которые так упорно боролись за то, чтобы все это стало реальностью, умирали именно сейчас, когда лагерь был наконец разобран. Что же касается Фрэнка Уильямса, Леса Сирла, Джока Девани и Питера Хартли, то им этот день освобождения, о котором они так долго мечтали, запомнился навсегда. Для каждого из них, включая всеми любимую Джуди из Сассекса, это было началом длинного путешествия домой.

Невероятный путь, который пленники проделали вместе, должен был закончиться. Это последнее путешествие грозило разлучить Фрэнка и его собаку. Когда пришло время отправляться в Англию, стало известно, что они будут плыть из Сингапура на военном корабле «Antenor». Впервые в жизни Джуди (а к этому моменту ей было десять лет) на борту корабля не угрожали ни речные пираты, ни бомбардировка, ни торпедирование. Но на борт еще нужно было попасть.

Получив документы на транспортировку, Фрэнк прочел сноску: «Правилами строго запрещается перевозить на борту собак, птиц и любых других животных».

Джуди растянулась у него в ногах, Фрэнк бросил на нее нежный взгляд.

— Собак перевозить запрещено, старушка, — тихо пробормотал он. — А бывших военнопленных можно. Значит, и тебя.

Не стоило даже раздумывать, соблюдать этот приказ или нет, ведь Джуди на самом деле была бывшим военнопленным. На этот раз не нужно было прятать ее от кровожадного капитана Нисси, но все же операция по доставке Джуди на борт была организована с привычной тщательностью и осторожностью, без которых храбрым людям не удалось бы спасти собаку от всех опасностей, выпавших на ее долю до этого.

Фрэнк выждал, пока проход на корабль не станет полностью свободен. Спрятав Джуди между рядами мешков на причале, он зашел на борт, стараясь выглядеть непринужденно. Лес Сирл и другие последовали за ним, но остановились в верхней части трапа, чтобы завести разговор с представителем судна.

Когда они окончательно завладели его вниманием, Фрэнк свистнул в направлении доков. В мгновение ока бело-коричневое пятнышко мелькнуло вдоль трапа. Фрэнк и его товарищи приветствовали Джуди на борту.

Наконец собака, которой так часто приходилось рисковать, возвращалась домой.

Эпилог

Во время их длительного возвращения в Великобританию о Джуди заботились несколько верных друзей, бывшие военнопленные и другие. Особенно помог член команды корабля, работавший на камбузе. Страстный любитель собак, он кормил ее собственноручно приготовленной едой. Но испытания Фрэнка и собаки еще не окончились.

Когда корабль пришвартовался в Ливерпуле, Джуди предстояло прожить шесть месяцев отдельно от Фрэнка из-за суровых правил карантина в Британии. Конечно, Джуди была растеряна и расстроена тем, что ее оторвали от «семьи» и поместили в Хекбриджский питомник для прохождения карантина. Но последующая встреча была от этого только слаще.

Воссоединение бывшего военнопленного с собакой, которая стала объектом национальной гордости, было освещено средствами массовой информации и отпраздновано в армейском духе. Джуди была вызволена из Хекбриджского питомника и радостно встречена ожидающей ее публикой. Когда треск фотовспышек прекратился, выдающаяся

собака-военнопленный, выжившая во время строительства адской железной дороги на Суматре, была поднята толпой на руки. В честь дня Победы Джуди даже дала «интервью» на канале «BBC»: в радиоэфире ее лай слушали по всей стране. И никто, похоже, не жаловался, что не может понять ее слов.

Джуди посетила Лондон и была внесена в списки Ассоциации вернувшихся военнопленных как единственный ее четвероногий представитель. Вместе с тремя другими собаками, отличившимися на войне («Звезды войны и военных действий») Джуди также представили на стадионе «Уэмбли». Она стала официальным талисманом Военно-Воздушных Сил Британии и получила форму летчика, украшенную значком BBC. Фрэнк Уильямс был награжден Белым Крестом Святого Эгидия — высочайшей наградой, вручающейся за защиту животных. Джуди же получила медаль Марии Дикин.

В прессе стали появляться статьи с заголовками вроде таких: «Джуди, спасительница жизней, получает медаль и пожизненную пенсию». Она также получила солидный грант от благотворительной организации «Tailwagger Club», поэтому теперь могла наслаждаться мирной жизнью до конца жизни. Фрэнк и Джуди, на груди которой гордо поблескивала медаль, посещали школы, детские больницы и другие организации и мероприятия. Народ Великобритании признал четвероногого питомца героем войны.

На полученной Джуди медали есть такие слова: «За проявленное мужество и стойкость в японском плену, которые позволили поддерживать моральный дух среди военнопленных, а также за спасение множества жизней благодаря уму и наблюдательности».

Спасение жизней благодаря уму и наблюдательности — это про нее. Она заслужила эту медаль, так как на своем дол-

гом и тернистом пути действительно спасла очень много жизней — как солдатских, так и гражданских.

Злосчастная дорога все-таки была проложена через суматранские джунгли, что сопровождалось ужасающим количеством человеческих жертв. Ее строительство было окончено в тот самый день, когда капитулировала Япония. Ситуация на войне привела к тому, что японские надзиратели начали форсировать прокладку дороги, несмотря на свое неминуемое поражение. Те исследования, которые я проводил, лишний раз доказывают, что строительство было бессмысленным и неоправданно жестоким. Целью его являлось не ударить лицом в грязь, что было очень важно для Японии в то время. В последние несколько недель безумного и жестокого обращения с узниками на строительстве были погублены тысячи жизней военнопленных союзных войск и индонезийцев, что, несомненно, заслуживает осуждения.

Железная дорога, закончена она была или нет, никогда не послужила бы японцам. Сколько бы надзиратели ни мучили людей, те все равно старались разрушить все, что строилось. Некоторые осуждают атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Однако не стоит забывать следующее: без использования атомного оружия нечеловеческое содержание в лагере военнопленных союзных войск и местных жителей продолжалось бы гораздо дольше и повлекло бы за собой еще большее количество жертв. Впоследствии, когда уцелевшие документы были обнародованы, стало известно, что японские надзиратели получили приказ умертвить всех военнопленных, потому что те якобы «угрожают императору».

Во многих лагерях вдоль трансуматранской железной дороги пленным было приказано рыть траншеи, которые

впоследствии должны были стать не чем иным, как их братской могилой. Предчувствуя возможное вторжение союзных войск в Японию, японцы готовились уничтожить всех военнопленных. Бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, вынудили Японию капитулировать. Нельзя забывать, что иначе нечеловеческие страдания военнопленных могли продолжаться еще дольше и привели бы к появлению еще большего количества жертв.

Что касается железной дороги, то ее бесполезность была доказана уже в первые месяцы после окончания войны. Она никогда не использовалась. После выдворения побежденных японцев ни один локомотив не проследовал по ней. Через год после окончания японской оккупации многие ее участки были попросту смыты в сезон дождей, рельсы разошлись в местах стыков и были сданы на металлолом.

В 1951 году власти Индонезии распорядились провести инспекцию железной дороги, вернее, того, что от нее осталось — от Паканбару до Моеара. Заключение указывало на ценность лишь одного участка — от Паканбару до Логана (первые сто километров). Именно этот участок давал японцам доступ к угольным месторождениям в Сапо и Каро, которые они так хотели использовать в военных целях.

Но этому не суждено было сбыться. Сегодня большинство индонезийцев даже не помнят, что эта железная дорога когда-либо существовала. Они понятия не имеют, откуда в джунглях взялись ржавые корпуса локомотивов, которые деревенские дети используют для тренировок в скалолазании. Практически все следы железной дороги, которая унесла столько жизней, исчезли с лица земли.

Джунгли поглотили их вместе с костями тех, кто погиб на строительстве.

При изучении этого отрезка истории часто забывают об одном факте — гибели колоссального количества ромушей, местных жителей, которые наряду с узниками участвовали в строительстве. Точное количество жертв мы никогда не узнаем, но здесь погибло порядка семисот британских, голландских, американских, австралийских и других военнопленных и более восьмидесяти тысяч (!) индонезийцев. Эта цифра не включает восемнадцать сотен военнопленных, затонувших в результате крушения кораблей «Van Waerwijck» и «Junyo Maru», которые были торпедированы около побережья Суматры.

Все жертвы оказались абсолютно напрасны.

Старшина Уайт — моряк, который спас Джуди из «плена» на подбитом и затонувшем «Кузнечике» — совершил успешный побег. Он и его товарищи провели несколько недель в маленькой лодке, плывя в Индию без малейших средств навигации, ориентируясь только по звездам. Однако они попали к своим, высадившись недалеко от Мадраса. Большинство же спасшихся с «Кузнечика» были схвачены японцами, в том числе и Джуди.

После войны Джуди и Фрэнк провели несколько счастливых лет в родном Портсмуте. Он всегда брал ее с собой в «Стемшоу-отель», где щедро угощал компаньонов легендами о ее подвигах. Но о собственном опыте военнопленного он предпочитал не рассказывать. Единственное, о чем можно было говорить, это о том, сколько жизней спасла Джуди.

— Главная ее заслуга передо мной... Она вернула мне желание жить. Я смотрел в ее утомленные, покрасневшие глаза и спрашивал себя: что будет с ней, если я умру? Мне нужно было продолжать жить и верить, даже если это было все равно, что верить в чудо.

До 1948 года Фрэнк странствовал по Британии. Затем подписал контракт на работу в продуктовой компании Танзании (Восточная Африка). Работал на арахисовой плантации. Джуди, конечно же, отправилась с ним. Таким образом, столько всего пережившие человек и собака вновь отправились за моря.

Новая поездка также сопровождалась приключениями. Здесь, в Танзании, Джуди привела третий и последний выводок щенков. Она оказалась настоящим специалистом по экзотической, дикой жизни Восточной Африки и особенно ловко гоняла бабуинов. Те развлекались, поддразнивая бело-коричневого английского пойнтера, чем немало выводили его из себя.

Но здесь водились и более крупные и опасные животные. Однажды вечером Абдул, слуга Фрэнка, оставил во дворе жестяную бочку, полную воды, которую намеревался использовать следующим утром. Глубокой ночью Фрэнк и Джуди проснулись от того, что кто-то громко глотает воду за окном. Джуди побежала посмотреть и увидела огромное коричневое от грязи животное. Слон, не обращая внимания на лай Джуди, продолжал осушать бочку.

Только когда Фрэнк присоединился к Джуди, чтобы спугнуть слона, животное отошло, видимо, полностью утолив жажду. Собака была возмущена. Она схватила жестяную бочку, которая теперь была значительно легче, и потащила ее в дом. Фрэнк пытался ей объяснить, что в бочке ничего не осталось, однако Джуди не желала его слушать. Когда бочка уже стояла внутри — была в безопасности, — собака погналась за удаляющимся слоном, который скрылся в серебристом лунном свете африканской прерии. Слон ушел,

а она свернулась клубочком в дверном проеме и всю ночь время от времени поглядывала на бочку.

Работа Фрэнка на плантации была связана с постоянными командировками по всей Танзании и Восточной Африке. Он всегда старался брать с собой своего верного компаньона — Джуди. Перед одним из полетов он с удивлением обнаружил, что собака весело протиснулась в дорожную клетку, хотя обычно этот процесс сопровождался ее лаем и сопротивлением. Фрэнк удивился, почему на этот раз она садится туда добровольно. После приземления он нашел ответ на свой вопрос. Верхняя часть клетки была приоткрыта достаточно, чтобы Джуди могла просунуть в щель голову, а прямо над ней была подвешена свежая туша. Этот полет запомнился ей неожиданным пиром — большая часть мяса была съедена.

Привыкшая выживать любой ценой, Джуди (бывший военнопленный) хорошо усвоила урок: если на горизонте появляется еда, надо хватать ее, не задумываясь о последствиях.

В феврале 1950 года, когда Джуди было уже четырнадцать лет, Фрэнк взял ее с собой в рабочую поездку. В это время сильно дождало. После короткого путешествия Фрэнк и его рабочие разбивали лагерь, пока Джуди занималась тем, что всегда делала в таких случаях: бегала повсюду, разведывая, не грозит ли им какая-нибудь опасность.

Поначалу, обнаружив, что Джуди нет, Фрэнк не особо волновался. Но когда прошло уже три часа, а Джуди по-прежнему нигде не было видно, он организовал поиски. Подключились его рабочие: они свистели и звали собаку, но та не возвращалась. Когда начало смеркаться, Фрэнк обеспокоился не на шутку. Вдруг один из его людей, Абдулла,

заметил в зарослях следы, которые были похожи на отпечатки лап исчезнувшей собаки.

Абдулла был следопытом, и они с Фрэнком отправились по следам. Фрэнк еще больше заволновался, когда они увидели рядом с собачьими отпечатки лап леопарда. Они прошли долгие мили по узкой тропе и добрались до глухой деревни. Но там собаки никто не видел. Следы словно испарились, как и сама Джуди.

Фрэнк объявил награду в пятьсот шиллингов (поистине огромные деньги для Танзании) за возвращение Джуди и разослал это сообщение по всем окрестным деревням. По истечении трех дней новостей по-прежнему не было. Фрэнк был в отчаянии, когда на четвертый день пришел Абдулла и сказал, что нашел собаку. Фрэнк и Абдулла запрыгнули в джип — дорогу показывал местный житель.

Вождь деревни повел их в хижину. Он открыл дверь, и Фрэнк увидел Джуди. Она выглядела невероятно изможденной: едва могла стоять. При виде Фрэнка собака приподнялась на ноги, помахала хвостом и вновь упала. Ее завернули в одеяло и отвезли домой. Из ее тела удалили сотни клещей, промыли раны и продезинфицировали их. Джуди поела, после чего ей вроде бы стало лучше и она провалилась в глубокий сон. Дни шли, она становилась бодрее, и Фрэнк решил, что все худшее уже позади. Но в ночь на 16 февраля Джуди вдруг начала стонать и скулить. Фрэнк сидел с ней в темноте. Она то и дело просыпалась, продолжая скулить, видимо от боли. К рассвету она не в состоянии была встать и явно чувствовала себя очень плохо.

Фрэнк нес ее по улицам Начингвы в госпиталь, у него на руках она по-прежнему жалобно скулила. Доктор Дженкинс, английский хирург, обнаружил у собаки опухоль молочной железы и немедленно ее прооперировал. Поначалу казалось,

что операция прошла хорошо. Однако спустя несколько часов стало понятно, что собака, которая пережила столько опасностей, стала жертвой столбняка.

Она по-прежнему пыталась бороться, ей было больно. Для хирурга было очевидно, что она скоро умрет.

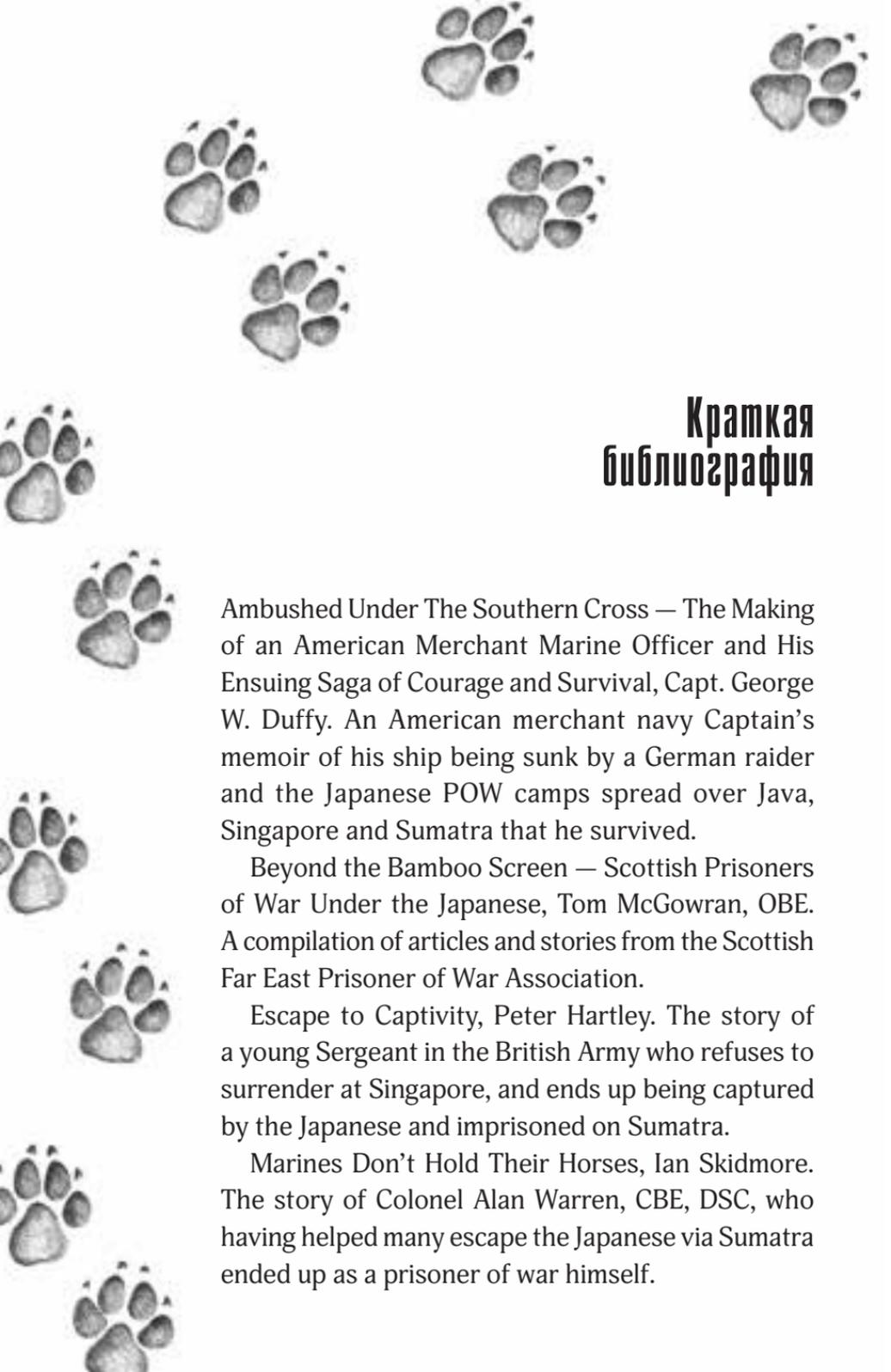
— Позвольте мне прекратить ее муки, Фрэнк, — тихо сказал он.

Тот кивнул в знак согласия. 17 февраля 1950 года в пять часов вечера по танзанийскому времени Джуди не стало.

Ее тело завернули в униформу военно-воздушных сил (та была подарена ей как талисману ВВС) и положили в маленький деревянный гроб. Джуди похоронили неподалеку от их жилища в Начингве. Фрэнк и его рабочие соорудили из белого камня и поставили на могиле памятник с металлической табличкой. На ней написано следующее:

*В память о Джуди —
обладательнице медали Марии Дикин.
Собака породы английский пойнтер.
Родилась в Шанхае в 1936 году —
умерла в феврале 1950 года.*

*14 февраля 1942 года была ранена во время бомбардировки
судна Королевского флота «Кузнечик»
и едва не утонула близ островов Лингга.
26 июня 1943 года стала жертвой крушения
судна «Van Waerwijck» в Малаккском проливе.
Находилась в японском лагере для военнопленных
с марта 1942 года по август 1945 года.
Китай, Цейлон, Ява, Британия, Египет, Бирма,
Сингапур, Малайя, Суматра, Восточная Африка.
Вечная память героям!*

Краткая библиография

Ambushed Under The Southern Cross — The Making of an American Merchant Marine Officer and His Ensuing Saga of Courage and Survival, Capt. George W. Duffy. An American merchant navy Captain's memoir of his ship being sunk by a German raider and the Japanese POW camps spread over Java, Singapore and Sumatra that he survived.

Beyond the Bamboo Screen — Scottish Prisoners of War Under the Japanese, Tom McGowran, OBE. A compilation of articles and stories from the Scottish Far East Prisoner of War Association.

Escape to Captivity, Peter Hartley. The story of a young Sergeant in the British Army who refuses to surrender at Singapore, and ends up being captured by the Japanese and imprisoned on Sumatra.

Marines Don't Hold Their Horses, Ian Skidmore. The story of Colonel Alan Warren, CBE, DSC, who having helped many escape the Japanese via Sumatra ended up as a prisoner of war himself.

Prisoner in Nippon, Ray S. Stubbs. Tells the story of the author's retreat from Singapore and capture by the Japanese and the years he spent as a prisoner of war.

Prisoners in Java — Accounts by Allied Prisoners of War in the Far East (1942—1945) captured in Java. As the title suggests, the book contains collected articles written by former POWs, compiled by the Java Far East Prisoner of War Club.

Prisoners of War — Australians Under Nippon, Hank Nelson. Stories of the Australian servicemen and women held in Japanese prisoner of war camps.

Spice Island Slaves, Leslie J. Audus. Presents a history of the Japanese prisoner of war camps in Eastern Indonesia during the war years.

Survivors of the Sword — Prisoners of the Japanese 1942—45, Brian MacArthur. Compelling stories from survivors from across the Japanese prisoner of war and slave- labourcamps. An excellent read.

The Animal Victoria Cross — the Dickin Medal, Peter Hawthorne. Compilation of short stories covering the Dickin Medal winners throughout its history. 4386.indd 320 26/02/14 7:30 PM

The Animals' VC — For Gallantry or Devotion, David Long. Compilation of short stories covering the Dickin Medal winners throughout its history.

The Conjurer on the Kwai: Captivity, slavery and survival as a Far East POW, Peter Fyans. Superb first- hand account of a British POW who used his skills as a magician and conjurer to stay alive in the Japanese labour camps, and to save countless other Allied lives.

The Defining Years of the Dutch East Indies, 1942—1949, edited by Jan A. Krancher. Contains survivors' accounts of the Japanese invasion of what was then the Dutch East Indies and

the incarceration of the European, American and local POWs and their forced labour on the death railway.

The Judy Story, E. Varley. A short but engaging book written with the assistance of some of the Yangtze gunboat crews, telling of Judy's life and adventures.

The Jungle Journal — Prisoner of the Japanese in Java 1942—45, Frank and Ronald Williams. The story of a young Royal Artillery officer who was held as a Japanese prisoner of war in the Dutch East Indies, as told through his diaries.

The Sumatra Railroad: Final Destination Pakan Baroe, 1943—45, Henk Hovinga. One of the very few books telling the story of the other death railway — the one pushed through the Sumatra jungles by the POWs. Encyclopedic. Definitive.

Unsung Heroes of the Royal Air Force, Les and Pam Stubbs. A useful and informative record of the RAF airmen held as Japanese prisoners of war.

Yangtze River Gunboats 1900—49, August Konstam. Short but excellent book about the Yangtze gunboats, including fine photos and illustrations.

Приложение

ОРИГИНАЛЫ ДОКУМЕНТОВ

Я решил включить в книгу копии официальных документов, полученных в Национальном архиве, Адмиралтействе, Имперском военном музее и так далее. Надеюсь, они окажутся весьма полезными в попытке пролить свет на некоторые ключевые моменты необычной истории Джуди и ее друзей. Читая их, я постепенно открывал для себя природу дружбы Джуди с людьми на фоне драматических событий военного времени, природу ее бесконечной преданности им.

Каждый документ сопровождается пояснением автора.

ДОКУМЕНТ 1

Примечание автора: это отчет о потоплении «Кузнечика», судна, на котором Джуди попала в кораблекрушение во время эвакуации из Сингапура.

Рассказ 7

Примечание — среди потерпевших кораблекрушение, возможно, были офицеры, находившиеся в лагерях на Суматре и в Сиаме.

Военнопленный,
Майл Скул,
Палембанг

№ 9/9/45

4 апреля 1942 года

ЗАЯВЛЕНИЕ МИСТЕРА Х. БАРДЕНА

Восточный банк, Сингапур, корабль «Кузнечик» (водоизм. 800 тонн)

Мы покинули Сингапур в 17.30 13 февраля 1942 года в сопровождении судна «Стрекоза». Около 10:00 14 февраля самолет сбросил на нас бомбу, но промахнулся. В 12:30 две эскадрильи истребителей по 25 самолетов начали бомбардировать нас, налетая волнами. Нас подбили, и машинное отделение начало затапливаться водой. Корабль причалил к маленькому острову архипелага Рио. Запасы и резервы были уничтожены. Весь штат (включая 60-80 гражданских) был высажен на берег. Шкипер (Хоффман) помог доставить нас в Дабо, куда мы прибыли 18 или 19 февраля. Во время взрыва у меня была травмирована спина, и я попал в госпиталь, куда прибыл и капитан Кирквуд. 23 февраля голландцы забрали сорок из нас в госпиталь в Джамби. Еще одно судно со спасенными из Дабо следовало вместе с нами, но сразу пошло в Паданг. В основном там все были военными.

Первого марта мы хотели выдвинуться в Паданг, но, пока мы находились в госпитале, перевозящее нас судно было разбито.

Японцы прибыли в Джамби 6 марта. Мы оставались в госпитале до 27 марта, а еще через два дня из военных казарм Джамби нас забрали в Палрумбанг, куда я прибыл 31 марта как военнопленный.

Среди тех, кто отправился в Паданг, командующими были Александр Р. Н. и лейтенант Рейд.

Мистер Х. М. Джеймс (плантатор) умер в госпитале в Джамби.

Когда мы уезжали, в госпитале остались миссис Парр, которая была тяжело ранена в руку, Делримпл (ВВС) — он был ранен шрапнелью в ногу; Марин Фэйт (также ранена), мисс Хартли, пожилая женщина с легким ранением шрапнелью в ногу, две китайские медсестры из главного госпиталя в Сингапуре и две евразийские медсестры. К сожалению, я не знаю, что случилось с большинством людей, которые остались в Дабо.

ДОКУМЕНТ 2

Примечание автора: это отчет с корабля «Стрекоза», затопленного при попытке эвакуировать людей из Сингапура.

Заявление капитана Р. Л. Лайла (ныне майор) о крушении «Стрекозы» и передвижениях выживших, а также список имен тех, кто был убит.

Я разделю этот отчет на три части:

1. Обстоятельства, при которых затонуло судно «Стрекоза».

2. Маршрут выживших от места кораблекрушения до Коломбо.

3. Перечень имен убитых.

1. Крушение судна «Стрекоза».

Примерно в два часа ночи 14 февраля 1942 года корабли Ее Величества «Стрекоза» и «Кузнечик» начали эвакуацию различных частей и дивизий, остававшихся на острове Сингапур. В это время оба корабля были обстреляны, но ушли с легкими повреждениями и без жертв.

На полной скорости они шли всю ночь. К 9:30 утра 14 февраля их заметил японский самолет, совершавший разведку. «Стрекоза» шла первой, а «Кузнечик» двигался в миле от нее.

Самолет пролетел над «Стрекозой» и сбросил на нее две бомбы малого калибра, однако бомбы в цель не попали и обошлось без жертв. Заработали корабельные орудия. Самолет не обратил внимания на судно «Кузнечик». Когда стало понятно, что это разведывательный самолет, командир судна решил укрыться у маленького острова неподалеку, пока самолет-разведчик не вывел на них эскадрилью. После этого наш курс немного изменился. Судном «Стрекоза» командовал капитан Шпротт. Кораблем «Кузнечик» командовал Хоффман. Однако до того как мы успели укрыться у острова, с севера появились еще 123 японских бомбардировщика, о чем меня проинформировал лейтенант Шеллард. После появления самолетов прозвучал сигнал тревоги и гражданским было приказано спуститься. Меня тоже втолкнули в коридор между офицерскими каютами в числе других офицеров и стрелковой команды. Так или иначе, капитан корабля обеспечил весь штат спасательными поясами. В то время не было возможности записать имена присутствующих на борту и распределить их по группам, ведь при посадке на судно в Сингапуре нас обстреляли, в результате чего многие части потеряли своих офицеров. Однако команда составляла 73 человека, а точное количество людей на судне было 223, из которых 152 — армейский персонал,

в основном из второго полка Восточного Суррея, первого Манчестерского батальона, штаба моей бригады, Индийской информационной бригады 6/15; несколько летчиков и люди из разведывательного корпуса.

Находясь внизу, мы вскоре услышали звук кружащего над нами самолета. Он летал несколько минут. С моего места был отчетливо слышен сильный взрыв, после чего заглохли двигатели, которые до этого работали на полную мощность. Было очевидно, что случилось что-то серьезное, и мы цепочкой побежали на палубу.

Оглядевшись, я понял, что случилось худшее: корма и дымоходная труба превратились в груды металла, хвостовая часть судна вовсе исчезла. Подойдя ближе к разлому, я понял, что людям, находившимся на корме, выжить не удалось. Однако через отверстие, проделанное бомбой, мы увидели несколько очень тяжело раненных мужчин. Уже мало что можно было сделать, так как к этому времени корабль был наполовину потоплен.

Старший матрос по имени Бреннан распорядился спустить на воду две лодки. Также мы начали готовить к спуску две маленькие шлюпки. Туда нужно было переложить раненых, лежащих на палубе, и тех, кто был в состоянии ходить, до того момента, как корабль пойдет ко дну. Я вместе со многими оставался на палубе, пока командир Шпротт не дал разрешения покинуть корабль. Затем мы прыгнули за борт и уплыли подальше от корабля. Командир Шпротт все еще оставался на мостике.

Было около половины одиннадцатого утра. Мы проплыли порядка ста ярдов, а затем я обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на корабль. Когда он уже почти затонул, я увидел, как два офицера спрыгнули с мостика и исчезли под водой.

Все, что осталось видимым, — это нос корабля, который оставался на поверхности еще несколько часов. Не более чем через пять минут с момента взрыва бомбы судно затонуло.

Потом, я помню, две лодки подплыли к месту крушения, и люди стали карабкаться по спасательным веревкам.

В это же время вновь показалась эскадрилья в количестве более шестидесяти самолетов. Они видели, что с нами произошло, и занялись «Кузнечиком». С ним они сделали то же самое, что и с нашим судном, — всей эскадрильей устроили «ковровую бомбардировку». Некоторое время корабль казался неуязвимым. Сотни бомб стелились вокруг него. К этому времени судно успело отплыть на полмили, пытаясь скрыться от огня. Несколько бомб попало в людей, которые в этот момент находились в воде. Мы наблюдали издали, как все это время «Кузнечик» лавирует, пытаясь укрыться от бомб вблизи острова. Я был уверен, что он подбит, и оглянулся, чтобы удостовериться в этом. Судно стремилось зарыться в песок до того момента, как загорится оружейный склад, что ему в конечном счете удалось.

Потом я узнал, что «Кузнечик» понес потери числом всего 8 или 9 человек.

После транспортировки спасшихся со «Стрекозы» одна лодка отправилась на поиски остальных выживших.

Вторая груженная лодка уплыла в направлении, как я предполагаю, Суматры, и сейчас были видны лишь ее очертания. Другая же, как я уже говорил, добралась до ближайшего острова.

В воде все еще было много людей. Я решил, что больше шансов спастись будет, если добраться до берега вплавь. Со мной были одни офицеры, и я крикнул еще шести людям, чтобы присоединялись к нам. Несколько человек поплыли

к острову самостоятельно. Только одного из них я видел после. Еще я отметил, что все, кого мне удалось собрать, были из военно-морских подразделений.

Сначала мы кричали тем, кто был в лодке, но она была слишком далеко, чтобы с нее можно было увидеть и услышать нас, к тому же мы поняли, что она заполнена настолько, что мы не сможем там поместиться. Наша группа решила плыть до самого берега.

К этому времени эскадрилья, выполнив задание, уже улетала, но через полчаса появились новые самолеты. Они приближались к нам и летели очень низко — насколько я успел понять, с востока. Мы сразу поняли, что они собираются расстрелять лодку. Самолеты возвращались, чтобы истребить выживших. Они летели по 2—3 машины в ряд, придерживаясь четкого порядка. Они повторили свой рейд дважды, а потом собирались то же самое проделать с нашей группкой. Было совершенно понятно (несмотря на то, что мы находились на определенном расстоянии), что в лодке очень много жертв. Нам повезло больше: никто даже не был ранен.

Повторив, как я уже сказал, свой рейд, они улетели в том же направлении, откуда появились. Больше мы их не видели. Затем те, кто остались в живых на лодке, продолжили плыть к ближайшему острову, мы следовали в том же направлении.

Примерно в полседьмого вечера нас подобрала эта же лодка. Часть людей нашей группы помогла грести до берега, и в семь часов мы его достигли.

Мы пересчитали людей и, если я правильно помню, насчитали двадцать два мужчины из лодки и пятеро тех, кто плыл со мной. Восемь человек из лодки были в тяжелом состоянии. К сожалению, мы пристали к острову, где не было ни еды, ни воды, и раненым тяжело было оказать хоть какую-то помощь,

а их было больше половины среди нас. Я не знаю, как назывался тот остров.

На следующее утро мичман, которого звали, кажется, Кларк, вернулся после прогулки по острову с еще восемью людьми. Те плыли во второй лодке и высадились дальше на побережье. Теперь нас стало тридцать шесть. Кто-нибудь еще мог добраться до соседних островов вплавь, но мне кажется, не более нескольких человек. Большинство же, вероятно, погибли от взрыва либо были расстреляны после.

Имена всех служащих, доплывших до берега, и тех, кто умер в последующие дни, я укажу в третьей части отчета.

(подпись)

2. Маршрут спасшихся (от места катастрофы до Коломбо).

Обращаясь к последнему предложению из министерского устава, которое гласит: «определить свое местонахождение и местонахождение выживших», я укажу краткий маршрут выживших.

Как я уже писал в первой части своего отчета, название острова мне было неизвестно. Однако, посоветовавшись с командой судна «Стрекоза», мы решили, что находимся примерно в ста милях южнее Сингапура, по соседству с группой островов Сингкеп, в десяти милях от Понгпонга. Я не знаю, правильно ли мы его называли, но Понгпонг — это то место, где был обнаружен пароход «Kuala» с большим количеством медсестер на борту.

Как видно на карте, здесь сотни маленьких островов, многие из которых офицеры обыскивали в поисках выживших, так как на этой территории 14 февраля 1942 года затонуло много кораблей. Мне кажется, что в радиусе сорока миль пошло ко дну девять судов.

Не пробыв на этом маленьком острове и сорока восьми часов, мы попытались сделать из нашей лодки хоть какое-то подобие мореходного судна. Наконец мы были готовы отправиться на поиски команды «Кузнечика» на некоем подобии маленького сампана. Остров, на который мы наконец прибыли, назывался, по-моему, Пайсек. К сожалению, там мы не встретили ни души. Но до этого, еще будучи на предыдущем острове, мы потеряли много раненых. Имена их есть в отчете в третьей части.

На втором острове мы пробыли двадцать четыре часа, а потом туда приплыло много сампанов, которые были отправлены голландской инспекцией с другого острова в сорока или пятидесяти милях отсюда. Там знали, что произошло много кораблекрушений. Сампаны прибыли из небольшого голландского поселения под названием Дабок. Нам пришлось воспользоваться сампаном, так как наша лодка уже была непригодна к использованию из-за многочисленных пулевых пробоин. На нем мы решили отыскать команду «Кузнечика». Они находились на острове в десяти или пятнадцати милях от нас. Его названия я не знаю, поскольку деревню, в которой мы остановились, местные жители оставили и ушли, я полагаю, в джунгли ради собственной безопасности.

Здесь будет уместно заметить, что несколько местных жителей, которых мы встретили до этого, информировали нас о том, что здесь были японцы, предупредившие рыбаков, что у местных будут проблемы, если японцы узнают, что те оказывают помощь британцам.

Вскоре после воссоединения с командой «Кузнечика» за нами прибыл катер, чтобы отвезти в Дабок. У нас ушло три ночи, чтобы рассказать все представителям военного контингента этого острова. Однако здесь мы были в безопасности.

Многие из нас, я в том числе, попали в госпиталь. Пока я находился там, была создана группа под командованием инспектора, командира Хоффмана и еще одного или двух человек. Было решено, что все способные к передвижению, в том числе и большое количество гражданских с этого острова, будут отправлены на большом корабле на Суматру, что лежала в восьмидесяти милях отсюда. Таким образом, пока я был в госпитале, большое количество военных отправилось из Дабока на Суматру.

Интересно, что никого из команды «Стрекозы» я после этого больше никогда не видел. Я могу только предположить, что они высадились в другой части Суматры, после чего должны были проделать путь по земле быстрее меня и уплыть из Паданга на последнем корабле.

Через несколько дней пребывания в госпитале я был отправлен на Суматру на катере вместе с другими ранеными, которые были в состоянии ходить. Мы прошли через устье Индрагири и прибыли в Тембхилахан. По-моему, те, кто отплыли до нас на лодках, скорее всего, прибыли в Джамби, который находился дальше к югу. Японцы же к этому времени прибыли в Палембанг и двигались на север, поэтому путь беженцам на восток Суматры был отрезан.

Из Тембхилахана мы по речке добрались до Ренгата, а оттуда — в Аирмулек. В каждом пункте мы находились не дольше одного или двух дней. Отсюда мы добирались на грузовике до Савалуенто, а потом в Паданг. Некоторые из раненых не могли перенести все путешествие, поэтому оставались в госпиталях по линии маршрута. Наконец ранним утром 3-го марта 1942 года я покинул Паданг на судне «De Weert». Ко дню отправления в городе не осталось никого из личного состава, за исключением полковника Уоррена, который отвечал за эва-

куацию из порта. Однако потом стало известно, что еще около семисот человек находятся на западе Суматры, то ли в Джамби, то ли на Индрагири. Их путь занял бы порядка недели, и ждать «De Weert» не представлялось возможным.

ДОКУМЕНТЫ 3 И 4

Примечание автора: два отчета с судна «Van Waerwijck», на котором Джуди попала в кораблекрушение во второй раз.

Тренби Лодж, Хесслъ, И. Йорк.
25 мая 1946 года

Кому: заместителю Министра обороны
Военное ведомство,
Эдж Лейн
Ливерпуль. 7

От: капитана Дж. Г. Гордона,
Королевская артиллерия

Сэр, Я отвечаю на ваше письмо от 24 мая. Регистрационный номер M/954. Я постараюсь ответить на семь вопросов, но обращаю ваше внимание на то, что уже отправил полный отчет об этой катастрофе в главный офис военной прокуратуры, а также непосредственно ездил туда и в другие ведомства в Лондоне. Однако я предоставлю информацию и персонально вам.

Я плыл на японском судне, которое шло по маршруту из Медана в Сингапур, не в Палембанг, как утверждалось вами.

Ответы на ваши вопросы:

(4) «Van Warweak»

(5) 14:00, 26 июля 1914

(6) Двести семь (не вполне уверен)

(7) шестьдесят семь, включая трех, которые умерли сразу по прибытии в Сингапур из-за полученных ранений.

(8) а. Шестьдесят миль к югу от Медана со стороны Суматры в Малаккском проливе, семь или восемь миль от берега.

б. Три вражеских корабля по соседству собирали выживших. Один танкер большого размера и два корвета.

в. Полностью скрылся из вида в течение пяти минут, затонул в течение трех.

(6) Все британцы были спасены вражеским кораблем (насколько мне известно).

(7) Я сожалею, что некоторые мои записи были изъяты во время пребывания в японском плену. Однако практически вся информация была считана и хранилась в главном лагере в Паканбару, Суматра. Отвечают за нее подполковник авиации П. С. Дэвид и старший военный врач офицер Е. М. Хенесси. Последний до своего переезда в Сингапур был ответственным за все записи военных. Если этих записей недостаточно, вы можете задать мне конкретные вопросы, и, если мне удастся ответить, буду рад помочь.

Добавлю, что я попал в рыболовную сеть, когда плыл к берегу, и был выловлен небольшим корветом. Ступив на борт, я пошел к капитану японского судна, чтобы поблагодарить за спасение, и спросил, можем ли мы проплыть вдоль места кораблекрушения, чтобы посмотреть, жив ли еще кто-нибудь. Основная масса спасшихся уже скрылась из виду с места кораблекрушения на других судах. К моему удивлению, он согласился. Мы следовали вдоль обломков, периодически останавливаясь, чтобы проверить то или иное тело. Поэтому могу

заявить, что примерно в 16:30 живых в воде на месте кораблекрушения не осталось.

Когда позже был отправлен на Суматру, я узнал, что четверо голландских военнопленных были подобраны рыболовным судном и также доставлены на Суматру. После тщательного расследования я не смог найти никаких следов других военнопленных, которые были бы спасены подобным образом или добрались до берега. Можно сделать вывод, что всех выживших японцы отправили на Северную Суматру в базовый лагерь в Паканбару. Других выживших, кроме тех, кто значился в основном списке в Паканбару и Чанджи, в Сингапуре не было (этот список был доставлен в Чанджи майором П. Е. Кемпбеллом из индийской армии первой же ночью после затопления).

Дж. Г. Гордон,
Капитан Королевской артиллерии
28.05.1946

Кому: Офицеру командования,
Главный медицинский корпус,
Харфилд, Миддлсекс
От: 7259601 W. O. 11. Эккерсел К. П. Дж.,
R. A. M. C. Det. 12,
Главный медицинский корпус,
Харфилд, Миддлсекс
Дата: 28 мая 1946

Сэр, я отвечал военному ведомству письмом № MA/OR/954, датированным 24 марта 1946 года, насчет потерь британских частей, которые (за исключением пленных на Дальнем

Востоке) были потоплены вражеским судном 26июня 1944; данные сведения представлены.

Маршрут проходил из Медана в Сингапур, а не так, как было указано в письме военного ведомства.

(9) Насчет названия судна я не уверен. Что-то вроде «Kweweget». До захвата врагом это было грузопассажирское судно, работавшее на линии К. Р. М. Его номер, по моему, Р. 1406. Точно сказать не могу, однако командующий подводной лодкой союзников должен был отметить номер до его потопления.

(10) Корабль затонул в 13:47 (токийское время) в понедельник 26 июня 1944 года.

(11) Примерно 300 союзников. Среди них британцы, американцы, австралийцы, примерно 450 голландцев и представители других европейских национальностей.

(12) 62 человека из состава подразделений союзников погибло. Это обнаружилось после подсчета в долине реки Камо 28 июня. Потом умерло еще трое в госпитале для военнопленных в Чанджи Гаол, Сингапур. Ниже их имена:

Сержант Фаулер Р. А.

Сержант-майор Конли Р. К., сигнальный

Офицер Кристофер Р., ВМФ

Всего: 65.

Полное количество погибших, включая голландцев — около двухсот.

Насчет 65-ти погибших я уверен, так как после капитуляции Японии я сверял имена всех погибших (кроме голландцев) на территории лагерей для военнопленных в Паканбату с 1-го июля по август 1944 года. Этот список включает данные касательно каждого (кроме голландцев), кто погиб во время затопления корабля. Данные прописаны следую-

щим образом: национальность, номер, звание, фамилия, инициалы, ранг вооруженных сил.

Копии списка, указанного ниже, взяты в штабе союзников в Паканбару у полковника Е. М. Хенесси и переданы ответственным лицам из главного управления в отеле «Goodwood-Park», Скотт-роуд, Сингапур, в начале сентября 1945 года.

Примечание: заполнение голландских журналов находилось в зоне их ответственности.

5а. Время отправления из Медана — 16:00 по токийскому времени, в воскресенье 25 июня 1944 года. Ход примерно шесть узлов. Судно стало на якорь и вновь выдвинулось на рассвете (прибл. 20:00—5:30). Примечание: все часы были настроены на японское время после 1-го апреля 1942 года по приказу японского командования. Светло было почти до 20:30.

Конвой состоял из трех или четырех кораблей. Это были танкеры в сопровождении маленьких корветов, вооруженных глубинными бомбами и легкими пулеметами. Также в сопровождение входили два японских бомбардировщика.

Корабль был потоплен подводной лодкой союзников возле Танджунг Бали, маленького острова протяженностью семь километров, в 13:47 26 июня 1944 года при помощи двух торпед, выпущенных с расстояния примерно шести миль со стороны порта.

Конвой придерживался береговой линии со времени отплытия от Медана до самого момента потопления на расстоянии примерно 4 или 5 километров от берега.

Здесь потерпели крушение и другие суда, так как везде были видны обломки.

После затопления корабля, о котором я говорю, часть его высотой примерно 12 футов оставалась над водой.

5б. Поблизости не было никаких дружественных судов. Вражеские корабли с конвоем отказались собирать выживших. Этим занялись команды коммерческих японских судов и японская военная охрана.

Все выжившие военнопленные были вытащены из воды к 16:45 26 июня 1944 года.

Были еще два или три голландца, один из которых — доктор по фамилии Юргенс, капитан первого ранга голландских ВМФ, который добрался до берега вплавь и сдался местной полиции в ближайшей деревне. В конце концов он был помещен в лагерь для военнопленных в Паканбару позже, примерно в августе 1944 года.

5в. Судно продержалось на воде не дольше семи минут после торпедирования.

6а. Два или три, как отмечалось в пункте 5б.

6б. Примерно 550 человек было подобрано коммерческими судами и корветами.

Для большей информативности я хочу добавить еще некоторые детали:

Конечным пунктом движения был Паканбару, Центральная Суматра. Причина, по которой нас конвоировали из Медана в Сингапур по воде, заключалась в том, что не было подходящего наземного транспорта, — переправа по суше из Медана в Паканбару заняла бы четыре дня.

Военнопленных из Медана до Сингапура решили транспортировать на большом судне. В Сингапуре нужно было перебраться в маленькое речное судно, вернуться на Суматру и патрулировать длинные и узкие реки, которые пополнялись с гор на западном побережье Суматры, а затем вернуться в Паканбару, соединив морской и речной маршрут.

Я надеюсь, что информация, поданная здесь, немного прояснит обстоятельства печального события.

С почтением, сэръ, ваш покорный слуга

К. П. Дж. Эккерсел 7259601 W.O.11.R.A.M.C.

ДОКУМЕНТ 5

Примечание автора: отчет о принудительном труде в суматранских джунглях бригад, составленных из военнопленных, которые перенесли весь ужас лагерной жизни, но не пали духом и оказывали сопротивление противникам союзных войск.

Отчет о труде рабочих бригад военнопленных в Гайе, Атье, Суматра

1. 3-го марта 1944 года бригада из 300 голландцев и 200 англичан покинула лагерь Глигир, Медан, Суматра. Старшим офицером союзников был капитан Ван дер Ланде. Британским старшим офицером был лейтенант Л. Р. Т. Хенман, британским старшим по медицинской части был капитан П. М. Кирквуд. Всем отрядом командовал лейтенант Миура из японской армии.

2. По прибытии в Кета Тжан после дня путешествия на грузовике лейтенант проинформировал нас, что в последующие дни мы должны будем преодолеть пешком 135 километров (85 миль) до Бланкедтерен, Атье. После протеста старших офицеров-союзников, включая медицинских офицеров, было позволено остаться еще на один день до начала похода. Все личные вещи, которые нельзя было унести, должны были остаться в Кета Тжане.

3. Переход должен был пройти в четыре этапа с одним выходным днем в пути. Паек состоял из риса, сои и мяса.

Из-за плохой организации со стороны японцев должное количество пищи не всегда доставлялось. Многие британские пленные не имели даже бутылок с водой и, несмотря на предупреждение, пили из ручьев по дороге, а потому подвергались риску заразиться дизентерией. Мужчины не маршировали уже более двух лет, поэтому многие сильно натерли ноги. Тем не менее мало кто из британцев сдался. Бригада из 45 военных Королевского флота (под командованием мл. лейтенанта Х. Хедли, округ Майсур) завершила переход практически на четвереньках, потеряв лишь одного человека.

4. Примерно через месяц британский контингент (состоявший из четырех бригад — моряков, пехоты, ВВС и разведки) наконец был расквартирован в лагере на 28-м километре дороги Бланкедтерен Такенгонг. Эта дорога строилась японцами при помощи военнопленных и местного населения. Лагерь находился на высоте примерно 3000 футов и состоял из хижин, выстроенных самими военнопленными по прибытии. Лейтенант Хедли, все моряки и некоторые пехотинцы провели две ночи среди местных кули в лачугах из листьев и стеблей папоротника, скрепленных грязью и экскрементами (человеческими и не только), до того как им было позволено зайти в лагерь на 28-м километре. Свой лагерь они как можно тщательнее выстроили из деревьев, срубленных в джунглях, и пальмовых листьев.

5. Мужчин отправили на работу, как только это стало возможно. Непригодные к тяжелому труду были оставлены в лагере для работы на кухне и колки дров. Основная работа состояла в прокладке горных дорог, вырубке лесов, строительстве мостов, уборке камней и расчистке почвы для последующей накатки щебнем. Средняя продолжительность рабочего дня составляла примерно 9 часов при любой по-

годе, а во время уборки камней мужчины проходили до тридцати километров в день.

6. Больных нередко тоже заставляли трудиться. Для выполнения конкретного вида работ требовалось определенное количество людей. Если здоровых в данный момент не хватало, японцы выгоняли на работы больных и раненых. Приложенная переписка между капитаном Кирквудом и лейтенантом Миурой дает возможность понять ситуацию. Протестовавших офицеров нещадно избивали на глазах у других военнопленных.

7. В этот период на каждого приходилось по 300 граммов риса и 200 граммов соевых бобов в день, также в рационе присутствовала соленая рыба, примерно два вола (на пятьсот мужчин) в неделю и немного овощей (см. отчет мл. лейтенанта Хедли). Большинство мужчин не могли есть бобы из-за диареи (см. отчет капитана Кирквуда). Разумеется, рацион не соответствовал нагрузкам.

8. Поначалу было много случаев дизентерии. Те, кто оказывались на лечении в так называемом «госпитале» в Бланкедтерен, попадали в руки к голландскому военному доктору по фамилии Дюринг, который прекрасно справлялся со своей работой практически без инструментов. После выздоровления пациенты возвращались в лагерь (23—28 км) с тушей вола, рассчитанной на всех пленных. Именно задержка с госпитализацией была, по моему мнению, причиной смерти механика Лаэ, одного из трех британцев, умерших в Атье.

Два письма прикрепляются к оригиналу этого отчета военному ведомству М15.

(13) Позже многие мужчины стали продавать свою одежду, за счет чего могли купить рис, фрукты и сахар. Для сделок им приходилось покидать лагерь ночью. Когда кого-либо

из них ловили, то наказывали весь лагерь. Мужчины должны были стоять по стойке «смирно» по два часа после рабочего дня ежедневно. Конвоиры обещали договориться о легальных поставках фруктов, но вскоре забывали об обещании, что было вполне в стиле японцев.

Моральный дух пленных в этот момент был очень высок, особенно после новостей о вторжении Европы, иначе их последующее передвижение вниз, на равнины, которое началось 6-го октября, могло бы сопровождаться гораздо большими жертвами.

5 октября в 18:00 Миура сообщил мне, что в последующие дни мы должны будем пройти примерно 85 миль, и осуществлять передвижение надо как можно быстрее (в целом поход занял 81 час, включая остановки на питание, сон и отдых).

(8) Большинство мужчин не имели обуви, многие страдали от диареи и дизентерии. Дороги были очень крутыми и ухабистыми. Корейские конвоиры (пока сами не остались далеко позади) использовали палки и приклады винтовок, чтобы подгонять отстающих. Капитан Кирквуд сам страдал от дизентерии, однако помогал всем больным.

13. Тяжелее всего давались ночные отрезки пути — с 20:00 до 04:00. В это время я шел с моряками и мы пели песни «Орел парит высоко...», «Лилия лагуны» и «Пиво на столе», чтобы было легче идти.

14. Корейский конвоир Мацуока был особенно жесток во время похода. Однажды старшина В. Спаркс № D/JX 125134 упал, он не мог идти из-за волдырей и нагноений на ногах. Он попросил помощи у капитана Кирквуда и старшины К. Дж. Носкотта № D/JX 137479. Конвоир избил прикладом винтовки всех троих, чтобы те шли быстрее.

15. Наконец мы прибыли в Кота Тжан, потеряв 6 % своих сил против 25 % среди японских и корейских конвоиров. Прямо на улицах на деревьях висели бананы, однако лейтенант Миура отдал приказ сержанту не позволять военнопленным покупать или рвать фрукты.

16. Миура преподавал мне один интересный урок. Он прекрасно говорил по-английски (и по-малайски) и, очевидно, был занят в крупном бизнесе в Японии, благодаря чему, как он говорил, у него было много друзей среди иностранцев. Он яростно убеждал меня, что пытается делать все, что в его силах, для военнопленных. Его особое обращение, особенно с больными, вкуче со сказанными словами, впечатляло и делало его похожим на одержимого. «Больные, — не раз говорил он мне, — японской армии не нужны. Им лучше умереть». Госпиталь же, по его словам, надо переделать в тюрьму. «Ты, — добавлял он, — слишком много жалуешься. Это не по-мужски».

17. Он не контролировал корейских надзирателей, они делали что хотели. После моих просьб он запретил им применять физическое наказание, но вскоре они начали игнорировать его приказы, а он, казалось, не замечал этого. «Не наказывай своих людей, — сказал он мне, когда я попросил для них более сурового наказания (это относилось к невыполнению санитарных норм). — Всегда будь добр. Я никогда не наказываю своих конвойных». Это был правдой.

18. Должен заметить, что дисциплина среди мужчин была на высоком уровне благодаря как офицерам (особенно лейт. Хедли и лейт. Д. С. Мэтьюзу), так и сержантскому составу. Те, кто входили в последний, должны были не только работать и проживать с другими пленными, но и возвращаться в лагерь каждый вечер, разносить еду, собирать деньги на полковые нужды (когда это было возможно), распределять

рабочую силу, разрешать споры без применения дисциплинарных санкций.

Королевский флот	Старшина Норскотт К. Дж. P. D/JX 137479 Старшина Босворд Ф. D/JX 140525 Старшина Спаркс В. D/JX 125134
Пехота	Сержант Маверти (18 дивизия) Сержант Пауэлл, 1454735 (шеф-повар)
ВВС	Сержант Эплтон Дж. Дж. 522620
Разведка	Мл. сержант Макей Л. 2/29, развед. бат.

Особо хочу отметить лейтенанта Хедли за прекрасное выполнение обязанностей, особенно во время похода из Бланкедтерен в Кета Тжан.

19. Капитан Кирквуд, несмотря на все обстоятельства, успешно берег здоровье людей (то, что от него осталось), хотя сам почти все это время был болен дизентерией. На протяжении восьми месяцев умерло всего три человека:

Механик Хопсон, разведка

Механик Лаэ, разведка

Виллис, рядовой ВВС

Тяжелые времена многочисленных потерь наступят позже, в Паканбару (см. отчет капитана Кирквуда и капитана Дж. Г. Гордона).

20. Весь отряд Атье (голландцы и британцы) был призван в Паканбару после почти трех недель отдыха в лагере недалеко от Медана (Сангей Сонгкел). По пути мы (500 человек) останавливались в форте де Кок (возле Паданга), где провели четыре дня в двух комнатах, обычно занимаемых городской полицией. В это время нам почти ничего не давали есть, санитарные удобства ограничивались сливной ямой, и мыть-

ся можно было только поливаясь из ковша. В комнатах было достаточно места, чтобы каждый мог лечь на полу. Больные лежали в отдельной комнате.

21. В лагере Петаи (Паканбару) лейтенант Миура столкнулся с необходимостью выкопать выгребную яму. Он не выделил нам для этого времени и запретил использовать дерево ближайших джунглей. Однако мы все-таки выкопали яму и укрепили ее, после чего он послал за мной и поздравил с завершением. За несколько дней до этого он жаловался, что британцы, хотя и повинуются его приказам, всегда делают это с «угрюмыми лицами». На следующий день (23 ноября) он вернул назад капитана Гордона, старшего британского офицера.

22. Этот офицер прекрасно исполнял свой долг в последний (и самый сложный) период нашего пребывания в лагерях вплоть до того момента, пока мы самым сердечным образом не расстались в Легасе в августе 1945 года. Он знал все детали об отряде Атье, о количестве потерь, которые я передал ему в Паканбару.

23. Наконец я хотел бы выразить благодарность от лица британского контингента в Атье капитану Дж. Дж. А. Ван дер Ланде и капитану Линггену — за эффективную организацию, особенно за связь с медицинским корпусом, а также — сержанту-майору Бугелсу, которому мы выражаем высочайшую похвалу.

Л. Р. Т. Херман,
лейтенант Королевского военно-морского флота

Содержание

Благодарности.....	9
От автора.....	11
Джуди. Четвероногий герой	13
Краткая библиография	308
<i>Приложение. Оригиналы документов</i>	311

Літературно-художнє видання

ЛЬЮЇС Демієн
Джуді. Чотириногий герой
(російською мовою)
Роман

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. О. Григор'єва*
Редактор *Н. Ю. Потехіна*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *Л. І. Чайка*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

ЛЬЮИС Дэмиен
Джуди. Четвероногий герой
Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *О. О. Григорьева*
Редактор *Н. Ю. Потехина*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *Л. И. Чайка*

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москва АО

141008 г. Мытищи, ул. Колпакова, д. 26, корп. 2

Тел./факс +7 (495) 984-35-23

e-mail: office@bmm.ru

www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

“Клуб Семейного Досуга”»

61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А

тел/факс +38 (057) 703-44-57

e-mail: trade@bookclub.ua

www.trade.bookclub.ua

Киевский филиал

04073, г. Киев, пр. Московский, 6, комн. 35,

тел. +38 (067) 575-27-55

e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесский филиал

65017, г. Одесса, ул. Малиновского, 16-А, комн. 109

тел. +38 (067) 572-44-28

e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88

e-mail: support@bookclub.ua

Интернет-магазин: www.bookclub.ua

«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25

e-mail: info@ksdbook.ru

Интернет-магазин: www.ksdbook.ru

«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

На крихітне цуценя, народжене в Шанхаї 1936 року, чекала незвичайна доля. Джуди опинилася на борту британського військового судна, ставши його талісманом... Вона мала разом із командою патрулювати річку Янцзи, евакуювати людей з обложеного Сингапуру, потрапити на безлюдний острів і з людьми пройти через пекло тaborу для військовополонених... Її талант відчувати небезпеку врятував не одне життя, а любляче серце допомогло вижити там, де, здавалося, не було ніякої надії...

Льюис Д.

Л91 Джуди. Четвероногий герой : роман / Демієн Льюїс ; пер. с англ. Ю. Сапрыкіна. — Харків : Книжний Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015. — 336 с.

ISBN 978-966-14-8827-3 (PDF)

Крохотного щенка, родившегося в Шанхае в 1936 году, ждала необыкновенная судьба. Джуди оказалась на борту британского военного судна, став его талисманом... Ей предстояло вместе с командой патрулировать реку Янцзы, эвакуировать людей из осажденного Сингапура, попасть на необитаемый остров и наравне с людьми пройти через ад лагеря для военнопленных... Ее талант чувствовать опасность спас не одну жизнь, а любящее сердце помогло выжить там, где, казалось, не было никакой надежды...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ